

АКСИОЛОГИЯ

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Ф.И. Гиренок* доктор философских наук, профессор *Б.Ф. Кевбрин*

Издание осуществлено в авторской редакции при поддержке фирмы "Совинсервис" — генеральный директор *Г. Либенсон*, фирмы "УТЕ" — генеральный директор *Э. Кузнецов*

Ильин В.В.

И43 Аксиология. - М.: Изд-во МГУ, 2005. - 216 с. ISBN 5-211-05011-8

Работа посвящена рассмотрению ценностных оснований активно-творческого, предметно-деятельного отношения человека к миру, себе, себе подобным.

Представляет интерес для широкого круга обществоведов.

© В.В.Ильин, 2005

© Издательство Московского университета, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
АКСИОЛОГИЯ КАК НАУКА.....	10
СОЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.....	23
ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ.....	31
МИР ЦЕННОСТЕЙ.....	47
ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ.....	108
ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ.....	150
ЦЕННОСТНЫЙ АКТ.....	200
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ум слишком скептичен, чтобы довериться мечте. В границах исканий он доверяется метафоре, соединяющей глубокомысленность и легкость, совершенство идеи и красоту слова. В свете сказанного справедливо обращение к непреходящим метафорам Кафки, без стиливых излишеств размышляющего над извечной коллизией бунтаря и законопослушника, представителя партии идеи и партии власти. Очищенные от напластований обобщенные образы представлены сторонами: Замок — власть; Деревня — толпа. Одному и другому оппонирует Землемер — не всеведущий, но искушенный мыслитель. Измеряющий глубины мира, обостряющий жизнезначимые вопросы он одинаково неудобен как толпе, так и власти. От имени обоих выступает староста, заявляя: "...нам землемер не нужен. Для землемера у нас нет никакой, даже самой мелкой работы. Границы наших маленьких хозяйств установлены, все аккуратно размежевано".

Однако вопреки очевидному оттаявшая душа — мыслитель — стремится перемежевывать. Поиск вечного масштаба и масштаба вечного обязывает начинать все сначала на, казалось бы, установленном. Не случайно рукопись "Замка" обрывается. Труд мыслителя не может быть завершен. Мыслитель, не нужный ни толпе, ни власти, нужен культуре. Для вставления деятельности и созидания в твердые рамки вечности.

С ответственностью боговдохновенного служителя он вновь и вновь берется за устранение вещей, раздражающих ум и достоинство. Не взирая на яростное, глухое сопротивление толпы, власти. Землемер может уйти из Деревни, но не уходит. Ибо деревня — Мир, который нужно преодолеть, преобразить. Развенчанием мнимых святых, разоблачением ложных идолов.

В пьесе жизни для Землемера уготована не завидная, но достойная роль — роль

путеводителя — созидателя, создателя ценностей.

Достоинства человека — высота Бога, этапы пробивания к которому отмечены печатью неизбежности:

— конфликт, противостояние мира и человека;

3

— борьба за идеал;

— обмирщение потребного;

— возобновление цикла.

Воплощение идеала требует труда, идущего на утверждение ересей и ниспровержение заблуждений.

Мы отрываемся от своих корней, пускаем новые. Правильно ли? Оценка того, становимся ли мы лучше, прорываясь к новому, может быть дана только с позиций будущего. Во всяком случае мы никогда не были поклонниками предвзятой идеи общей вирулентности прогресса человечества, выраженной Гесиодом:

В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных¹.

и Горацием:

Чего не портит пагубный бег времен?

Ведь хуже дедов наши родители,

Мы хуже их, а наши будут

Дети и внуки еще порочней².

За что мы ратуем, суть мысль: единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизуемый на стыке — в зазоре, расщеплении бытия на реальное и желаемое, сущее и должное, наличное и потребное. Первые члены дихотомий соотносятся с актуальным, вторые — с потенциальным существованием. Как чаемое достигается?

Человека порой понимают как желющую, думающую организацию. В контексте обсуждаемого предмета будем его понимать как организацию мечтающую.

Невозможное было возможно, Но возможное — было мечтой.

Как мечта воплощается? В состоянии полной продуктивности Я и не-Я неразличимы. Отсюда две возможности.

Первая: конструирование "дикого" бытия по одной свободной воле своей. Данный вариант, предполагающий разрушение всех систем, муссируемый контркультурой, воспет философией шизоанализа Делеза — Гваттари. С одной стороны, шизоаналитическая ситуация вполне свободна."

Гесиод. Труды и дни. 90—92. ² *Гораций. Оды. 111.6, 46-49.*

4

Свободно летящая птица Никому, ничему не верна.

С другой стороны, пребывать в ней весьма трудно. Вероятно, по этой причине обстановка вседозволенности (чистая анархия, сугубая самостийность) совпадаете универсумом волюнтарной иллюзии шизоида. Нет нужды говорить о ее вырожденности.

Вторая: созидание нормально человеческого бытия, где расширение онтологии, пробивание к иным типам реальности отвечает известному порядку вещей — системам правил, кодификациям. Миротворчество человека протекает не как освобождение от законов мира, а как их преобразовательное улучшение. В качестве высшей сферы мироздания человеку

Дано бесстрастной мерой

Измерить все...

Бесстрастной мерой измерить. Сия ответственная процедура осуществляется в опоре на критерии значимого, предпочтительного, которые образуют пространство ценностей (идеалов) — внутренних высоких целей, — того, ради чего все предпринимается. Почему человеческие предприятия должны быть сопряжены с ценностями? Потому

что, будучи несамодостаточными, они представляют объект достигаемого. Достигаемое же — стихия практики — операционально, инструментально покоится на качестве воплощенных технологий. Последние, отмечалось, могут быть любыми.

Как сделать инновации совершенными? Цивильно выхолощенным волюнтаризму, механицизму, прагматизму способна противостоять гуманитарно выдержанная созидательная программа. Демонов воли, дерзания, прорывов в не-время исключительно и первоначально сдерживают комплексы ценностного сознания, преодолевающие самочинность сбалансированием деятельности с высокими целями. "Земля, в виду небес, мертва" (Тютчев), — высокочувствительные сложные человеческие системы требуют адекватного, именно жизнью выношенного к себе отношения.

Повторимся: созидание бытия связано с творчеством — вдохновенным некаузальным взрывом. Без творчества мира нет самого мира. Но творчество, плодя отторгающие реакции, означает перекрытие регуляций, кодексов, конституций. Цивилизация рождена творчеством, но творчество, не ориентированное на жизнь, разрушает цивилизацию. Обостряется проблема ценностной санации творчества. В общем, поддержание цивильности, непадение в дикость при возможном росте дезорганизации обес-

5

обязывает выявить в ценностях партикулярные измерения (историчность, этничность и т.д.), однако мобилизующие деятельность не по собственному побуждению (волюнтаризм), а по аккумулярованным и апробированным в групповом опыте (и, следовательно, также высоким) целям.

Каждая культура отличается от другой аутентичным набором ценностей, обуславливающих специфику поведения ее представителей. Увязывание ценностей, гуманитарных значимостей с типами коммуникаций, обменом деятельностью в присущих народам основных культурах мира произведено в нижеследующей таблице, заимствованной у К. Ситарамы и Г. Когделла⁷.

Схема классификации ценностей

Условные обозначения: З — западные культуры; В — восточные культуры;

Ч — черные культуры Америки; А — африканские культуры;

М — мусульманские культуры.

Ценности	Первичны е	Вторичны е	Третичны е	Несущественн ые
Индивидуальность	З	Ч	В	М
Материнство	чв	мз		
Иерархия	ЗВМА	ч	-	-
Мужественность	ЧМВЗА	-	-	-
Мошь	ВА	мч	З	-
Мир	В	ч	ЗА	М
Деньги	ЗАЧ	м	В	
Скромность	В	ЧАМ	-	З
Пунктуальность	З	ч	МВ	А
Спасение	З	м	—	вчм
Карма	В	-	-	МЗЧА
Первенство	З	ч	-	ВАМ
Агрессивность	ЗА	М	АВ	
Коллективная ответственность	ВАМ	ч	-	З
Уважение к старшим	ВАМ	ч	-	З
Уважение к молодежи	З	МАЧВ	-	-

Гостеприимство	ВА	Ч	-	З
----------------	----	---	---	---

См.: Ситарам К., Когделл Г. Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. №4.

8

Ценности	Первичные	Вторичные	Третичные	Несущие
Наследуемое имущество	В	—	МЧВ	—
Сохранение среды	В	ЧА	З	М
Цвет кожи	ВЗЧ	М	—	А
Святость пахотной земли	В	А	—	ЧМЗ
Равенство женщин	З	ВЧ	А	М
Человеческое достоинство	ЗЧ	ВАМ	—	—
Эффективность	З	Ч	ВМ	—
Патриотизм	ЧМАВ	З	—	—
Религия	ЗЧМАВ	—	—	—
Авторитаризм	ВМА	ЗЧ	—	—
Образование	ЗЧ	ВАМ	—	—
Непосредственность	З	ЧВМА	—	—

Настоящая книга представляет собой плод многолетней работы автора над аксиологической проблематикой, по ходу изложения некоторые из ранее высказанных идей уточнены, некоторые приспособлены к последовательным уровням контекста изложения.

Хотелось бы выразить искреннюю признательность рецензентам труда — профессорам Ф.И. Гиренку и Б.Ф. Кевбрину за нелицеприятную, но вдохновенную критику.

АКСИОЛОГИЯ КАК НАУКА

1. Понятие аксиологии. Аксиология — объемная философская доктрина ценностей (императивы, идеалы, эталоны, регулятивы, принципы, нормы), анализирующая природу, характер, способы, состав регламентирования смысложизненных позиций, ориентации, мотиваций человеческой деятельности. Хотя соответствующий термин (от греч. αξία — ценность), номинирующий философскую доктрину ценностей, введен П. Лапи лишь в 1902 г. (он заменил им используемый И. Крейбигом термин тимология — от греч. τιμή — цена), принципиальное понимание непреходящего статуса ценностей в философских тематизациях действительности существовало исстари. Именно этим объясняется традиционное толкование философии как "заглавной науки о том, что всего ценнее" (Аристотель). "Всего ценнее" же — достойное утверждение в миру, влекущее достойное существование. В опоре на что? На непреходящие значимости, подчиняющие усилия понятиям совершенного.

Человек не только и не столько существо разумное; он — существо ценностное, идеологическое. Разумность — капитальная, но не исчерпывающая, не самодовлеющая характеристика. Разум сам по себе нейтрален, техничен относительно экзистенциальной тематики. По идентичной разумной схеме можно строить ядерный котел и бомбу, демократию и деспотию. В "минуты роковые" разум пасует, требуя оснастки, остратки, окормления (вне которого он, говоря языком Беме, "творит одни собственные дела и им учит, и управляет наружным миром по себе, без Духа и Воли Божьей"). Дух, Воля Божья, — отыскивая светский эквивалент метафоре, — сообщаются кристаллизуемыми в опыте

вершения жизни, пролонгации истории генеральными ценностными началами, ориентирующими не только на "достижительно-эффективное", но и на "гуманитарно-желательное".

Так складывается антиципирующий пояс, позволяющий избегать провалов в "ситуацию ноль", скачков в "душащую тьму обезумевшего мира" (Горький).

10

Какова роль "великих далей" в человекоутверждении, выяснится позже, в этом месте же подчеркнем сугубую важность аксиологии как свода специальных знаний о гуманитарно выверенном освоении действительности.

2. Предмет аксиологии. Аксиология — нормативная, рефлексивная дисциплина. В отличие от иных наук, изучающих способы конкретного нормирования поведения (юриспруденция, история, педагогика), она концентрируется на вопросах фундаментального свойства: стихия человеческого общения и принципы его регуляризации, регламентации, регуляции составляют нерв аксиологического рассмотрения.

Предмет аксиологии — деонтологическая среда и механизмы ее обязывающего влияния, действенные отображения сферы должного на сферу сущего.

Уточняя назначение аксиологии с позиций непосредственной роли ценностей в мироопределении, возможно выделить две сущностные платформы. Условно:

— платформа Протагора: подчинение ценностей человеку ("человек есть мера всех вещей: для реальных — их реальности, для нереальных — их нереальности");

— платформа Платона: подчинение человека ценностям (к примеру, "нельзя ценить человека больше, чем истину")¹.

Линия "идеал выше человека" представляется неадекватной как эпистемологически, так и фактически, как генетически, так и функционально.

В онтологической плоскости она влечет гипостазирование ценностей (риккертовское: ценности образуют "совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта")².

В праксиологической плоскости она влечет насилие: сочленение должного с сущим через террор, разрушение "практического гуманизма". Как точно отмечал С. Франк, "подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма лежит в идее непогрешимости, в своеобразном, по существу мистическом, сознании обладания абсолютной истиной"³.

Последовательное продумывание данных моментов дает понимание: абсолютизм, морализм в толковании ценностей нетерпим; состоятельное отношение к ценностям обуславливается их

¹ Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. I. М., 1970. С. 287.

² Риккерт Г. О понятии философии // Логос. 1910. Кн. 1. С. 33.

³ Франк С.Л. Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 146.

11

подчинением человечности. Исток ценностей — не разум, а жизнь и ее потребности.

3. Статус аксиологии. Сумма философских знаний, сложившихся в веках, отличается цельностью, синтетичностью. Она детерминирована единой рефлексивной задачей — доктринацией субъект-объектных связей. На этом фоне кажутся неправомерными планы субординировать фрагменты философской теории посредством фундаментализации аксиологии. Последнее просматривается у Виндельбанда, трактующего назначение философии быть системой "о необходимых и общезначимых определениях ценностей"⁴. Назначение философии, конечно, перекрывает очерчиваемые баденцем рамки. Оттого виндельбандовское кредо в столь прямолинейной форме лишено смысла. Вместе с тем, отвергая организационную, институциональную фундаментализацию, мы поддерживаем фундаментализацию идейную: аксиология выступает эвристическим стержнем философии. Хорошо об этом — у Риккерта: высшие ценности

есть "последний базис познания"; Гуссерля: всякий акт сознания исходит из "глухой скрытой атмосферы основополагающих ценностей"; Эйнштейна: от человеческих ценностей зависит и наша внутренняя устойчивость и само наше существование; ценности в наших поступках придают "красоту и достоинство нашей жизни".

Композиционно философия строится как масштабная фокусировка на тот или иной сорт ценностей. Задается единство многообразного: выделяется некое ценностное пространство, понимаемое как центр идейного тяготения. Оно обуславливает направленность, напряженность идейных силовых линий, искривляя, стягивая их на себя, не позволяя им выйти за свои пределы. Так устанавливается однородный духовный горизонт, представляющий содержательно непреодолимую границу. Вариантами такого рода границ выступают КОСМОС (космизм), БОГ (теизм), ЧЕЛОВЕК (гуманизм), ВОЛЯ (волютаризм) и т.д.

4. Метод аксиологии. Ошибался Хайдеггер, полагая, будто, соотнося ценности со значимостями, основоположениями, принципами, аксиология вращается в логических кругах. На деле аксиологии достается удел философии — изучать исходные предпосылки, анализировать отношения предельного с однопорядковым, себе подобным. По этой причине соответственный метод аксиологии — рациональная реконструкция, интенсивная теоретизация, рефлексия.

⁴ Виндельбанд В. Избранное. М., 1995. С. 39.

12

5. Функции аксиологии. Разнообразные функции аксиологии ни в чем другом, кроме как в сообщении культуры мысли, жизненной глубины, далекого видения, внутренней сосредоточенности, не коренятся, что обусловлено самим назначением философского знания быть средством выработки предельных ценностных ориентации, глобальных целей, сводящих к единству, означающих все частные, конечные цели и ценности, движущие человеком. Жизнеучительское место, катарсическая миссия философии обеспечивается квалифицированным образом действия на основе знания. Философ работает на восхождение, возвышение: поднимает публику до понятий, тогда как политик, миссионер работает на нисхождение, понижение: опускает понятия до публики (вольно или неосознанно впадая в популизм).

Депозит возможностей аксиологии представителен, широк, как представительна, широка материя опыта, получающая форму узаконения в философии. Низшее в реальности — тайное измерение высшего: бессознательное — сознания, животное — человеческого. Сепарируя высшее, представляя его высоким, философия утверждает абсолютное, должное. Должное, абсолютное — подлинная стихия, стезя философии, отмечающая некритический энтузиазм в отношении нападков на нее как на сферу занятости. То, что позволяет философии быть явлением, всегда выдерживающим многочисленные социальные, умственные испытания и нагрузки, суть причастность к пространству, где абсолютное "как должно быть" оказывается "предпоставленной целью и потому — ценностью в подлинном смысле"⁵.

Пребывая в малом, кратком, человек соприкасается с великим, бесконечным:

Не верь же, ко звездам взлетая, Счастливой избранника доле;
Не верь, в глубину ниспадая, Что звезд не увидишь ты боле.

Будущее как в своих глубочайших элементах, так и в разыгрывающихся на поверхности казусах не будет тождественно повторять прошлое и подражать ему, — говорит Джемс. Верно. Только человек, люди, поколения несут имя, вершат историю, передаваемую, завещаемую предками. В опоре на высокое — абсолютное, должное. Эти столпы, скрепы — не абстракции,

⁵ Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. №2. С. 31.

13

каких стоит бояться, не нарушения привычной меры. Спинозе от его величества

короля Франции предложили пенсию, если он посвятит ему какой-нибудь труд. "Свои сочинения я посвящаю лишь истине", — последовал ответ.

Мир, история, культура имеют смысл благодаря высокому: лежат во зле, но стоят на добре. Нет такого уroda, который не нашел бы поклонников, нет такой глупости, которая не нашла бы приверженцев. Так. Но — непреложность абсолютов — в освобождении от давления расхожего. Понятия меняют смысл в зависимости от ценностных горизонтов. Подключая к абсолютному, должному, философия вводит ценностно высокие уровни, отсекает нагромождение ненужного, ложного; не сея иллюзий, она разрушает их.

Пафос сказки-притчи о голом короле не в фиксации отсутствия платья, а в развенчании мифа его наличия. Людям не стало бы лучше, если б сбылись их желания. Неожиданно свежие, духоподъемные проявления аксиологии в опыте идут от способности производить работу, заставляющую жить то, чего нет. Аксиология не претендует на выработку каких-то конкретных рецептов, инструкций. В отличие от специальных наук, поставляющих в освоении предметности технику "увидеть", аксиология генерирует нечто, что с полным правом заслуживает названия спасительной возможности "видеть" вообще.

Лишь сон и смерть, ничего не обещая, все исполняют. В реальности не так. Бесконечная тяга к улучшению, понуждая превращать яд в лекарство, сталкивает человека и общество, реформу и власть, природу и культуру, познание и практику, делает их внутренне конфликтными, пикирующимися. Модернизирующая реформа проблематизирует власть; стабилизирующая власть стопорит реформу. Человек идет на общество. Природа противостоит культуре. Разум вызывает кризис разума. Покамест никому в социуме не удалось достичь оптимума изменения и сохранения, инновации и мобилизации, доктрины и жизни, судьбы и деятельности, культуры и цивилизации.

Упоминание обо всем этом в качестве идейного фона позволяет не только детализировать интуитивные представления порядка связи аксиологии и общественно-исторического процесса, но и ввести ясное понятие их специфических ролей. Принципиально плодотворное, творческое, санационное проявление аксиологии относительно компонентов и комплексов культуры сказывается в выполнении ею следующих эвристических функций.

Аналитическая функция: выявление предельных, граничных основоположений, оснований (которые выступают в виде содер-

14

жательных предпосылок, семантических универсалий), составляющих условие возможности всех видов теоретического и практического опыта.

Рефлексивная функция: превращение скрытых допущений, латентных комплексов в явный предмет специализированного исследования; экспликация всеобщих идей, побуждений, влечений, инициатив, предприятий, обусловливающих уникальные (культурные) или универсальные (цивилизационные) принципы, формы организации и реализации общественно-исторической деятельности.

Критическая функция: охват негативного опыта, развенчание многообразных ошибок, привычек, призраков, идолов, догм, суеверий, предрассудков, стереотипов — этих, по выражению Ф. Бэкона, докучливых, тягостных противников, сковывающих, парализующих, притупляющих ищущую мысль и преобразующее действие. Талант критики, в своих полномочных проявлениях требующий поддержки, а не узды, — структурный реквизит аксиологии. Давая реалиям некие нестандартные прочтения, видоизменяя условия понимания, философия играет роль своеобразного ценностного селектора: отделяя "овец от козлий", вырабатывает адекватные программы созидания жизни. В нашей мысли подчеркнем "созидания". Срывание масок, выявление *facta concludentia* в случае философии не самоцель. Критика аспектов бытия наличного подчинена более серьезной задаче — обслуживанию деятельности положительной. В противном случае в мысли — критиканство, в действии — обмирщение всего, кроме того, что

заслуживает обмирщения.

Социальная функция: сознательное объединение людей в рамках гуманитарных общностей, гармонизация, сбалансирование бытия общественного.

Наблюдение за персональной реализацией и осмысление ее показывает, что индивид, будучи самостийным источником экзистенциальных процессов в различных начальных условиях, приходит в итоге к неким состояниям равновесия, которые не зависят от начальных условий. Описание самоутверждения производится в многомерном пространстве, на осях которого откладывается значение обобщенных параметров — личностных интенций. Состояния индивида изображаются точкой фазового пространства, изменение состояний во времени — движением точки вдоль фазовой траектории. Итоговые равновесные состояния оказываются пунктами в начале координат; они играют роль аттракторов.

15

С семантической точки зрения аттракторы — гуманитарные инварианты, целерациональные абсолюты, фундаментальные *ценности*, движущие поведением индивида. Допущение, что человек руководится в деятельности ценностными абсолютами, отчасти декларативно. Если принять презумпцию полной и безграничной свободы воли, оно не подтверждаемо. Вместе с тем опыт и здравый смысл подсказывают: человек, не выносящий казармы (задетерминированный социум), не живет и по одной свободной воле своей (анархия). Социогенетически бытие человека сбалансировано: исходно оно ориентировано на гуманитарно оправданные правила общежития. Те, кто в силу разных причин не сообразуется с ними, ставят себя по ту сторону социума (изоляция умалишенных, манкуртов, отщепенцев, неполноценных культу-роущербных лип). Признание в нас личностей со стороны сограждан, соплеменников сопряжено с удостоверением в нас носителей ценностей. Выделяется 5 их групп: социально-целевые (Святость, Духовность, Знание, Мастерство, Дело, Слава, Власть, Богатство); социально-инструментальные (Право, Свобода, Справедливость, Солидарность, Милосердие); персонально-инструментальные (Жизнь, Здоровье, Сила, Ловкость, Красота, Ум); субъективно целевые (Вещество, Энергия, Пространство); общечеловеческие (Мыслящий дух, Общество, Человек)⁶.

Ценности замыкают на себя многообразие траекторий субъективных систем (фазовых точек), определяемых интенциями (начальными условиями). Поведение изолированного индивида для внешнего наблюдателя кажется хаотическим. Вне предположения о странных аттракторах поведенческая хаотичность толкуется либо как следствие значительности *степеней* свободы системы, либо как результат нерепрезентативности, нарочитости поведения, рассчитанного на наблюдателя. Использование модели странных аттракторов открывает широкие перспективы герменевтической аналитики: за видимым на поверхности хаосом просматриваются элементы регулярности и порядка, обусловленные ориентацией на ценности. Соответственно режим функционирования субъективной системы описывается достаточно малым числом принципиальных характеристик.

Развивая данный сюжет, невозможно уклониться от обсуждения темы инвариантов человеческой жизни. По аналогии с фундаментальными физическими константами (ФФК), к которым

См.: *Бороноев А.О., Смирнов П.И.*, Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб., 1992. С. 34.

16

относятся постоянная Планка, слабого, сильного взаимодействия, тонкой структуры и т.д., введем понятие фундаментальных социальных констант (ФСК). По аналогии же с тем, что ФФК ответственны за устойчивость связанных состояний от ядер и атомов до звезд и галактик, наделим ФСК ответственностью за фиксированность общественных структур в цивилизационной системе отношений. Основные параметры

социальности, подразумевая тип производства, общественного и экзистенциального устройства, весьма стандартны. Вычленив крайности, получаем либо дисциплинарный, либо инициирующий социум с соответственными способами поддержания жизни:

- производство: контингентированность — самостимулированность;
- гражданственность: казарменность — гарантированность свободы;
- жизнесфера: отчужденность — самореализованность.

Основная идея, какую мы выносим из опыта вершения истории, заключается в том, что историческое бытие осмысленно, что подлинная цель исторической жизни состоит в наращивании плодов цивилизации, обеспечивающих эффективность производства, конституционность, легальность, достоинство существования. Речь, стало быть, идет о просматриваемой выделенной траектории эволюции человечества по вектору умножения гуманитарное™.

Сказанного достаточно для очередной аналогии. Обращаясь к естествознанию, отметим исключительную эвристичность формулируемого в космологии антропного принципа (АП). Устанавливающий корреляцию между эволюцией Вселенной и возникновением человечества АП взрывает утвержденную Коперником антиантропоцентрическую парадигму. Суть в том, что, как бы там ни было, но человек с его социальностью и сознанием занимает привилегированное положение в мире. Возникает задача увязки естественного прогресса Вселенной с необходимостью появления геопланетарной цивилизации (проблема мотивированности, предопределенности развития нашей природной метасистемы). Задача эта решается путем оригинального истолкования АП.

Слабая версия АП. Во Вселенной множество объектов от обычных звезд до галактик, пульсаров, квазаров, черных и белых дыр. Все они осваиваются средствами наличных теорий, в количественной плоскости обусловленных использованием ФФК. Значения ФФК — эмпирические. Поскольку опыт не сообщает

17

необходимости, спрашивается: к чему ведет предположение изменения их номинала? С позиций гносеологии ясно: если значения ФФК будут иными, мы имеем дело с иными формами знания. А в онтологии? Как изменяется реальная картина в случае других значений ФФК? Естествознание отвечает: варьирование ФФК влечет трансформацию реальности вплоть до инореальных форм (невозможность жизни, сложных химических, предбиологических структур). Если это так, то в чем основание одноклейности естественного отбора, обусловившего наблюдаемое состояние. Надлежащего ответа естествознание не дает. Оно лишь не отвергает возможности плюрализма миров с различными значениями ФФК, что исключает, однако, действительность нашей геообстановки. Резюмируя, акцентируем тезис, согласно которому факт наличной геообстановки отрицает реальность иных значений ФФК; другими словами, мы живем постольку, поскольку значения ФФК таковы.

Принципиально сходное, на наш взгляд, обстоятельство в обществознании. Мир не взорван до сих пор изнутри потому, что имеются универсальные постоянные социальности в виде законов эффективной коллективности, производительности, экзистенциальности. Из теории никак не вытекает значений констант для обеспечения жизни. Теория как перебор логических диспозиций, вообще говоря, допускает любые значения. На деле в естествознании и в обществознании не веер, а одновариантность. Само наличие жизни отрицает произвольные значения ФФК, не стимулирующие факт жизни. Также наличие социальности отрицает любое устройство общества, ставящее под сомнение факт социальности при несоблюдении ФСК. Хотя общество а priori может организовываться по-разному, условия отбора накладывают жесткие ограничения на социальную технику в лице системных требований цивилизованности. Поскольку есть ФСК, есть единство истории, понимаемое как внутреннее тождество, родство, сходность способов, приемов вершения, отправления гарантийной жизни.

Сильная версия АП. Ретрополируя ситуацию, скажем: факт наличной социальной

организации предопределяет предыдущие этапы, чтобы человечество могло существовать, условия антропной цивилизации должны быть жестко ограниченными на протяжении всей эволюции человечества. Иначе говоря, антропная цивилизация должна быть такой, чтобы в ней на некоторой фазе допускалось существование наличных социальных форм. Наша социальность не случайна. Ее комплексы *de facto* лимитируют многообразие видов устройства жизни. Отследить хитроеплете-

[8

ния становления антропной цивилизации входит в задачу социальной эволюционистики (являющейся звеном глобальной эволюционистики), призванной уточнить последовательность цепочек утверждения человеческих форм посредством не механической, а целеполагающей ценностной детерминации.

В физике варьирование значений ФФК влечет идею ансамбля Вселенных. В социологии сходная операция обуславливает идею плюрализма культурных миров. В отличие от физики, где видоизменение ФФК остается абстрактной возможностью, в социологии многообразие типов социумов с атрибутивными им ФСК дано опытно-исторически: на ограниченных геопланетарных просторах воплощается ансамбль способов воспроизводства жизни со всеми мыслимыми (и немыслимыми) комбинациями начальных условий и ФСК. Картина историко-культурного многообразия, однако, по ходу прогресса утрачивает многоцветье: в цивилизационном отношении все народы идут к одному оптимальному укладу. В обществе потенциальный кредит имеют лишь гуманитарно оправданные формы. Перспектива дееспособного общества просматривается для минимума комбинаций параметров, которые обособливают в ансамбле миров *особое* цивильное подмножество. Остальное — дикость, нецивилизованные стадии человечности.

Будучи общезначимыми предпосылками деятельности, ФСК и сцепленные с ними гуманитарные абсолюты задают актуальный горизонт персональной и групповой реализации. Чем развитей социум, тем массивней линия соприкосновения индивида с общественным целым, тем большими степенями свободы (в рамках легальных инициатив) располагает личность. Напротив, чем более отстало общество, тем худосочней человеческие возможности. Век от века, поэтому, законы общества, истории формируются, как бы впитывая, вбирая в себя совершенные устои жизни, связанные с расширением полномочий, условий, гарантий достойного существования. Речь идет о всем спектре человеческого утверждения, воления, творения, сопряженного с идеалами бытия *ad unguem*.

С этих позиций, подкрепляемых диахроническими рассмотрениями, в социальной эволюционистике обнаруживаются такие зависимости. В тенденции, в перспективе, в принципе демократические формы социальной организации предпочтительнее деспотических, легальные формы предпочтительнее нелегальных, индустриальные — доиндустриальных (патриархальных) и т.п. Это не означает, что у названных начал нет теневых сторон обще-

19

ственных воплощений. Там хорошо, где нас нет. Мечты о золотом веке влекут критику техники (Бердяев, Фромм), науки (Годвин, Гельдерлин, Шели, Шопенгауэр), общественного, исторического *прогресса* (Л. Толстой, Э. Гартман, Лашелье, Зиммель, Рембо, Уайльд, Ибсен, Гауптман), культуры (Бурк-хардт), цивилизации (Руссо, Хайдеггер, Дэссауэр, Мамфорд, Хаксли, Элл юл ь).

Не впадая в цивилизационную некрофилию — в эту, выражаясь языком Фромма, страсть ко всему искусственному, механическому, нездоровому, отметим значимость аргументов к издержкам гражданского научно-технического развития. Да, в чем-то прав Бердяев, тревожащийся, что если "ранее человек был органически связан с природой и его общественная жизнь складывалась соответственно с жизнью природы", то теперь в обстановке техногенного существования машина нарушает эту связь — "она не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека...

Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой природе, входит в человеческую жизнь, какой-то третий элемент, неприродный и нечеловеческий, получает страшную власть над человеком, и над природой⁷. Пусть так. Но никакой разумной альтернативой машинизму на индустриальной стадии своего бытия человечество не располагает. Критику техницизма можно адресовать будущему; применительно к прошлому и отчасти настоящему она выглядит мелодекламаторски. Без техники, интенсивного потребления и переработки планетарного тела, возможности жизни и выживания рода минимальны. Оттого и идеализации доиндустриализма в буколическом духе призрачны, по-крупному мизантропичны. Цена прогресса высока, но она оплачена уровнем жизни, относительным благоденствием человечества.

Либерализм, выборное начало, прочная свободная гражданственность, конституционализм, парламентаризм, вольный труд, отсутствие родовых пережитков, гарантированная мобильность, здоровое чувство собственности — все это непреходящие, неигнорируемые завоевания цивилизации, от которых не отмахнуться.

Регулятивная функция: конституирование социальных форм взаимодействий людей в групповой, "роевой" жизни, налаживание систем "вовлечения", "участия", ценностно, гуманистичес-

Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. ПН.

20

ки регламентирующих обмен деятельностью индивидуальных общественных существ.

Индивид самостиеен, но глубинная настроенность на признание — социально удостоверенные стандарты, идеалы, поддерживающие Я-концепцию и не ниспровергающие индивида, не низводящие его до ничтожества, предопределяют фигуры персональной мобильности, содержание и форму индивидной и межиндивидной коммуникации, интеракции, циркуляции. Во всех ипостасях самоутверждения социум присутствует как аксиологический фильтр, шкала предпочтений, множество презумпций, стимуляций, что в терминах модели фундаментальных социальных констант и странных аттракторов выражается понятием устойчивости ценностного сознания к малым возмущениям — помехам свободы воли. Ценностная стабильность ФСК и странных аттракторов *позволяет толковать* антропологические многообразия как безусловно рациональные и, следовательно, воспроизводить их на языке теории; расценивать поведенческую стохастичность как имманентное свойство, фиксируемое не в аппарате теории вероятностей, а в аппарате теории ценностей.

Гуманистическая функция: сверхзадача, сверхцель философии — поставить глубокую, солидную трактовку "каким надо быть, чтобы быть человеком"⁸. Известно хорошо и полно, что добропорядочная философия не разворачивается как произвольный поток сознания в модусе рассуждений *ad marginem*. Конструирование реальности в философии, отличаясь свободой, не терпит произвола. Игра умственных сил, интеллектуальные штудии, изошрения, нарочитости своим естественным пределом имеют общественный резонанс, социальное звучание, гражданскую роль доктрины. Говорит Марк Аврелий: "Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение *смутно*; строение всего тела бrenно; душа загадочна; слава недостоверна... жизнь — борьба и странствия по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии". Жизнелюбивой. Духоподъемной. Дарующей счастье ощущать себя человеком. У Г. Успенского в очерке "Выпрямила" Венера Милосская позволила сельскому учителю Тяпушкину покинуть медвежий угол сонного заскорузлого провинциального прозябания и обнаружить в себе личностное. Высокое.

Некий пилигрим — бродячий философ-одиночка, дабы выработать у людей презрение к смерти и стоическое отношение к

⁸ *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 206.

несчастьем, запалил костер и бросился в него, прервав путь жизненный. Уроки истории обязывают. Оценка свершенного демонстрирует: философия не выполняет своей очистительной миссии, если не кладет в основание практики добытый лишениями, но человекоутверждающий опыт.

Привлекая мысль В. Розанова, можно сказать: есть две вариации деформированной философии — выпоротого (частный случай — самобичевание) и ищущего, кого бы еще посечь. Свобода воли и "воля к неволе" не в праве выдвигать практический вопрос — разрушение жизни. Перефразируя Антония Великого, правильно утверждать: все раны залечиваются, раны же от философии не имеют врачевания. Превращаясь (точнее перерождаясь) в дар делать жизнь, человека ничтожными, философия утрачивает сущностное — способность быть философией.

Соответствие понятия объекту есть истина; соответствие объекта понятию есть идеал. Качество творимого в деятельности наличного бытия отвечает определенным понятиям. Неудовлетворенность бытием (безотносительно к физике и физиологии) справедливо адресовать недоброкачественности понятий. Всякая эпоха, всякая человеческая общность, констатирует Хайдеггер, опираются на ту или иную метафизику и через нее встают в сущностные отношения к совокупности сущего и тем самым также и к самим себе. Кризис бытия по этой причине означает кризис метафизики и раскрывается как упадок власти сверхчувственного, порожденных им идеалов.

СОЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

1. Общение. Природотворяющая сила человеческого — обмен деятельностью, межиндивидуальное взаимодействие, коммуникация, интеракция, позволяющие определять человека как существо общественное, общительное, общающееся.

Между тем общение не "делится на разум без остатка" (Гете). Камень преткновения взаимодействия — воцарение неопределенности, неустойчивости, нестационарности. В стихии обмена деятельностью высока вероятность столкновения интересов, воли, свобод, чреватых неорганизованной массой произвольных взглядов, действий. Возникают ситуации негарантийные, в которых "побуждения пересиливают все прочее" (Сеченов). Дело можно понять яснее и резче, если сказать: где спонтанные возмущения способны влечь непредопределяемые (трансцендентные) исходы, там мы сталкиваемся со случаем некорректных задач, нарушающих условия постановки задач корректных. Напомним, задача считается корректно поставленной, если удовлетворяет требованиям наличия, однозначности, устойчивости решений. Несоблюдение хотя бы одного из требований трансформирует корректные задачи в некорректные, т.е. не имеющие даже приближенных решений.

Шок от обнаружения последних был столь велик, что Адамар ввел соответствующий запрет на их пребывание в науке, — действительно, какой смысл может иметь решение, если сколь угодно малое варьирование переменных влечет сколь угодно большие его (решения) изменения? Иначе говоря, наука требует от своих объектов устойчивости к возмущениям и, следовательно, онтологической упорядоченности, интерпретируемости. В противном случае исчезает предмет изучения.

Намного серьезнее, острее положение в социуме, передающем проявление *Homo credens* по законам световой волны. Купирование произвольных натяжек, деструкции, выбросов самости, вызванных к действию автономно, производится предписаниями

23

к сообществу и его составляющим, ставящим противовес безобразию человека в самих его побуждениях.

2. Регуляризация. Невероятное разнообразие жизненных сред, контекстов общения — можно ли надеяться ввести их регламентацию? Мечников допускал "космическое чувство" в человеке в виде любви к ближнему и миру. На этой почве вырастал ортобиоз — учение о рациональном образе человеческой жизни.

Допущение "врожденной человечности" (Олдридж), тяги к возвышенному в качестве "законного стремления человеческой природы" (П. Романов) не ново. "Спокойствие порядка" (Августин) в виде высшего "содействия согласованной жизни" вводили поборники законоустанавливающих рассматриваний, опосредующие универсум логосом. Таковы стоики (согласно логосу устроен мир); христиане (согласно логосу создан мир), сводящие план и акт творения к разумной схеме. Аналогичный ход в конструировании образа действительности проигрывал Конт, убеждающий: всякое явление есть просто следствие порядка, который вытекает из естественных законов.

Если устремить внимание в этом направлении, придется признать: перед нами тенденция нарочитая, решительно выводящая за пределы трезвого понимания.

"Прекрасно лишь то, чего нет на свете", — говаривал персонаж Руссо. Аксиома вечного разумного масштаба жизни страдает пропуском существенного — "разумное" не покрывает "человеческого". Сущее не крепится на разумном плане; базисом жизнедействия выступает свободное самовыражение, в рамках которого человек "за все платит сам" (Сартр).

Жизнь не делает нас совершенными, — она делает нас нор-мосообразными, встраивая в качестве частей в глубокий и мощный строй социально выверенного. Укрощение угроз вследствие свободы самовыражения, безнарядного произвола осуществлялось *ab origine* вставлением деятельности и созидания в твердые рамки предопределения. Роль регулирующего начала с переступанием границ передаваемого рационально играли смирительные колодки судьбы, рока, фатума, промысла, вводящие момент неизбежности, неотвратимости, необходимости.

Летописи рода человеческого сохранили имена богинь, дающих жребии, создающих вторую, третью перспективу провидения. В их числе мойры — Клото (прядущая жизненную нить), Лахесис (определяющая участь), Антропос (прерывающая жизнь), совокупно конкурирующие с Тихой; промойя — наделяющая заданием.

24

В переводе на язык мыслей указанное в темной сути транслирует из древности идею закона: предвидение — то, что упорядочивает человеческое движение.

Человек задуман по образу и подобию божью, а сотворен только по образу. Подобие достигается в самотворчестве по неким правилам.

Сфера человеческого в истории — сфера регулируемого. В кругу общения мы взаимозависимы. Основание действий — наш выбор, без которого мы — элемент природы, но выбор подготовленный, экспектационный. Эффект социальности — эффект вовлечения, участия, сопричастия. В противоположность *Homo ferus* *Homo sapiens* в сообществе себе подобных руководится максимой "для людей с людьми". Сие означает согласование поведения с системой ожиданий по поводу правил исполнения частичных ролей. "Есть много вещей, не обязательно запрещенных, которые человек вряд ли решится делать в присутствии другого человеческого существа", — подчеркивает Шибутани¹. Обмен деятельностью крепится не на произвольных, а на вмененных фигурах, исключаяющих самочиние, санкционированных порядком интеракции. Невстроенность в таковой равносильна бездомью человека, пребывающего в асоциальной форме — вне общества и его установлений. Римляне ставили на изгоев клеймо "*cave furem*", обрекая на отлучение, отчуждение. Схожим клеймом отмечены отвергаемые обществом социальные типы "девианта", "делинквента", "деликта" (три "д"), патологично неспособные на сколько-нибудь прочные, глубокие отношения, требующие хоть ничтожной доли души.

3. Три "д". То, что обособливает человека из бытия, есть свобода. Свобода выбора. Последний, однако, не произвольная игра сил в духе "своей глупой воли". Свободу выбора в социуме выгодно отличает опосредованность полем правил, некоей ин-структивной канвой "что и как делать", ориентирующей на поведенческое преодоление низин жизни, исключаяющей абсурдистско-парадоксалистские веления, самоосуществления, импровизации наподобие нелепого кредо: "Какое мне дело до

законов природы и арифметики (читай: законов общества — *Авт.*), когда мне эти законы и дважды два четыре не нравятся"².

Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д., 1999. С. 25. ² *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. М., 1975. Т. 5. С. 105.

25

Как показал М. Шериф, даже на восприятие реальности (стадия чувственности) воздействует позиция окружающих³. Словом, казалось бы, вполне суверенный потенциал субъективности складывается через внешние оценки, квалификации, влияния.

Субъективный опыт — не сознание, а история, — говорит Дьюи. Разумеется повторное переживание и воспроизведение индивидуальностью прочных и гибких уз социальности, кристаллизованных регламентами права (юридизм), морали (этизм), традиции (традиционализм). И одно, и другое, и третье — ресурсы одного сущностного уровня, позволяющие стратегией не прямых действий, точно ключом, открывать плотно запертые двери.

Жизнь — высокая ценность. Но многократно выше жизнь патентованно достойная. Формы обеспечения достойной жизни — опробованные практикой порядки деятельности и созидания. Бес импульсивных решений, насильственных вмешательств, деструктивных маний приручается терпимостью, согласием, примирением, вытекающим из высокой резонансности инициатив социальным нарядам.

Право — формально-официальное, кодифицированное, институциональное выражение порядка (система общеобязательных долженствований) — нормы, меры, через "свободу", "равенство", "справедливость" фиксирующие правоначала (правомочность, правоспособность, правосубъектность) с обеспечивающими их сдержками, противовесами, способами контроля, санкциями.

Мораль — неформально-официальное, кодифицированное неинституциональное выражение порядка (система адресных вменений, через "совесть", "достоинство", "честь" вводящая гуманитарно прочувствованные оценки, устанавливающая внутренний распорядок души) — принципы, предписания, заповеди, максимы, непосредственно практические повеления "что должно", формирующие способы самоконтроля, диспозиции "субъективной единичности" (Гегель) к благочинным, добродетельным самополаганиям.

Традиция — неформально-официальное, некодифицированное, неинституциональное выражение порядка (система стереотипных мироориентаций, устойчивых деятельностных реакций) — обычаи, заветы, обряды, ритуалы, предания, назидания, через "классические образцы", "символы веры", "кредо" поддерживающие, передающие, воспроизводящие элементы наследия, дабы выработать идентичность, задать преемственность, нашу-

³ См.: *Sherif M.* A Study of Some Social Factors in Perception // *Archives of Psychology*. XXVII. 1935. N 187.

26

пать времен связующую нить, т.е. воплотить целесообразное культуротворчество.

Культура, вопреки Фрейду, есть не постановка, а снятие элементарных запретов. Снятие благодаря насаждению орудий, опор гуманитарной формации — устоев, регламентов регуляризации. Право, мораль, традиция оконтуривают рамки социальных взаимодействий двусоставно: в измерении официальной признанности, общеобязательности, эффективной позитивности и в измерении санкционированной Я-мотивации. В результате проявления человеческого в человеке — акты выбора — поддаются рассмотрению и со стороны реализации свободы, и со стороны меры подлинности человека.

Действительно. Сущностная природа "Я" сказывается в вовлечении, участии, наведении мостов взаимности. "Я" не автаркично, живет с публикой, для публики, за счет публики; раскрывается в отношении к "своему иному" в двутактном цикле присвоения и отдачи. "Я" организация многоэтажная, цементированная сознанием, что "Я" нечто

большее, чем его пребывание в малом натуралистическом времени. Обретение личностного в утрате биологического: это "нечто большее" — от сознания пребывания в большом времени культуры, социальной памяти, наследия. Динамический срез поставляет такую картину: переход границы предличностного, предморального инстинктивно-автоматичного мира и приобщение к личностно-моральному бытию означает погружение в стихию высоко духовной, идеологической жизни, управляемой законами не органического, но ценностного существования. Когда восприимчивость "Я" в сонме интенций на высокое приходит в упадок, личность перестает быть субъектом идеологии, происходит деградация "Я", выражающаяся в разрушении экспектации, впадении в "ситуацию ноль", возвращении в "естественное состояние" (в животном царстве в отсутствие ценностной рефлексии нет идеологической взаимности сознаний).

Как видно, регуляризованность общения есть последний базис человечности в редакции: правоспособность, совестливость, нравственность, персональная добропорядочность выступают окончательными основоположениями гуманитарного. Деформация их чревата развалом гуманитарной формации, обмельчанием человека. Прекрасно об этом — у Гоголя: "Все теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в истинном ее смысле".

27

"Рефлекс свободы" (Павлов) в цивильной оранжировке значит противодействие агрессивному принуждению, но не благочинному побуждению. Императив "автономия человеческого духа" (Маркс) допускает лишь такое прочтение: "Ты должен, следовательно, можешь".

Регуляризация не возвращает пострадавшему утраченное, она предупреждает бессмысленный и беспощадный бунт, делает нормосообразным общение, координирует взаимодействие независимо мотивированных участников. Границы регуляризации — порог, за которым — ненависть, отрицание, отрешение, разрыв, распад, разложение, интервенция. Его переходят представители трех "д" — девианты, делинквенты, деликты — носители brutального, выморочного, вырожденного, асоциального.

Три "д" — профаническая, хаотическая патология *на* базе выхода из порядка, изъятия из регламентов. Соответствующие разрушения субъекта прав и обязанностей возникают

— в случае девианта — по причине соматических деформаций (подрыв юридикзма, этизма, традиционализма). Скажем, в Австралии человека с лишним набором хромосом не судят — считается: действия дефекта не подводимы под какую-либо канонику;

— в случае делинквента — по причине поведенческих деформаций (подрыв этизма, традиционализма). Крайним выражением аффективного самоутверждения является афронт — нарочитое игнорирование, нарушение этикета;

— в случае деликта — *по* причине правовых деформаций (подрыв юридикзма). Варианты проступков, преступлений — виновных противоправных деяний, совершенных вменяемыми.

Единственным способом, каким человечество может пролонгировать гуманитарное состояние в степени, отвечающей "особенной действительности и специфическому содержанию" (Гегель), приличествующим высшей сфере мироздания, есть регуляризация, намечающая горизонт дозволенного. Он представляет собой форму узаконения свободных самовыражений. За его пределами — неопределенность, отсутствие гарантийности, повышенная вероятность провала в деструкцию.

Сверхзадача горизонта — связывая обмен деятельностью, задавая поведенческую качественность коммуникации, нормировать, вводить норму.

Базовое понятие теории ценностей — норма. Как директивная инстанция она устанавливает меры, руководящие начала, правила, порядки, распространяющиеся на все

измерения человека как био-социо-природной организации.

28

Измерение "био". Первейшее условие нормосообразного — исключение уродливой ненормальности. Сказано в книге от Матфея: "Не все вмещают слово... но кому дано"⁴. Причисление к роду Ното идет "по способности" обладать разумом, отправлять воление. По наличию данных потенций проводится идентификация: "Люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и *правах*". Правоспособность вытекает из *обстояния* "быть человеком", пребывать нормальным "по рождению".

Измерение "социо". Фундаментальное условие нормосообразного — приобщенность к социальному этосу (совокупность правил общежития, набор согласованных норм, институционально защищаемые установления). Причастность к социальности обусловлена принадлежностью к статусам — регламенты дееспособности (удовлетворение условиям "зрелости" — цензы); членства: касты (Индия), кланы (Китай), племена (арабский мир), сословия (средневековая Европа) и т.д.; коммуникации: символизм общения — скажем, руку мужчины жмут, руку женщины целуют, руку церковного иерарха (мужчины) целуют — по его касательству к чину и т.д.

Измерение "культура". Капитальное условие нормосообразного — чувствительность к традициям, заветам, тонким духовным влияниям. Принципы объединения людей — исходные идентификации:

— стереотипы: формы устойчивой целостности миродействия от привычек, *обычаев*, данных в предании (фольклорно-эпические выражения, свидетельства), до обязывающих смысловых дифференцировок "МЫ" — "ОНИ", вводящих картину дробной действительности (вплоть до эндогамии);

— архетипы: формы устойчивой целостности мироотношения, миропонимания, членящие единое человечество по поко-ленческим, культурным, расовым, половым, ареальным признакам. Отсюда разломы в понимании, кооперации: дилеммы "отцы — дети", "старое — новое", "мужчины — женщины"; трилеммы "белые — желтые — черные", "Запад — Россия — Восток" и т.д.

Нерв социальности — интеракция, складывающаяся на базе норм, нормирования обмена деятельностью во всех отмеченных регистрах. Каковы нормы, таково межсубъективное взаимодействие, каково межсубъективное взаимодействие, таково общество.

⁴Мф. 19. 12.

29

При судействе (общественный строй, описанный в кн. Судей) власть отправлялась по авторитету; при монархии — с изменением регламента интеракции — по принуждению.

На Западе, утрирующем "право", "гражданство" преобладает достижительность в самоутверждении. В России, акцентуирующей "духовность", "моральность", *есть* склонность к исканиям (вплоть до самоотречения с обретением самоуважения). Откуда — отсутствие самоинициации в напряженном достижении статусов (за статусы в России не борются всеми правдами и неправдами, на статусы в России приглашают — прецедент С. Радонежского).

Таким образом, ценностный нигилизм (казус трех "д") нетерпим; регламентация обмена деятельностью как матрица ценностного санкционирования поведения

— производя смыслы, значимости в общении;

— проводя отнесение к общеобязательности;

— осуществляя передачу опыта;

— намечая способы обретения статусов;

превращает знаки в события, определяет непреходящую роль регулятивов.

ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ

1. Генезис регулятивов. Возможные интеракции предков людей в сообществах

древнейших гоминид скорее всего управлялись двумя типами отношений: отношением естественного эгоизма, обеспечивающим выживание индивида — инстинкт самосохранения, и отношением естественного альтруизма, обеспечивающим выживание вида (группы, популяции), — инстинкт сохранения рода. Данный в известном смысле принципиальный для нас тезис не оставляет места расхожим, однако неадекватным теориям зоологического индивидуализма, трактующим социальные инстинкты, а затем и общезначимые ценности как изобретения в пользу слабых — своеобразную узду, фактор сдерживания дикарского в человеке. Такой подход, сомнительный сам по себе, не имеет надлежащего антропогенетического оправдания. Во-первых, прирожденный эгоизм препятствует социализации главным образом таких ее составляющих, как кооперация, межиндивидная коммуникация и интеракция, оставляя перспективы *Homo sapiens* призрачными. Во-вторых, этот взгляд не подкрепляется фактологически. Многочисленные этологические данные, весьма уместные для уяснения происхождения ранних форм коллективности, демонстрируют вариабельность группового поведения антропоидов (аналогия от которых перебрасывается на социальные формы древнейших гоминид), наличие мирных связей в иерархии взаимоотношений особей в стаде¹.

По свидетельствам Дж. Шаллера и И. Эмлена, а также Дж. Лавик-Гудолл, изучавших стадные отношения морфологически наиболее близких к человеку горилл и шимпанзе, естественная иерархичность, доминирование в группах не провоцируют войну всех против всех; связи в группах упорядочены, во всяком случае предполагают максимальное исключение открытых столк-

Biosocial anthropology. L., 1975; Socioecology and psychology of primates. P., 1975.

31

новений, каждый знает свое место, слабый уступает сильному и т.д. Отлаженность системы доминирования предопределяет оптимальность межиндивидных взаимодействий на основе мирных внутривидных отношений, демпфирования конфликтов (причем, казалось бы, в бескомпромиссных ситуациях, таких, как борьба за самку).

Следовательно, происхождение социальности, а вместе и наряду с ней ценностной регуляризации жизни нельзя выводить из подавления природной агрессивности, зоологизма человека. Такая линия, противореча прямым наблюдениям, не соответствует фактам, не отличается логическим совершенством, в концептуальном отношении не продвигает в понимании становления ни общества, ни ценностей.

Однако одно дело экзогенные факторы обусловливания, упорядочения деятельности, а другое — эндогенные. Как в действительности увязать реализацию столь разнородных характеристик — высокоадаптивных социальных и низко-, а то и антиадаптивных персональных ценностно-гуманитарных систем регуляции? Решение вопроса пролегал в границах фиксации водораздела животного, дочеловеческого и подлинно человеческого. Для развертывания мысли сошлемся на Дарвина.

Многоразличные чувства и впечатления, ощущения и способности, считает он, такие, как любовь, память, внимание, любопытство, подражание, рассудок и т.д., которыми гордится человек, могут быть найдены в зачатке или в хорошо развитом состоянии у низших животных, а вот ценностно-гуманитарных (морально-нравственных) задатков, чувства совести, которое резюмируется в коротком и *полном высокого значения* слове "должен", у животных нет².

Каково происхождение этого специфически человеческого, не навеваемого обстоятельствами органического бытия чувства? Где его корни? Почему лишь человек вследствие какого-то душевного процесса, в силу каких-то соображений, называемых ценностно-гуманитарными, пренебрегает радостями, прелестями, удовольствиями жизни? Отчего он часто переносит всякие лишения, лишь бы остаться верным "высшим принципам"? В отсутствие близлежащих ответов на заданные и однопорядковые им вопросы в теории прорабатывался вариант преформизма. Странно, но граничащая с

беспомощностью интеллектуальная растерянность всех размышлявших над проблемой была столь велика,

Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. М., 1907. Гл. IV.

32

что дальше идеи врожденного в объяснении ценностно-гуманитарных качеств человека не шли. Не шли даже эволюционисты. Даже такие, как Дарвин.

Поставленная проблема не снята и по сей день. Между тем претендующая на ее экспликацию линия преформизма дискредитирована в настоящий момент однозначно. Ценностное сознание как душевное качество по природе своей благоприобретенно и комплексно, инспирируется, с одной стороны, конденсацией в культуре гуманитарного потенциала, а с другой стороны, упрочением, усиливаемым естественным отбором, альтруистического добронравия. Вопрос о доле участия наследственности и среды в этом процессе, конечно, должен обсуждаться в количественной плоскости, входя в компетенцию точных наук. Особого суждения на сей счет гуманитарий иметь не может. Что же важно здесь подчеркнуть, так это солидность эволюционно-генетического взгляда на формирование ценностного сознания: диктуемые адаптацией требования рациональной организации жизни порождают некий внутренний регулятивный этос, который, привлекая мысль Добжанского, при некоторых условиях способен действовать вопреки интересам отдельных индивидов, но зато помогает группе, к которой эти индивиды принадлежат. Так возникает понимание естественно-исторической обоснованности, детерминированности ценностного сознания на уровне вида (коллектива). Понимание же становления его на уровне индивида (личности) может быть достигнуто за рамками антропогенетических рассматриваний — в границах собственно гуманитарного анализа.

2. Этос. Отправляясь от этимологии, будем толковать этос как поле руководящих начал, правил, образцов, эталонов регуляции и инспирации групповой жизни на основе силовых механизмов и волевых (принудительных, побудительных) решений, которые вытекают из чьих-либо интересов, проводят, отстаивают их, отвечают им. Определенность их задается диспозициями, санкциями, условиями действия.

Диспозиции. Представляют множество предписаний, инструкций, рекомендаций, императивов, запретов, вмещающих способ деятельности. Через систему инициации "что делать" и "чего не делать" они формируют программы типов самоутверждения, считающихся оптимальными, эффективными, удовлетворительными, целесообразными; влияют на свободный выбор, самостоятельные спонтанные решения; подготавливают личность к опробованному историей коллективному опыту; осуществляют назидательные, просветительские, духоподъемные функции,

33

подтягивая несuverенного человека до суверенного человечества; делают полезное для вида ценным (не всегда обязательным) для индивида; ставят в зависимость партикулярные влечения, стремления, страсти, наклонности от установившихся общечеловеческих модусов их проявлений; мобилизуют культурно-человеческое в человеке.

Санкции. Выполняя в известном смысле репрессивную функцию, обеспечивают осуществимость диспозиций; гарантируют деятельность от неспецифических нежелательных эффектов; способствуют оптимальному режиму самоутверждения, непрерывности, сбалансированности группового опыта. Исходными формулами санкций как регуляторов поведения являются предписания той ценностной формации, которая возникла на ранних ступенях социогенеза вследствие обобщения примитивных схем архаичного общежития и которая конституировала легальность контактов индивидов.

Гуманитарные ценности — институт добровольный, в случае проводящих их санкций правильно вести речь не о принуждении, а о побуждении, самопонижении, самовмнении. Так как последние мотивированы культурогенетически, гуманитарных санкций вне культуры нет: они культуроцентричны. Существо санкций передается,

следовательно, таким тезисом: они обязывают каждого подходить к себе в некотором роде с надысторическими, сверхличностными мерками; поскольку лишь все человечество в своей совокупности представляет истинного человека, специфически человеческая способность — гуманитарность — определяется нашей причастностью к человечеству. Проблему степени данной причастности, разумеется, каждый решает самостоятельно.

Условия действия. Фиксируют особенности обстоятельств реализации гуманитарных ценностей, гражданских, правовых, морально-этических норм, разговор о которых правомерно вести с позиций некоей клаузулы.

Во-первых, ценностное сознание как элемент духовности принадлежит психическому, которое должно удовлетворять норме; не существует надлежащей психической, духовной, а с ней и ценностно-гуманитарной среды в состоянии патологии. Во-вторых, неперенным слагаемым ценностного сознания выступает личностная (социальная, гражданская, интеллектуальная) свобода. Гуманитарная ситуация складывается при наличии свободы действий субъекта, его автономного выбора. Там, где этого нет, где обстоятельства выше, личность не фигурирует как побуждающее, порождающее основание *causa sui*, — гуманитарная ситуа-

34

ция разрушается. Именно невозможность ссылки на диктат случая, слепую игру высших сил обязывает согласовать деятельность с ценностными установками, принимать в расчет соображения гуманитарности. В-третьих, в кругу предпосылок развертывания ценностного сознания уместно упомянуть присутствие самодостаточных и результативных нравственных идеалов. Ценностное сознание идеологично. Оно конституируется: а) определенным культурным цензом личности, приобщенной к гуманитарному кодексу человечества; б) убедительной внутренней мотивацией человека наследовать нравственные устои и следовать им. Как видно, чтобы оправдать высокое звание *homo imperativus*, субъекту мало быть нормальным, ему надлежит быть гуманитарным. Изложенное позволяет специфицировать природу интегрированных в ценностное сознание гуманитарных норм. Им присущи:

— универсальность: гуманитарность (в идеале) проявляется как общечеловеческий, планетарный, вселенский феномен с атрофией групповых, классовых, кружковых привязанностей. Она общезначима, и не в деталях малозначащих, побочных своих проявлениях, но по существу. Есть нечто, что всегда задевает всех и каждого. И это суть — стремление оправдать звание человека. Человеку нужны гарантии от возможных *faus pas*, ибо для поддержания общежития самоутверждение его не должно быть самочинным. Гуманитарность как высококультурная канва самоутверждения и дает такого рода гарантии. Умение жить по совести, а не по страсти, заложено не в аскезе, а в следовании нормам, которые канализируют страсти, назначают минуту их пристойного удовлетворения.

Сказанное становится во много крат актуальнее применительно к человечеству. Если у действующего свободно отдельного человека выбор есть всегда, то этого нельзя утверждать относительно человечества. Отсюда в глобальном контексте в отношении гуманитарности к требованию универсальности добавляется требования аподиктичности. Потенциально гораздо более опасные самоутверждения в социальном масштабе должны быть гуманитарными изначально. Лишь в этом — условия, надлежащие ручательства выживания;

— фундаментальность: гуманитарность не одна из ипостасей общественного сознания наряду с другими, а отправная его ипостась. Она — средоточие нравственных абсолютов, ценностный базис, над которым надстраивается остальное — политика, наука, религия, и т.д. Субординация различных отсеков культуры одно-

35

значна: гуманитарность приоритетна, из нее все вытекает, к ней все возвращается;

— абсолютность: гуманитарные ценности самодостаточны, не подчинены

ничему — ни политике, ни религии, ни науке. Жертвовать ими нельзя, тогда как во имя них можно жертвовать чем угодно (кроме них самих);

— автономность: гуманитарные ценности нельзя превращать в политику, политику же нельзя отрывать от гуманитарных ценностей. Политика, как справедливо полагал Аристотель, в идеале — ветвь этики; забвение этого чревато деформациями гуманитарного миропорядка (умеренные формы — случай Бисмарка; крайние формы — случаи авторитарно-диктаторских режимов — Гитлер, Сталин и др.). Идея *автономии* гуманитарных ценностей — центральная для их обоснования. То, что не возникает из гуманитарности, — негуманитарно; гуманитарность не требует для обоснования негуманитарных факторов;

— "апостериорная априорность": алогизм предлагаемого сочетания кажущийся. Гуманитарный кодекс, естественно, возникает из обобщения опыта вершения жизни. Не стремясь к метафорам, не будет преувеличением утверждать, что он буквально выстрадан человечеством за время хождения по мукам, выписан слезами, потом, кровью. Содержательную основу его (потенциала) формирования составляет борьба с искушением — поиск оптимальных программ, возможностей его (искушения) преодоления. Навеянное гордыней, самовозвеличением, самовознесением искушение есть необоснованное притязание на владение. Ценностный стержень искушения — неземная воля к власти, силе, господству над природными и социальными обстоятельствами. Говоря об этом, остановимся лишь на столь принципиальных аспектах искушения, к которым сводятся остальные, как:

а) искушение чревоугодием — извечная забота о хлебе насущном оборачивается безудержной гонкой за обретением материальных благ: превращение "камней в хлебы" распаляет аппетит. Хотя в просторечии упоминают хлеб, вождение вызывает масло, его-то все и возводят в формулы. Консюмеризм примитивизирует, опустошает, выводит за границу полноценной жизни, которая нуждается в духовности, метафизичности и которая располагается за пределами плоской тяги к набитому брюху и прочей чувственной суете ("не хлебом единым...");

б) искушение преобразующим деянием — покорение мира, владычество над природой. Рассмотрение предметно-практической активности как главного предназначения человека, способ-

36

ного познать законы естественной среды обитания, подчинить их себе, поставить на службу, подводит род людской к краю гибели. Непредсказуемый в своей узколобости технократизм представляет рукотворную угрозу существованию антропной цивилизации. И наши дни — прекрасное тому свидетельство;

в) искушение велением — путь диктата, тирании, закабаления человека человеком. Нарушение самооценности личности, подрыв прав гражданина означают утрату цивилизации. Властолюбцы, идолопоклонники — преступившие заповедь "Не сотвори себе кумира!" — не имеющие и непонимающие своего достоинства, конченные люди — или в прахе валяющиеся рабы, или необузданные деспоты (Герцен);

г) искушение похотью — превращенное в самоцель плото-угодное соблазнительство оборачивается машинерией. Любить, не влюбляясь, невозможно. Бездуховному же бонвиванскому чувству не требуется сочеловек. Достаточно куклы, игрушки, заводного болвана (естественный финал всякого Казановы).

Искушение ведет к пропасти, не провалиться в которую позволяет следование гуманитарным абсолютам, извлеченным из многотрудных поисков "богоугодной" жизни и выживания. Гуманитарные *абсолюты*, таким образом, опытные, эмпиричны по генеалогии, однако для отдельно взятой локальной ситуации они надопытны, сверхэмпиричны. Это надо интерпретировать в том смысле, что в своей объективной всеобщности, необходимости они не нуждаются в каких-либо дополнительных испытаниях; желание пуститься в последние оборачивается для охотников хождением по многим кругам ада,

некогда уже пройденным (и с невосполнимыми потерями) человечеством;

— надысторичность: гуманитарность — высшая ценность бытия, фиксирующая благородство в устремлениях, существенное и смысложизненное. Последнее неотожждествимо с суетным, к чему относится повседневное преходяще-временное — непосредственные политические, экономические и т.п. деятельность-ные измерения, ориентиры. На этом фоне понятна бессмысленность и бессодержательность утверждений, лозунгов, суждений, имеющих форму: "Гуманитарно все, что служит X", где X — исторически повседневное. Подставляя частные значения вместо переменной в такое выражение, можно получать предложения: "гуманитарно ценно все, что служит коммунизму"; "...рынку"; "...товарно-денежным отношениям" и т.д. Даже малый запас интуиции наводит на понимание сомнительности таких шагов. Никакая историческая частность, по статусу, не способна возвы-

37

ситься до уровня гуманитарно значимых ценностей, отношений. Отсюда необходимость принятия того, что человеку обязателен контакт с миром надвременного, абсолютного, который (контакт) обеспечивается гуманитарностью (нравственностью): "В строгом смысле слова она начинается лишь там, где возникает неудовлетворенность настоящим, т.е. временным и преходящим, как бы благополучно оно ни было, где сознание обнаруживает неустрашимый зазор между временным и абсолютным... Между идеалом и действительностью"³;

— автоматичность: гуманитарность не в принудительности, а в естественной побудительности поведения человека, который действует именно так, а не иначе. "Быть человеком в человеческом обществе, — констатирует Герцен, — вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитие внутренней потребности: никто не говорит, что на пчеле лежит священный долг делать мед; она его делает потому, что она пчела. Человек, дошедший до сознания своего достоинства, поступает человечески потому, что ему так поступать естественнее, легче, свойственнее, приятнее, разумнее; я его не похвалю даже за это — он делает свое дело, он не может иначе поступать, так, как роза не может иначе пахнуть"⁴. Гуманитарность — не привычка, а убеждение, образ жизни и действия.

3. Обоснование норм. Ввести гуманитарные нормы оперативным или спекулятивным путем относительно просто. Гораздо сложнее решить, как они действуют, т.е. влияют на личность в ее реально жизненном существовании. Размышления над этим выводят на проблему обоснования гуманитарных норм, заключающуюся в моделировании взаимообуславливания традиционных оппозиций: бытия и быта, вечности и повседневности, удаленного и близкого, великого и мелкого. Обосновать гуманитарные нормы, следовательно, значит раскрыть тайну их действенности: в силу каких обстоятельств, почему они оказываются соединенными с предметной человеческой деятельностью.

Пробегаая частности и концентрируясь на главном, начнем с констатации разрыва абстрактной и конкретной ипостасей ценностно-гуманитарного. Первая охватывается миром должного, вторая — миром сущего; между одним и другим нет *harmonia pre stabilita*. Последнее фиксируется многочисленными практическими убеждениями, сентенциями типа "пока святые молятся,

³ Перестройка и нравственность // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 7.

⁴ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 2. М., 1975. С. 57.

38

грешники правят миром"; "жить и быть несправедливым — одно и то же" и т.д. Словом, даже если на Юпитере есть пятна, что требовать от эмпирического, единичного человека?!

Философские, рефлексивные системы ценностных абсолютов в их нормативной части и призваны дать механизм обратного возвращения гуманитарности с поднебесья общественного сознания на землю, в практику человеческого существования. Какими

теоретическими схемами развертывания наличного (далеко не нравственного, ибо и Христос именует людей "родом неверным и развратным") человека в родовое существо, приобщенное к совершенному и желанному состоянию, где добро синтезировано с благом и счастьем, располагает наука? Анализ ретроспективы демонстрирует, что возможности увязывания гуманитарных обязанностей человека с его практическим благоразумием, автофи-лией, тенденцией к соблюдению интересов отрабатывались в кильватере следующих подходов.

Рационализм. Уходящее корнями в античность рационалистическое обоснование гуманитарных норм руководствуется весьма незамысловатыми диспозициями. Зло в *человеческом* бытии — от неведения, так как если знать, что есть добро, никаких препятствий тому, чтобы его не делать, нет. Отсюда следует, что обретение гуманитарности есть задача просветительская, — знание того, что можно, а что нельзя, становится источником подлинной моральности.

На безмятежном пути проведения этих взглядов неожиданно возникают, однако, два осложняющих обстоятельства. Первое *связано со своеобразной* онтологической равнозначностью добра и зла: миром одинаково правят как силы божеские, так и дьявольские. (Утверждается, правда, что Бог правит миром, а Сатана балом, — справедливость чего, скорее всего, мы оценить не в состоянии.) Казалось бы, Бог не упразднил сатану, чтобы даровать человеку возможность внутреннего выбора: лишенный последнего человек утрачивает черты субъекта, превращаясь в автоматичный, задетерминированный объект. Итак, чтобы быть субъектом, т.е. носителем цели, воли, действия, интереса, человеку требуется осуществлять свой свободный выбор. Но ниоткуда не вытекает, что приоритет в выборе — на стороне гуманитарных идеалов, добра. "Нет таких преступлений, которые я бы не совершил", — признавался Толстой, вслед за которым соответствующие признания на свой счет мог бы, вероятно, сделать каждый.

Второе связано с невозможностью рассчитать результаты рационально спланированной деятельности, которая в каких-то

39

своих частях или даже в целом может оказаться нерациональной. В свое время, полемизируя с кантовским ригористическим истолкованием природы гуманитарных норм, проводивший рационалистическую точку зрения Мечников как на естественную основу этизма указывал не на долг, а на знание. Будучи фундированы знанием того, к чему они могут повести, поступки, деяния подвергаются необходимой селекции и коррекции. Как видно, Мечников воспроизводит идеи своих античных предшественников, в первую очередь Сократа. Недостаток обсуждаемой платформы — принятие чрезмерно сильных посылок, допущений, в том числе принципа всеведения, согласно которому последствия деятельности можно вычислить, предвидеть, предугадать. Все известно, доопределено для Бога. Человек же не Бог; занимаясь поиском истины, самоутверждаясь, он блуждает в потемках, действует импульсивно, наугад, по наитию. Отсутствие универсального канона рациональной истины в этическом отношении означает исходную амбивалентность поступков, самоутверждений: стремясь к высокому, можно совершать низкое; благими намерениями можно мостить дорогу в ад. По аналогии с кванто-во-механическим принципом, следовательно, сказанное позволяет говорить о принципе этической неопределенности, имеющем в полном смысле слова фундаментальное значение.

Не углубляясь в историю вопроса, подытожим — снять данные затруднения рационалистической традиции оказалось не под силу. Никакое знание — каким бы представительным, глубоким, всеохватывающим оно ни было — не способно быть источником моральной добропорядочности, если человек лишен пред-посылочных понятий добра и зла. Последнее понимал уже Сократ, пытавшийся найти в сознании предваряющее знание основание справедливости и доброты. Подобное основание усматривалось им в "софросине" (благочестивом благоразумии), делающей нас высокоэтичными. Не оспаривая возможность такого концептуального хода, укажем на его гносеологическую

несовершенство. С позиций последовательно и полноприведенных рационалистических стандартов доказательности он не выдерживает критики. Ибо полагать относительно чего-то, что оно имеет место просто в силу своей изначальной присущности чему-то, означает подрывать требования закона достаточного основания, рассматриваемого рационалистами как *conditio sine qua* поп всякого доказательства.

Ригоризм. Настаивая на непреклонном соблюдении моральных правил, предъявляет жесточайшие требования к поведению,

40

которое согласуется с долгом; следование долгу объявляется высшим критерием нравственности. В такой линии есть свой резон. Моральное сознание, автономное от легальной сферы и выступающее атрибутом не гражданина, а личности, по сути не ориентировано ни на государственные, ни на социальные институции; оно самодостаточно, самозамкнуто, самоидентично, обращено на себя. Функционируя не по принуждению, а по побуждению, в самом себе находя удовлетворение, оно подчиняется внутренней необходимости, каковой является долг. Сильной стороной здесь оказывается понятие самосовершенствующейся личности, стремящейся через долг (средство) достичь высот человечности (цель). Однако этим достоинства ригоризма, пожалуй, и исчерпываются. Ригоризм испытывает сложности в части:

а) уточнения определенности долженствования: абстрактное долженствование формально, в соприкосновении с экзистенциально полноценной личностью оно не способно прояснить, чем обоснован пуризм как жизненная программа. Даже, казалось бы, все предусмотревший Кант в ставке на долженствование не в силах снять вопрос: долг — откуда, зачем, почему? Проведение ригоризма у него крепится на допущении весьма "неформального" — своекорыстного фактора, каким является надежда на расположение Бога, гарантирующего бессмертие. Формулировка "чистых", "несодержательных" оснований долженствования (на что претендует ригоризм), как представляется, — задача неразрешимая;

б) увязывания свободы с долгом. Свобода — понятие не негативное; она — свобода "для", "к", а не "от". Долг же по своему статусу существенно ограничивает проявление свободы: обязывая согласовывать действия с императивами, он оставляет открытой проблему творения потенциального (рискованного) бытия;

в) моделирования завершения императивного мира *должного* (модальность *de dicto*) в мире сущем (модальность *de re*). На примере Сенеки, поучавшего, как жить, но не следовавшего в собственной жизни своим заветам, ясно, что здесь проблема. Жизнь дает немало примеров зависимости между долгом и моралью отнюдь не прямой, а подчас обратной.

Во-первых, долг способен не только не предотвращать, но санкционировать и стимулировать преступления (опыт войн, заливших кровью историю человечества). Во-вторых, отрешенный, сухой долг не в силах тягаться с полнокровным здоровым чувством. Влечения, аффекты берут свое, требуя разрешения, — ситуация презревшего долг отца Сергия.

41

Утилитаризм. Связывает гуманитарность (моральность, добропорядочность) с характерным устремлением индивида к собственной выгоде, удовольствию, счастью. "Не надейтесь, — утверждал Бентам, один из основоположников утилитаризма, — что кто-нибудь двинет для другого хоть... пальцем, если не получит от этого никакой выгоды, никакого удовольствия".

Перед нами вариант этического аболиционизма, возникающий вследствие перевертывания реальности с ног на голову. Как отмечалось, диахронический срез вопросов гуманитарности подтверждает наличие в ней элемента утилитарности. Однако речь здесь идет об общеродовой зависимости: адаптационный процесс легализует вектор трансляции полезных форм от общего к частному, — полезное для вида, — обязательно

для индивида. На чем и основано групповое выживание. Иного социально значимого вектора трансляции полезности не существует. По этой причине центрировать в качестве критерия гуманитарности признак максимального достижения личной выгоды означает вольно или неосознанно принимать эгоизм. Но эгоизм, каким бы "здоровым" он ни был, — неадекватная база конституирования гуманитарности.

Утилитаризм болен двумя неизлечимыми болезнями. Первая — неспособность ввести понятие пользы самой по себе посредством расчета выгод и потерь, приобретений и убытков. Действительно, какой арифметикой вычислить ту грань, разделяющую ослепленных погоней за выгодой скупцов, стяжателей, скопидомов и живущих разумной достаточностью моральных людей? Вторая болезнь утилитаризма — релятивизм. Наделяя выгоду титулом высшей ценности, превращая в эфемерность моральобразующие отношения (долженствование, совесть и др.), утилитаризм разваливает гуманитарную ситуацию. Если обязательства выполняются в погоне за выгодой, ни на кого нельзя положиться. Фундаментальный гарант цивилизованной коммуникации — совесть как лично "невыгодная", но человекоудостоверяющая инстанция, атрофируется. Ведь если наш век короток, и надо успеть, счастье обретается любой ценой, то незачем церемониться в средствах. Учитывая решительность, непреклонность воли каждого охранять свой интерес, проживание в организованном на подобных началах социуме оказывается труднопредставимым.

Гуманитарные отношения на практицистский язык не переводятся. Нравственность и этичность, справедливость и благо-честивость полезны при их бесполезности (Платон), в чем и обнаруживается их гуманитарность.

42

Эвдемонизм. Расценивая его не как разновидность гедонизма (натурализма), возможно трактовать его как заслуживающую внимания доктрину, которая выводит гуманитарность (мораль, добродетель) из опыта обретения счастья (блаженства) через самоограничение, упражнение, достижение внутренней свободы, независимости от дешевых соблазнов, давления страстей. Оценивающие суждения существа данной программы во многом созвучны аргументам, предъявленным ригоризму и утилитаризму.

1. Добродетель и блаженство трудно совместимы. Если удовольствие — единственная ценность жизни, которая, являясь объектом желания всех, оказывается мерилем расстояния, на каком каждый во всякий момент времени находится от цели, то как избежать войны всех против всех вследствие безудержных (эгоистических) тенденций достичь цели — приобщиться к счастью, удовольствию, наслаждению. Вместе с тем быть добродетельным означает уметь жертвовать удовольствием, которое зачастую недобродетельно, на стороне порока. Но жертвовать — во имя чего? Каждый свое счастье понимает по-своему, идя, как говорит Эпикур, туда, куда влечет его наслаждение. И если я сам — высший суд своему счастью, то может ли кто-либо доказать мне, что на пути к счастью я ошибся. Собственно, как это сделать?

2. "Счастье" — весьма неопределенный стандарт жизнепонимания. Во-первых, счастье одного нередко строится на несчастье другого. А на вопрос "Кто виноват?", в силу многозначности жизненной правды удовлетворительного ответа добиться не удастся. Реставрируя интригу "Кто виноват?", задумаемся: виноват ли Бельтов, что полюбил; Крупов, что стоял у истоков несчастной любви; Круциферская, что дала волю чистому чувству, виноваты ли все они, вместе взятые?... Ни один из допустимых ответов на заданные вопросы не может рассматриваться как исчерпывающий, окончательный. И это — в виду альтернативности, поливариантности этической ситуации, где нет одной объективной истины (есть ли такая вообще?), а есть веер субъективных истин. Во-вторых, затруднительно уточнить денотат "счастья": есть ли оно завершенное состояние (опять-таки есть ли такое?), или никогда не завершаемый процесс его (состояния) обретения (Милль, Достоевский). В-третьих, персональное счастье основано на любви, а любовь как чувство — переменчиво. Лишь любовь к себе, настаивает О. Уайльд, есть "единственный

роман, длящийся пожизненно". Значит, и в данном случае требуется изыскивать противоядие эгоизму.

3. Восхождение к счастью не синхронизировано с восхождением к нравственности. Очень точно высказался на этот счет

43

гетевский Вертер, подчеркивая, что лучшие человеческие чувства любовь и верность приводят к насилию и убийству. К своему счастью каждый идет своей дорогой зачастую без оглядок на "выдумки" моралистов.

Теизм. Для исправления от несовершенства несправедному, греховному человеку надлежит расстаться с претензией на самодостаточность и воспоследовать Закону Божию, откуда почерпнуть наставление к благочестивой, благонамеренной жизни. Argumentum primum теистам заключается в том, что религия как пласт духовности не может играть роль остова добродетели по причине гетерогенности, внутренней расслоенности: достаточно острая конфронтация разнородных конфессий, символов веры, наличия диссентеров, верных и неверных и т.п. С течением времени все крепнет убеждение, что заблуждался апостол, говоривший: "Христос разорит преграду разобщения и вражды". Он оказался не прав не только в отношении людей, но и церкви. Бог в клерикальной оболочке — неадекватная основа конституирования гуманитарных связей.

Сказанное относится к трудностям через призму внешней критики позиции. Представление о трудностях под углом зрения внутренней критики позиции возникает из богатейшей проблематики теодицеи. Почему праведный всемогущий Творец не исключил предпосылки греха и зла из творения? В порядке ответа на вопрос возникали многочисленные ad hoc конструкции:

1) Бог наделяет человека свободой, но не задает правил ее использования; зло, следовательно, — в самостийности, инициативности человечества;

2) зло — одно из несовершенств сотворенного, функционирующего в автономном режиме по своим законам;

3) Бог — исток разума, разум — исток души, поэтому возможности для души вторичны, непосредственно Богом не детерминированы;

4) человек — существо дуальное, способное и на добро, и на зло;

5) зло есть в Боге (имманентный подход), но не потому что он Бог, а потому что в нем некая темная основа бытия — "природа в Боге";

6) Если бы Бог знал, что творение повлечет зло, он воздержался бы и от творения добра, а это было бы жертвой неоправданной.

Порок локален: он входит в добродетель, точно яд в лекарство.

Характерный изъян всех этих "рациональных" моделей — искусственность, многократно усиливающаяся тривиальной апелляцией к здравому смыслу: во всесовершенство Творца долж-

44

но быть предзаложено всезнание. Бог, сотворивший мир, принимает на себя за него полную ответственность. Благословлять и убийцу и жертву нельзя; нельзя быть "над схваткой".

Сциентизм. Этот термин объединяет множество декларативных программ "строного" обоснования гуманитарности с опорой на термины и стандарты точных наук. Таковы геометрия (Гоббс, Спиноза), физика (Гельвеций), физиология (Гольбах), география (Монтескье) нравов. Необходимости пространной оценки обозначенной линии нет. Во-первых, понятие "строгости" как эпистемологическое кредо релятивно; оно не имеет экспликации вне явно фиксированных систем отсчета. Во-вторых, обобщая и перефразируя Вольтера, правомерно утверждать: естествознание и математика оставляют гуманитарность такой же, какой ее находят.

Гуманизм. С этих позиций гуманитарность — культурная матрица деяний, фундаментальная ценностная константа человеческого общежития, которая обусловлена

логикой объективного вершения жизни. Гуманитарность (добродетельность, моральность) начинается с запрета, традиции и венчается долгом, соответственным уровню самостояния высококультурных совестливых существ.

Естественный отбор, разумеется, не создает этику, он закрепляет диспозиции к альтруистическим типам поведения в коллективе. Укореняясь, эти диспозиции дают простор человеколюбивым, добронравным ориентациям. Не будет преувеличением утверждать, что эволюция идет под знаком прогрессивного нарастания специфически гуманитарных форм межиндивидной регуляции, набирающих силу в череде переходов от табуации к этикету, развитой системе права, этике, морали; принуждения, навязываемого извне кодекса к побуждению, самозаконности самоутверждения; от гетерономии к автономии; от властно-законодательных определений к благоразумно-благочестивой свободе. Этика, таким образом, кристаллизуется из тенденции к видо-сохранению (антропогенетический фактор) человечества в целом. Мораль кристаллизуется из тенденции к индивидосохранению (культурологический фактор) отдельных представителей человечества как членов общества, существ гуманитарных. Выскажемся пространнее.

В отличие от этических связей, по-видимому, имеющих генетические корни, моральные связи полностью благоприобретены; они суть чистый продукт воспитания. Человек морален тогда, когда, действуя самостоятельно, руководствуется некогда

45

усвоенными нормами. У гуманитарного, воспитанного существа нет примитивно свободной, самочинной воли: она сообразуется с общечеловеческими устоями и велениями, отмечая степень его культурной, гуманитарной зрелости. Отсюда деяния захваченного гуманизацией субъекта не могут не быть моральными и наоборот. В этом — секрет законосообразности связи индивидуального и социального, частного и общего, морали и нравов.

Конечные, частные индивиды мыслят и хотят различно, но, будучи гуманитарными, действуют одинаково.

Скажем, проблему своего счастья они ставят по-особому, однако средства для ее решения подбирают цивилизные. В принципе они могут и не достичь счастья, однако высокий баланс цели и средств позволяет им в любом случае сохранять самодостоинство, надлежащую чистоту жизни, цельность сознания. Как видно, моральность выступает оптимумом самоосуществления, исходя из гуманитарно санкционированных образцов, самых совершенных целей (Аристотель).

Программа гуманитарного генезиса (гуманогенез) ценностных абсолютов представляется наиболее адекватной. Ценностное сознание не фундируется ни рациональностью — ввиду ее ситуативности, нейтральности разума к широко понятому этизму; ни абстрактным долженствованием — ввиду его бессодержательности, неопределенности; ценностное сознание фундируется гуманитарностью.

Почитание ценностей каждым из нас — от органической встроенности в структуру гуманитарных отношений, к которым мы приобщаемся через каналы воспитания. Воспитание решает нашу судьбу, закладывая вектор самовозвышения, нацеливая на единство сознания личности посредством самоуважения. Сказанное позволяет отнестись с пониманием к тому учителю физкультуры, который повесил свой портрет рядом с изображением Христа — он был убежден, что сделал для человечества не меньше, чем великий предшественник-первосвященник.

МИР ЦЕННОСТЕЙ

1. Ценности познания. Идеалы, нормы, эталоны, регулятивы, каноны, императивы дисциплинируют исследования в науке. Нормосообразность означает правовую упорядоченность интеллектуальных инициатив, выполняет охранительную функцию защиты интересов, прерогатив научного сообщества в целом. Кристаллизация этоса, семантических и процедурных кодексов — этих рычагов коррекции и контроля

исканий — соответствует определенному способу мысли, находящему выражение в исторических и дисциплинарных формах логики, методологии, философии. (Логико-методологическая, философская рефлексия складывается как целенаправленная фиксация и обоснование общезначимости, общеобязательности неких познавательных ценных правил, выступая тем самым критико-аксиологической энтелехией интеллекта, судом разума, привносящего на почву мысли-деятельности правовые отношения.)

Рефлексивные механизмы — специальный отсек науки, концентрирующийся не на предметном мире, а знании с целью квалифицирования его под углом зрения воплощения "достоверности", "доказательности", "оптимальности". По сути своей рефлексия занята проблематизацией и конституированием образцов и шире — образов науки, проявляющихся в конкретных эпохах в качестве укорененных в культуры эшелонированных динамических формаций со специфическим складом теоретизирования, рационального познания, понимания, смыслообразования. Развитие чувства стандарта постановок проблем, приемов их анализа, разрешения, трактовок, толкований "теории", "проверки", "обоснования" необходимо науке для выработки масштаба самооценки, без которого она не имеет целевых опор саморазвития. В научный дискурс, таким образом, вплетены механизмы регулирования, регламентирования, реагирования, вводящие сетку гносеологических предпочтений и удостоверяющие ценность, достоинство единиц знания.

Совокупность атрибутивных науке норм подразделим на нормы знания и исследования (метод науки), что соответствует

47

двум типам научной рациональности — рациональности результата (нормативное описание наличного познавательного массива) и рациональности процесса (эффективность, оптимальность, целесообразность деятельности, ориентированной на получение нового знания). В одном случае аккумулируются правила для знания, взятого в статике — познавательный мир должного с точностью до возможностей состоявшегося опыта. В другом случае сосредоточиваются правила для производства знания — мир знания в динамике, исследовательская практика науки (сушее), не скованная некогда утвержденными, а потому априорно узкими стандартами.

Так как нормы науки вводятся индуктивно через обобщение сбывшегося опыта, каноны знания закрепляют понятия о содержательно плодотворном прошлом. Поскольку же последнее не исчерпывает науки, актуальные исследования методологически не управляются требованиями прежних норм; расширяя горизонты знания, объективно они трансформируют имеющиеся нормативные пространства; за счет поиска, следовательно, идет эволюция регулятивов и норм.

Мобильная первопроходческая деятельность, ответственная за инновации, управляется весьма нежесткими побудительными установками на нетривиальность, новаторство. Если рациональность знания учреждается "истинностью" (ответственна за накопление в науке объективно достоверных результатов), "критицизмом", "логической, опытной обоснованностью" (ответственны за накопление в науке нетривиальных, максимально апробированных результатов), то рациональность исследования утверждается определяющим науку с точки зрения ее внутренних целей "прогрессизмом".

Инновационная деятельность, не вписывающаяся в эпистемологические стандарты, с позиций имеющегося знания и связанных с ним норм не может квалифицироваться как рациональная. Для недопущения дисквалификации и дискредитации разработок последние расцениваются с существенно иных логико-методологических взглядов. Представление о них задается понятием целерациональности: в отличие от знания, где рациональность сводится к соответствию нормам, в исследовании рациональность означает соответствие эвристическим целям.

Генетически цель предшествует результату, исследование — знанию. Разработчик, обновляющий познавательный фонд, производит открытие. Знание "контекста открытия" гносеологически не дифференцировано, наряду со справедливым,

гениальным содержит не идущие к делу атавизмы персонального, исто-

48

рического, социального. После рефлексивной логико-концептуальной обработки знания, на стадии "контекста оправдания", выявления вполне адекватного, непреходящего задним числом устанавливается рациональность предпринятых действий. Прогрессивное расширение знания обоюдоостро: влияя на предшествующее знание, оно влияет на принятую ценностную шкалу. В итоге в предметном и нормативном сознании происходят сдвиги. Прежние способы исследования ревизуются, обнаружившие эффективность приемы возводятся в нормы.

2. Ценности политики. История — продукт творчества масс лишь в каком-то смысле. В не менее явном и ясном смысле она — продукт деятельности имеющих физиономию лиц. История делается политикой, меняющей содержание и форму в зависимости от доминирования в конкретных локалах определенных экзистенциально-политических типов. Демонстративна цепочка с несущей структурой "социализм" — в социально-исторических нишах "народный социализм" (Италия), "национальный социализм" (Германия), "научный социализм" (Россия). Во всех вариациях "социализм" в некотором сущностном толковании эфемерен. Отсюда, между прочим, вытекает:

- плохих эндемических идеалов, поставляемых политикой народу, не бывает;
- народ не понимает поставляемых ему политических идеалов, руководствуется в самотеке жизни не идеальной (от слова "идеал"), а обыденно-практической доксихической логикой;
- политические идеалы фундированы личностно заявляющими, обмирщающими их политическими типами (один является авторитетом, его приговоры выражают национальное самосознание, другой никогда, ни в какой связи на подобную роль претендовать не способен).

Понимание неоднозначности переплетения отчужденного и индивидуального в политической практике стимулирует погружение в проблему природы поставляющих процессов в политике — на что может, а на что не может претендовать политика как род социальных занятий.

При императивном подходе к политике, казалось бы, очевидно: просвещенный властитель, постигший премудрости мира, наторевший в книгах, приобщенный к высотам духа, спрягает сущее с должным, возможное с действительным, верховодит массами, направляет их на путь к чаемой, заветной доле. Императивный подход к политике, однако, предрассудок небезобидный, оказывается обращением политики в угрозу человечности. Интерпретаторам свободного склада надо идти в науку (в том

49

числе политическую науку — politics), но не в практическую политику (policy).

Долг, повеление, настояние ограничивают естественность, рассогласуют политический курс с током жизни. Не бывает плохих доктрин. Бывают плохие их воплощения. "Ничто не приносит миру столько вражды, и самой ожесточенной, сколько идея единства" (Бердяев); человек — звучит гордо, а выглядит отвратительно. Почему? Потому что доктрина — духовный комплекс, вырабатываемый рефлексивным потенциалом анализа. Воплощение же — практицистский комплекс, вырабатываемый активистским потенциалом вербовки.

Энергодвигательной силой политики как доктрины служит мощь мысли. Энергодвигательной силой политики как технологии служит мощь лица.

Гносеология бьется над абстрактной синхронизацией бытия и мышления, рядов идей и вещей, политология — над конкретной синхронизацией доктрины и жизни, проекта и его реификации.

Как добиться того, чтобы коллатерали персональной самоактуализации отвечали магистралям (заведомо вдохновительным) политических деклараций? Это вопрос вопросов.

В идеальном случае регулируемые ценностями порядки персональной и политической актуализации совпадают на уровне высокого. Есть инварианты в разрядах как личностного (константы недеформированной индивидуальности — самоуважение, долг, честь, достоинство, совесть, поддержка значимого чувства "Я"), так и общественного (универсалии типа фундаментальных социальных констант — ФСК) устройства, синхронизирующие обмирщение высокоадаптивных частных и общих аксиологических начал. Столь отрешенная трактовка, допускающая совпадение индивидуально-эгоистического и политически-типического на уровне императивном, однако, не вдохновляющая.

Императивный залог сам по себе и не адресен, и не дееспособен. Императивы проверяются в жизни многотрудной практикой испытаний, длительной всесторонней взаимообработкой огнем и мечом.

Можно требовать благочинности: удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели недостойному войти в царствие божье. В действительности в Отечестве нашем — "ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек" (Победоносцев). Можно требовать благоговения, святости: "Кажется, Франклин снимал шляпу, произнося имя Бога". У нас же — "Бог, вера, Отечество, русские, русское — все это везде, кстати и некстати, в важном и безделицах, пишут, поют, напевают и, так сказать... без всякого

50

стыда"¹. Будущая Россия — Россия "честных людей" (Достоевский). В настоящем же: что делает Россия? Ворует (Карамзин).

Справедлив, хорош, красив императив. Только как его оп-редметить? Долг определяет естественность. Знание вселяет скорбь. Наказание не спасает. Счастье покоится не на красоте, а на отсутствии страдания...

В чем же заветное совпадение личностных и политических воплощений? Оно не в императивах, а в позитивной естественности реально-реалистического существования. Когеренция политики и жизни — в превознесении жизни. Процедуру фронтальной реабилитации жизненного мира применительно к духовности, ориентированной на науку, провел Гуссерль. Нечто подобное *по* соответствующей реабилитации жизни следует сделать и в отношении доктринерствующей политики.

Резонерствующий рационализм обезглавил культуру. Выход из плена принуждающего сциентизма Гуссерль связывал с возвращением к допредикативному опыту, оправданием доксы, представляющей "царство изначальных очевидностей, не достигших еще точности и математизированно-физической идеализации"². Выход из плена одурманивающего политического сциентизма следует связать с обретением твердой почвы бытия обыденного, в котором коренится здравосмысленность всякого значимого начинания. Экзальтированное доверие иницирующему политическому разуму необходимо сменить его всесторонней критикой. Критикой обыденной жизнью, которая есть главный Аргус политики, этой "капризной дамы с претензиями" (Плеханов).

Политический разум не способен охватывать происходящего. И дело не в специфичности политического разума, а в природе разума как такового. Разум обнаруживает немощность при соприкосновении с жизнью. Глубоко прав Бозций, говоривший:

Страстно хотите, чтоб разум К свету нас вывел, но будет Мраком погублен, кто взглянет В бездны его, и утратит Высшее счастье навеки.

Политика не объясняет, а изменяет мир. В этом inferнальность. Inferнальность преобразующей гордыни на априорный (доктринальный) манер насиловать, принуждать достигать про-

Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии. М., 1985. С. 179. *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Praga, 1936. S. 44.

51

кламированного. Благо просточеловека для политики — пустой звук. Она

комбинирует громадьем планов, программными идеями, выхолощенными в смысле личностном. Подобно набирающей силу в сфере духа утрате камерности, персоналистичности — на выступлении "Beatles" в 1964 г. в США смогли побывать 73 млн человек, тогда как на первом концерте Чайковского в 1891 г. в тех же США — 2 тыс.³ — соответствующая обезличивающая механизация в виде "удаления от конкретного человека" отмечает и политику. Захваченная логикой машинообразной кулуарно-партийной корпоративной самоцельности политика приобретает черты "человеческой зоологии", рьяной на поиск в полной темноте. В угоду конъюнктуре прибегая к скороспелой импровизации, политика охотно жертвует жизнью, живущей по заветам предков личностью. Вдумаемся в ленинское признание: "Мы предполагали без достаточного расчета непосредственными велениями пролетарского государства получить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкобуржуазной стране"⁴. Без расчета в мелкобуржуазной стране велениями государства предполагали получить коммунизм. Чудная и чудовищная афера! Избирать путь радикализма, лишая целый народ исторического прошлого, культурных традиций... Что же вышло? Погибельное отпадение от России. Затратное политическое прожектирование противостоит чувству жизни, причем последнее всегда — жертвенная сторона — в противостоянии авантюрным кампаниям ("новый человек", "новый порядок") всегда отстывает. Политике нужны великие потрясения, народу нужна добротная будничная жизнь. Из высших идеалов, партийно понятого "прогрессизма" политика злоежечасно поступает опорами жизни. Ленин требовал превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Сталин предлагал искать главного врага в собственной стране. Трое неуполномоченных узколобых инициировали Беловежье. И одно, и другое, и третье для народа — варварство. Жертвовать государством, обществом, судьбой миллионов — дикость. И главное во имя чего? Во имя болезненного тщеславия, личной амбициозности, партийной свары, маниакальной неукротимости в стремлении к власти.

Политика не как философия, она не ограничивается фразеологией (совмещение "объяснения" и "изменения" в философии, отличающее марксизм, означало на долгие годы тлетворную под-

³ Davies T. The Beatles. L., 1968. P. 207.

⁴ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 44. С. 151.

52

мену науки политикой). Ее обмирщаемая подпольность искажает, извращает жизнь. В этом — опасность. Политика не ведает, что порождает. Отрыв ее от здраЕЮмысленных жизненных ценностей, реалий плодит химеры — химеры большевизма, культа личности, хаоса псевдореформаторской перестройки.

На уровне императивном политика должна (!) сопрягаться с понятием личности, ее самоопределением, нравственностью. На деле не так. Для светлейших умов человечества оказывалось непосильным соединить в общественном устройстве личную свободу, экономическую эффективность, социальную справедливость. Это не удалось претворить ни одному правителю, ни одному государству. И поныне "гражданский мир", "гуманизм", "качество жизни" оказываются несращенными. Сходное в другой плоскости просматривается в отношении иной капитальной троицы — "свобода", "личность", "творчество". Ни одна из воплощенных в истории социальных организаций не ведала искомой полноты самоактуализации. Возникает вопрос: как жить?

Наш ответ на него таков: отказываясь от доктринального социотворчества, политики принципов, следует жить мирскими интересами, обозримыми, трезвыми значимостями. Подобный разворот, предполагая реабилитацию жизненного мира относительно политики, предает забвению безответственное реформаторство, тираноборство, корпоративный эгоизм, "авангардизм". Требуется жить ответственно, не дразня, а укрощая демонов партийного "прогрессизма", упирая на экзистенциальную, национальную, цивилизационную идентичность.

Революционер — временщик мыслит и действует конъюнктурно. Лицо из народа — патриархал, пространственник — руководствуется устоями. Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам ценна абсолютно в обход партийно-политических кодификаций. "Отчизна", ""народ"", "человек" нетленны, самодостаточны, достойны любви за то, что они есть, а не в силу причастности к "передовому".

Итак, жизнь, действенный интерес — программа подчинения им политики стягивается в следующие пункты.

1. Аналогично гуссерлевской дихотомии "беспочвенно висящей в воздухе науки — зримых укорененностей жизненного мира" противопоставим политике policy политику politics. Политическая доктрина (politics) — фундаментальная дисциплина с традиционными функциями науки — призвана описывать, объяснять, предсказывать, т.е. моделировать, но не трансформировать реальность. Политическая техника (policy) — конкретные политические курсы, линии, исходя из концептуальных схем (полити-

53

ческая хроногеометрия, геополитика), коррелируются с докси-ческими интуициями. Придаваемый политике смысл "впереди бытия" (Франкл) коренится в царстве обыденности, где вершатся наиболее ценные, стоящие "медленные труды" по воспроизводству жизни, пролонгированию существования. Без привнесения из повседневности ценностей политика не является совместным типом проведения гуманитарных целей, процессом "культурной субъективности" (Гегель), формой решения и перерешения судеб мира в сознании локальной и глобальной ответственности.

2. Политическая технология (policy) — инструмент устроения жизни — массовой, практически-обыденной, повседневной. Она не может строиться на отрицательной относительно народа идее. Это нелепость — "навязывать народу учреждения, к которым он не пришел в своем собственном развитии"⁵. Иначе — насилующая тирания, автократия.

Взрывное воздействие на реальность недопустимо в политике. Разогнали Учредительное собрание — получили гражданскую войну (Добровольческая армия, костяком которой были выражающие интересы крестьянства эсеры, сражалась за легально избранную Учредилку); распустили Верховный Совет — получили гражданский кризис 1993 г.

Политика — средство мира, а не войны, она не должна деформировать жизнь просветлениями — объективацией умозрительных отрешенных проектов. Питаемые здравым смыслом обозримые ламинарные улучшения — постепеновщина, мелиоризм, эволюционизм — подлинны рычаги народоправной политики.

3. Жизненный мир — альфа и омега политики. Общественными реализациями политики выступают два модуса — насилие и влияние. Первый случай — оторванность или отторгнутость от народной жизни, второй — корреспондированность с ней. Нужна только та политика, какую приветствует народ, нужно только то правительство, какое отвечает чаяниям граждан. Политика, как настойчиво подчеркивается нами, функционирует не как институт генерации жизненных схем, а как институт выработки баланса сил — уравнивания реформаторства и народной воли.

"Когда пытаются осуществлять путь в отрыве от народа, это уже не путь", — наставляет Конфуций. Суть сбалансированной политики — раскрытие многосторонних элементов политического быта, выяснение смысла существующего и возможности улучшить-

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 383.

54

ний вместе со способами, "такими эти улучшения могут быть осуществлены без нарушения правильного течения общественной жизни"⁶.

Политика — не молитва во времени, а время в молитве, намечает вектор от "освобождения к освобождению" в обретении полноты жизни.

4. Жизнь — материнское лоно, а не экспериментальная материя политики. Политика обслуживает жизнь, а не жизнь — политику. После себя потоп оставляют преступники, живущие в параноидальном мире собственной непогрешимости, иллюзионисты, толкующие политику как "искусство невозможного". Таковы Сталин, Гитлер, Мао, Ходжи, Ким Ир Сен, Хомейни, Хуссейн, исповедующие кредо "Спасибо мне, что я у вас есть" и откровенно и brutally возводящие в идеал варварское и бесчеловечное⁷. Нарциссическая терапия переделывания мира под себя поставляет лишь антропофагию — адскую машину массового уничтожения, технику истребления населения, наследия, истории.

5. Доктринальный логически образованный мир — универсум рационалистических ухищрений, совпадает с искусственной, опосредованной, условной, идеально-типической реальностью. Жизненный мир — естественно данный — универсум непосредственных зримостей, совпадает с действительностью безусловной, изначально конкретной. Наука — и политическая в том числе — деформирует; ее принуждающая сила уничтожает вещи. Используя лексику И. Гарина, скажем: нет такой дьявольской пытки реальности, которой бы не доставало в убийственном политическом пандемонизме болезней: взрывы обычных и атомных бомб, насаждение образа жизни, концентрации, вакуумы власти, психостенические синдромы дереализации, иллюзии всемогущества, вседозволенность, магическое упрямство правителей, откровенный оккультизм, мистические предрассудки, фанатичная вера в осуществление сверхвозможного — жестокий круговорот, уподобляющий политику пляске святого Витта.

Сошлемся лишь на два показательных эпизода истории XX в. Первый — оккультно-мистическое безумие национал-социализма, точно схваченное Г. Раушнингом: "Каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее наследие. Эта двойная природа немцев, эта способность к раздвоению, позволяющая им одновременно жить в реальном мире и

⁶ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. III. Политика. М., 1898. С. 6.

⁷ Petzold J. Die Demagogie des Hitlerfaschismus. Fr.a. M., 1983. S. 13.

55

проецировать себя в воображаемый мир, в особенности выразилась в Гитлере и дает ключ к пониманию его магического социализма".

Второй — прямо-таки патологическая страсть российских архонтов в борьбе за власть предавать интересы народа, жертвовать территориями. Иные толпятся в высоких приемных в ожидании смены политических вывесок. Такова Япония, сразу после августовского путча вышедшая с предложением, "чтобы президент Ельцин незамедлительно выступил с заявлением, что советский режим виновен во многих преступлениях и демократическая Россия отрекается от них и готова в отношениях с Японией руководствоваться Симодским трактатом 1855 г. в той его части, которая касается Курильских островов"⁸.

Только в России территориальный вопрос увязывают с вопросом политическим (цвета флага на башне). Не сюрреалистично ли?

6. Политическая жизнь недоопределена и недоопределима. Уточняя Вебера, можно сказать: мы являемся людьми постольку-поскольку одарены способностью и волей занимать индивидуальное отношение к миру и придавать ему личностный смысл. Человеку чужды калькулирующие — технологичные тенденции политики превращать людей в *tabula rasa*, на которой в согласии с тщаниями какой-нибудь "белокурой бестии" вознамериваются писать "самые красивые иероглифы" (Мао).

Колоссальный порок политики — в заведомой и незаведомой дегуманизации, переводящей человека в суррогат, эрзац, идола, схему, которая, даже будучи наполнена кровью, в точном смысле слова человеком, т.е. носителем идеально-ценностного, духовно-содержательного, не является.

Политика, эта мегамашина создания предметов человеческой среды, выражаясь

по-гегелевски, — источник огромного бесконечного богатства: мира воззрений, знаний, внешних благ, прав, поступков, одновременно и индуктор деперсонализирующей унификации, идентифицирующего насилия. Политика атрофирует сокровенное — что-то такое, что только сам человек может открыть в свободном акте самоизъявления и слова (Бахтин). По этой причине вслед за Нэсбитом правильно утверждать: чем более наши образы жизни становятся схожими, тем более прочно мы будем держаться за такие ценности, как человеческие

Кобзев В. В. Южнокурильская проблема вчера и сегодня // Кентавр. 1995. № 3. С. 32.

56

убеждения о типах жизненного поведения и предпочтительных гуманитарных целях.

7. Дабы не быть превратным, политический праксис заявляет о себе достаточно адекватно, когда согласуется с очевидностями жизненного мира. Говорят о реформах, инновациях — прекрасно. Но не с тем, с кем надо. О благе народа надо говорить с народом, беря в расчет не доктринальные, а жизнезначимые обстоятельства. Оценку возможного осуществляет фундаментальная наука. Политика занята оценкой реального. Вслед за аббатом Галиани в политике нельзя представляться советником по коммерции в стране, где нет коммерции.

Мыслить и чувствовать так, чтобы заставлять чувствовать других, — кредо суггестора. Мыслить и чувствовать так, как мыслят и чувствуют другие, — кредо политика. Пытаться создать универсум "подлинной жизни" как нечто, располагающееся за пределами универсума жизни реальной, политически бессмысленно. Политика — не знание о мире, а знание об устройстве мира. Знание реалистичное, опирающееся на народную волю.

Кризис политики отображает изменение равнодействующей, не может вызывать кризис жизни. В политику должен проникнуть дух радикализма жизненной ответственности: вместо беспочвенных притязаний на "конечную истину", "первоисточное", ее честолубие должно ограничиться легальным оформлением баланса у¹""^есов. чуткой реакцией на запросы существования.

Кантовское деление антропологии на физиологию и прагматику — то, "что делает из человека природа", и то, "что он как свободно действующее существо делает или может и должен делать из себя сам"⁹, силу утрачивает. Утрачивают силу и допускаемые классиками антропологии прежние фундирования частичных признаков человека. Существо последнего связывали:

Шелер — с широко толкуемой духовностью, способностью к созерцанию;

Плеснер — с эксцентричными реакциями на среду, самоизменениями;

Гелен — с культуротворчеством;

Ротхаккер — с цивилизованным стилем жизни.

Каждый из них по-своему прав. И каждый заблуждается. В нашей ситуации, когда, используя мысль Гердера, человек в полной мере оказывается вольноотпущенником природы, частная правота корифеев прошлого перестает быть осязаемой.

⁹ Кант И. Соч. М., 1966. Т. 6. С. 351.

57

Через свою деятельность человек, утрачивая частичность, проявляет себя универсально. Он становится существом, самым себя созидующим, интерпретирующим, на себя указующим. Не природа, не антропологические детали, а человек как целое реализуется фактором *prima*. Лишь болезнь да пороки время от времени напоминают о его связи с природой, корнями естественными. Оттого натурализм, частичный функционализм вытесняются антропологическим универсализмом. В антропологии, таким образом, не проходит охранительная установка Антиоха "следовать древним!"

Следовать некому. Представители классики оказывались недолговечными и редкими свидетелями проникания культуры в природу и историю. На современной глобальной неклассической и неонеклассической фазе цивилизации культура срастается с природой, с историей. В основе этого — активистское человеческое своеволие.

Настоящее перекрыло дистанцию человека относительно мира. Человек полностью открыт бытию, бытие — человеку. Настала пора нового нелокального и планетарно-космического понимания человека (приоритет такой постановки в антропологических терминах принадлежит Плеснеру), где человек выступает всеобъемлющей миротворящей силой. Слои бытия, и дальше — больше, кристаллизуются как культуротворческие. Нестандартная, нетрадиционная онтология требует обновленной рефлексивной доктрины в виде всеобщей теории человеческого действия как теории очеловечения мира.

Человек — центр универсума, ядро философии. Истинный поворот в метасознании должен быть антропологическим поворотом. Не объективизм как концептуализация натурно-вещных форм, а антропологизм как концептуализация продуктивных актов творения. Нервом подобной теории является вопрос о перспективах родовой адаптации, выживания в новых условиях. Поскольку предустановленной гармонии между логикой созидательной деятельности и логикой бытия самого по себе нет, возникает задача выработки гарантий потенциального культуротворческого вершения жизни.

Потребительское общество себя изживает, уступает место инновационному продуктивному обществу, которое, по сути, работает в режиме незапрограммированности, рисковости. Учет этого взрывает оплоты классической рациональности, различающей функциональную и субстанциальную ее модификации. Первая — источник "разумного, доброго, вечного" связывает с усилиями "просвещенного авангарда", принимающего решения на-

58

верху. Вторая — целесообразно-разумное выводит непосредственно из человеческой природы. Оба подхода ущербны, что демонстрирует обобщение данных как жанра исповеди (этот жанр воплощает идущую от Августина и Руссо секуляризованную идею судного дня в публичном самоисполнении) — политических мемуаров, так и многочисленных свидетельств проявления нерационального своеволия, девиантного поведения, о чем речь шла выше.

Человек — хозяин судьбы. Но если строительством ее он занят без кодексов и "логарифмов", охраны свобод подобных себе, общежитие идет вразнос, обретая черты всепорочности. Возникает капитальная проблема сдерживания индивидуального и социального бунтарства: если творчество есть реакция на ограничение прав и обстоятельств, обостряется вопрос оптимального регламента сосуществования. На персональном уровне это — противоядие индивидуализму и эгоизму, пустопорожней демагогии, скандальной тенденции выделиться, общему человеческому несовершенству, сказывающемуся в ненависти, неприязни, отсутствии способности говорить друг другу "ТЫ". На групповом уровне это — противоядие деспотии. "Нужно, чтобы в каждой стране был свой собственный демон", — провоцировал Лютер. Отчего же? "Пока государство исторически необходимо, сохраняется необходимость править людьми, каким бы ни был правящий класс, всегда будет стоять проблема вождей, проблема вождя. Есть социалисты, считающие себя марксистами и революционерами, а значит, признающие необходимость диктатуры пролетариата, но при этом отрицающие диктатуру вождей, отрицающие индивидуализацию, персонификацию власти... Они хотят диктатуры, но отрицают единственно исторически возможную ее форму. Все это разоблачает не только этих мыслителей, но и всю политическую линию, которой они следуют"¹⁰, — резонно замечает А. Грамши.

Человеческая демонология в неумаленном объеме — волюнтаристский тип

организации, всемерно дискредитированный прошлым. В качестве морали из истории вытекает императив личной и общественной годности, завязанной на долг, честь, совесть, совершенство, воплощение фундаментальных индивидуальных и социальных констант. "Постарайся исполнить свой долг, и ты сразу же поймешь, на что ты годеи", — советовал Гёте. Поэтами рождаются, людьми становятся. Быть человеком, отцом, гражданином, оставлять после себя осязаемое наследство

¹⁰Ordine Nuovo I. M., 1924.

59

и наследие, — нет призвания важнее. И это призвание достойного человека.

Между сном и сном живет ребенок. Человек живет злобой дня — утверждением, заботой. Он не ведает беспечного бытия (заблуждался Рильке, допуская, что "беспечное бытие — пение". Пение в модусе "отпевание" опровергает сей взгляд на вещи), свою жизнь он полагает реальной актуализацией себя в жизни. Непоправимо ошибался Степун, считая, что каждодневная жизнь — не жизнь вовсе: "Она — стремление к жизни, ожидание жизни... вечно возобновляемая, но и вечно неудачная попытка перестать топтаться у подножия жизни и подняться на вершину ее"¹¹.

Подлинной жизни вне реальной жизни нигде нет. Подлинная вершина жизни — полноценный позитивный процесс существования. Высшие, а потому отрешенные идеи, идеалы (жизни, ее модусов) жизнь опровергает, она их предаёт всегда, неизбежно¹². Великое в жизни свершается в тиши; кульминацией жизни является не героическое, а обыденное.

Неупущение возможности обретения "Я" достигается не в пограничных прозрениях (хайдеггеровская "смерть"), а в полноте всебытия жизненного. Откровения, полные глубокого смысла, — правила, устои, фигуры мирского "Я" — "Ты" взаимодействия. Та же любовь нацелена на личность как воплощение ценности, но не на обезличенную ценность как выражение стоящей за ней идеи.

Жизнь человека в мире раздваивается: он погружен в обыденное и историческое измерения. В обыденности важно устоявшееся, седиментированное наследие, что от предкового опыта, на который индивид посягать не волен. Несоответствие частной практики общей, фиксированной в вере традиции "свидетельствовало для древних лишь о нарушении каких-то магически важных условий совершения определенного действия, а не ошибочности веры. Убеждал только коллективный опыт всего общества, а он считался воплощенным в традициях предков. Древний человек... обращен лицом к прошлому"¹³. Аналогично просточеловек в обыденности, проявляя здравомысленное пуританство, не порывает с традицией, давящей на него тяжелейшим грузом давности.

В историческом измерении ценится новое, инновационное. Разрушая текстуру обыденности с ее преобладающими единства-

"Степун Ф. Трагедия и современность// Шиповник. 1922. № 1. С. 83.

¹² Там же.

¹³ История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 147.

60

ми, консервативно-умеренными канонами "Все значимое — не ново, все новое — незначимо" (К. Пигров), историческое вводит иные способы обработки переживаний, субъективного опыта. Причастный к историческому — небожитель, видящий звезды над головой и спотыкающийся на земле бременной.

Обыденное — профанное и историческое — сакральное несоизмеримы. Сиюминутное и вечное несопрягаемы. Но чем более гений удален от обыденности, тем масштабней его трагедия. Это справедливо для всех случаев первопреходства, в первую очередь политического.

Подрыв баланса обыденного и исторического, профанного и сакрального, народного и героического развязывает противоречащий ФСК свинцовый опыт гражданского мифотворчества. Драма Гамлета — в дуализме знания и бездействия. Драма

жизни — в монизме псевдознания и административного восторга по неумному действию.

Сознание управляет бытием. Однако будучи не подкреплено высоким духом понимания жизни, сознание в угоду "рациональному" схемотворчеству, возводя хрустальный дворец, роет котлован. Образ зари Нового Дня повергает на дно социальной Ночи. Возникает несообразное: начинают действовать жернова войны, откуда-то из *подспудья* темной лавой вытекает *племенной* национализм, чистый воздух гражданского мира отравляется угарным газом социально-классовой розни. Приходит кто-то и говорит: "Это вы... не можете, а мы... все можем". Жизнь переходит в стадию тлетворного скотопригоньевска. Последний благородный становится парией.

Разные признаки подчеркивают, что прожекторство, "научное управление обществом", сознательный контроль событий, подчинение жизни пути "прогресса" плодят химеры. Это утопический затратный пережиток — всесторонняя рациональная экспертиза жизни. Жизнь во многом нерациональна: время накладывает грим на лица героев, осуществляют колебания 180-градусного размаха принятые оценки, респектабельное оборачивается сомнительным, сомнительное — респектабельным, дорогое на проверку предстает дешевым, уцененным хламом, пачкой просроченных векселей. Мужество в истории не было бы мужеством, если бы базировалось на точном предвидении. Гуманисты типа Будды, Сократа, Христа, отвергая насилие, пользуются языком судей (наблюдение Б. Маркова) ...

В жизни много непонятного, но не потому, что ум слаб, а потому, что это не предмет ума. В вопросах жизненно-человече-

61

ских феноменов нет места линейным рациональным классификациям: человеческая жизнь постигается человеческой жизнью.

Жизнь — игра с неявным, непредсказуемым исходом. Преодолеть, превзойти этот сущностный структурный момент жизни тщились многие — сионские мудрецы и кремлевские мечтатели, возомнившие о себе лишнее духовные жрецы, по недомыслию оракулы и мистагоги, авантюрные устроители, укротители, лихие перестройщики мира. Имя им — легион коновалов истории, расширявших пределы трагедии от вмешательства обстоятельств и рока до вмешательства горемык по прихоти.

Систематическим невыверенным кавалерийским набегам на жизнь должен быть положен конец. Технократические, сциентические хилиазмы, соиотехнические манипулирования в их неспецифической жизнеустроительной функции суть элемент архаичного идеистического сознания. От имени *ratio* в жизни до сих пор плодили варварство. От лица прогрессисте кого всеведения упрочали разрушительные предрассудки.

В настоящем выявлен свод общих мест большой конструктивной силы. В их числе: непредсказуемость в развитии науки, социальных ситуаций, человеческих действий, вариативность интересов, импульсивность чувств. Из чего следует принципиальная стохастичность, незарегулированность жизни, ее игровой статус.

Коль скоро это так, возникает радикальнейший вопрос предпосылок такого предмета, как существующая для нас жизненная история, которая в свою очередь может быть также объектом рефлексивного исследования.

Истина, соединяющая всех по эту сторону расхождений, соткана из позитивных усилий, преодолевающая пустоты, сочленяя куски рвущегося сознания, продолжать жизнь во имя жизни — неделимого настоящего, изобильности, щедрости, очаровательности "мгновения". Слепота любви полна света, в коем — радужные лучи жизни. Но кривое зеркало отражает вторым преломлением, — *естественный свет* жизни искажается рационализирующей процедурой, навязывающей прокрустовы схемы, программы, штампы. Защита от них одна — отлучение. Отлучение мессалин и бланкистов, белокурых бестий и отцов народов, в устроительном рвении не по разумению громоздящих несообразия на несообразия и обнаруживающих столь приметное качество, как векторная

инаковость относительно ритмики органического существования.

Последнее, лишенное глобальных амбиций, рассчитано на весьма узкую горизонтность с точной фокусировкой на, казалось

62

бы, рутинные, но крайне обязывающие "эпифеномены" — борьба за выживание, забота о родных и близких. Индивидуальное и общинное (органически-естественное) благо — и лишь оно — придает телеологическую равномерность, темпоральную связность жизнедействий просточеловека, позволяет усматривать в фактах жизни не "кампании", а "события". Повседневность, превращая "норму" в персонально значимую "задачу", делает из жизни жизнь. Потому жизнь — не подарок, которым надо наслаждаться. Жизнь — задание, долг, требующий исполнения (Шопенгауэр).

Первая часть вопроса о предпосылках жизни, следовательно, получает ответ: предпосылкой жизни является жизнь. Жизнь предназначена для себя самой, сопротивляется спускаемым свыше директивным планам. От личности до народа всяк кузнец своего счастья самостоятельно. Судьба жизни — в собственных руках.

Вторая часть вопроса о потенциях рефлексии жизни связывается нами с перспективами антропологического проекта.

Доктрина относительно жизни выполняет не рецептурные, перстукующие функции: ее задача моделировать сценарии возможных линий с отслеживанием их перспектив и потенций. Никаких призывов к раю, укрощению стихий, достижению идеалов в виде коллективистских или индивидуалистских конструкций. Никакого освобождения от социальной инерции, перехода на форсмажор, сверхпреодоление рутины, изобличения обыденности, восстания против традиции. Теоретик движется в логических диспозициях, откуда же ему знать жизнь?!

Аналогичную коррекцию надлежит провести в отношении политического лидерства. Лидер, герой, вождь — не всезнающий пророк, не мессия. Некритичная, убогая вера в несвойственное ему могущество должна смениться правовым подходом, граждански ответственным, светским взаимодействием с жизнью. Политику нельзя превращать в орудие борьбы с действительностью (лесковские "соборяне"). Побудительные воздействия на подобно тебе живущих должны согласовываться с пониманием контрактного характера цивилизации.

Связь доктрины с миром конституируют не прожекты, а ориентация на ФСК, гуманитарные абсолюты. Гражданский мир, достоинство человека, благоденствие *социума* — таковы высшие ценности антропологически выверенной политики. Неупущение возможности обретения "Я" совпадает с периодами максимального накопления социальной свободы, с заинтересованным сосуществованием человека с человеком в рамках открытого общества.

63

Порок существующей политики — комбинирование целым — народными, страновыми, геостратегическими универсалиями, низлагающими индивида. Существующая политика — бюрократическая машина, нацеленная на порождение внешних форм. Как и бездушная технически индустрия, она — производство: производство вещи, общественной организации, культурных устоев. Политика утратила подчиненные, обслуживающие функции, приобрела черты предприятия самодовлеющего.

Необходимая долгожданная поправка связана с концентрацией на человеке, так как конечный вопрос политики — перспективы человека с его нетленными ценностями, арсенал мысли и действия практических политиков — должен подтягиваться до уровня антропологического. Нет ценности выше свободного, достойно живущего человека. Везде, всегда, во всем, намечая и проводя политический курс, надо быть со стороны воли — против насилия, со стороны просвещения — против суеверной дичи, со стороны права — против изуверства, со стороны развивающихся народов — против отстающих

правительств¹⁴.

Мир бытия и мир ценностей в нашу многозначительную эпоху сливаются, и достоин сожаления тот, кто, выражаясь фигурально, "оставляет произнесенным основное слово" (Бубер).

Для науки важно аподиктически-универсальное, типически-родовое. Для антропологии важно гуманитарно значимое, которое и репрезентирует здесь "универсальное". Проникание в значимое, олицетворяемые им ценности выступает преодолением партикулярно-уникального, влечет достижение интерсубъективного, антропологически всеобщего.

Сказанное навевает: реальный субъект — лицедей, актант историко-политического творчества входит в рефлексию через интродукцию и реконструкцию стоящих за ним значимостей (ценностей). Поскольку последние в субъективном плане не трансцендентны (концептуальный просчет баденцев), способность теоретизации личностного — в отслеживании воплощаемых в индивидуальной деятельности ценностных шлейфов. Тайна личности разоблачается проникновением в тайну исповедуемых ею ценностей. (Ясно, почему Проспер Мериме охотно отдавал Фукидида за подлинные мемуары Аспазии или какого-нибудь пе-риклова раба. В первом — препарированный лоск академизма, тогда как во втором — подлинный блеск и нищета мирозерцания просточеловека, живущего достижениями и упущениями своего времени.)

¹⁴См.: Герцен А.И. Соч. М., 1975. Т. 8. С. 21.

64

Нечто родственное — для антропологически ориентированной политики. Суть — в деятельности не по поручению, а по причастию. Бонитировка человека размерной политики идет по идентификации аксиологического фактора: разные ценности (интересы) — разные курсы, линии. Отсюда для внешней политики, отвергая линерализацию, унификацию развития, обоснованно обостряя идею почвы — высших национальных интересов. Для внутренней политики, избегая каталектики, надлежит культивировать граждански ответственного субъекта, прежде — гражданина, а потом гражданственность. (У нас же, как сетовал Столыпин, "обыкновенно проповедуют наоборот".)

Когда личность станет пределом политических поползновений и посягательств, тогда каждый отправляющий политику исполненный достоинства субъект может применить к себе обязывающую римскую формулу: *Feci quod potui, faciant meliora potentes*.

3. Ценности цивилизации. Потенциал цивилизации — потенциал целесообразно-разумного, продуктивного есть высшее достояние-достижение человечества. Варварство истребляет. Цивилизация созидает. Способность созидать выше способности истреблять, — и в этом конечное основание преимущества одного перед другим.

Цивилизация как созидание, творение, потенциальное обусловливание посредством предсказуемых улучшений, планируемой позитивной динамики, однако, рычаг небезобидный. Выдвинем формулу, которая, может быть, на поверхности многим покажется странной, но по осмыслению справедливой: цивилизация есть теизация. Существуют мгновения, замечает Камю, когда любой человек чувствует себя равным Богу. Богоравность приходит, когда, словно при вспышке молнии, становится осязаемым поразительное величие человеческого ума¹⁵. Уподобленность Богу возникает в достижении свободы. Подлинная же и полная свобода обретается в способности выступать единственной причиной вещей. Последняя реализуется в умственном творчестве.

Достижение заветной творческой стадии "всестороннего причинения" аппетит

распалает. Оно — форпост атаки реальности. Из умственной сферы где отпадает все, что томит, стесняет душу, окрыленной верою в будущность идей *au nom du salut public* производится скачок в действительность. Воистину нет границ неумной гордыне: если Бог есть, как вынести мысль о невоз-

¹⁵См.: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 92.

65

можности быть им не только в разуме?! С легкомысленным задором чистоту мысли возвышают над чистотой жизни; дается начало безоглядному социальному устройству.

Немощные выходки разума против реальности заведомо обречены на провал. Своей умозрительно-плановой, целесообразно-дидактичной отрешенностью. Достолюбезный псаломщик несбыточно-призрачно-обманчивого в истории — разум. Не сон разума рождает чудовищ. Рождает и умножает их непосредственно разум.

Но если носитель знамени социальной патологии разум, как, сочетая "цивилизацию" и "историю", вершить цивилизованную историю, гуманитарно выверенную, богоугодную жизнь?

Сочетать разумно-цивилизованное и гуманитарно-оправданное в реальном социотворчестве — редкий дар исторического величия, которое, как выяснил Г. Федотов, имеет два смысла. Количественный: властитель типа Аттилы, Чингисхана, Тамерлана, Ивана IV, Петра I, Сталина в глазах "лишенной совести Клио" (Федотов) велик грандиозностью вызванных его починами затрат, жертв. Плоды усилий властителя-висельника и бандита-рецидивиста разнятся числом пострадавших. Но не только. Они разнятся мотивацией, целеориентацией, целестимуляцией, идеологией "во имя чего всё". Побуждения бандита поглощены шкурным, побуждения властителя — государственным (в отсутствие подобных различий предводитель отечества — банальный бандит). Оттого количественный смысл дополняется качественным, акцентирующим существо идеалов. Если жертвы идут на обслуживание не эгоистического, а социального, не на чистое разрушение, а созидание, имеют "отношение к ценности" государства, учреждения, нации, "величие" получает "видимость положительного значения"¹⁶.

Выходит, высокая цель (идеал) деятельности оправдывает жертвы: история ценит не затраты, а результаты? При ближайшем рассмотрении довод не является тем грузом, который перевешивает чашу трезвомысленного отношения к жизнелюбивой истории. Не случайно Федотов апеллирует к слабой выразительной модальности, употребляя "видимость положительного значения". "Видимость" — потому, что и "результативность" не предельный и окончательный шиболет "величия".

"Последние" основания исторического суда лежат над историей: не меряются мерой деятельности успеха. Суть не в прагматизме, а в гуманизме — человекомерности, человеко-

¹⁶ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. М., 1992. С. 20.

66

причастности, вне и помимо которых — сомнения в величественности содеянного. Тем же Иваном IV, Петром I, Сталиным...

История не природна и не божественна. Она человеческа. В ней действуют законы неоднозначного выбора, проявления субъективного. Ток истории не предопределен, не олицетворяет прогрессивного воплощения какого-то идеала (консервативного, либерального, национального). Люди самочинно создают историю, создавая возможности продолжения или прекращения жизни. Возможности неравнодостоинные.

Проводимая нами линия состоит в подчеркивании предпочтительности жизнелюбивых возможностей. Скажем, французская революция, выступив с идеалами свободы, равенства, братства, оплатила их ценой непомерной. Стоило ли? Концептуально вопрос бессмыслен. Будучи невосприимчивым к человекомерной тематике, разум одинаково успешно аргументирует прямо противоположные позиции. Между тем вопрос

осмыслен экзистенциально. В случае отношения к истории как предприятию гуманитарному в расчет надлежит брать ценности жизне-утвердительные. С этого угла зрения человеческая социальность не создается гильотиной.

Неоднозначность деяний в истории предопределяет неоднозначность их оценок, при структурной, функциональной аберрации идеалов имеет место дисперсия квалификаций. Буржуазные ценности Февраля в России общественно перспективнее социалистических идеалов Октября. Но это задним числом. В исторической — всегда конкретной борьбе людей и условий — частенько побеждает нелучший, неперспективный путь. Побеждает потому, что варианты развития не задаются — они *создаются, прямо* порождаются интригой.

Для Троцкого Сталин не вождь, а мародер, узурпатор. Никакой необходимости действовать, как Сталин, с точки зрения Троцкого, нет. А по сути дела? То же раскулачивание, форсирование коллективизации, осоциалистичивание села — оправданы ли они в борьбе с многоукладным хозяйствованием? Проблему не удастся оценить однозначно. Одна правда — в плоскости принятия непосредственных решений. Другая правда — в плоскости очищенной от давления злобы дня опосредованной рефлексии.

Таким образом, есть креативная конъюнктура и есть действующий *в отношении нее* суд разума, суд времени — высший исторический суд. Последний упрочает убеждение неадекватности высокой восприимчивости деятельности к стихии зла: в конечном счете, в тенденции, в итоге, в принципе история благослов-

67

ляет технологии *in bonam partem*. Все прочее — суетливая утилитарность, имеющая, быть может, легкий, но всегда непрочный успех.

Нельзя быть более мудрым, чем твое поколение. Тем более поколения последующие. Тактически (оперативно) позволительно принять режим, замешанный на преступлении. Стратегически осуществлять сие непозволительно. Значительная правда в утверждении, что концентрация ненависти к ближним, гимнастика предательства, пристрастная игра на человеческих пороках создают жизненную и ценностную базу гуманитарного реванша. Всякое "великое" в количественном смысле, отмеченное чертами затратной борьбы, тираничности, деспотизма социальное обихо-жение получает в веках обязательное и всестороннее развенчание.

Политические вывихи исправляются в истории цивилизованной гуманитарностью, в основе которой "народов вольность и покой". Или в социологической транскрипции "свобода" и "закон", ориентирующие на мир, благополучие, созидание. Желанному сочетанию данных форм требуется наличие силы, мотивирующей поступки, мобилизующей волю как власти, так и народа.

Правонеорганизованный, игнорирующий интересы целого народ обречен. Беспощадно, зло, ненужно насилующая власть обречена также. Стихия, анархия, произвол, бросая вызов реальности, посрамляется жизнью.

Свобода — особое состояние власти и народа, обретающих призвание, самореализующихся через высокую цивилизованность существования. Разгласите право на бесчестие — побегут за вами (Достоевский). Побегут. Но кто и как? В случае народа — толпа. В случае власти — самовластие. И один и другой вариант цивилизованность, *сцепленные* с ней свободу, закон, исключают. Применительно к народу безбрежная, безотчетная вольность в качестве вырожденного финала имеет репрессивное усмирение.

К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь!

Применительно к власти, с некоторых пор поражающейся избытком собственного совершенства, упоение в присвоении лавров венцов удостоенных в качестве вырожденного финала имеет произвол.

Где благо, там уже на троне Иль самовластье, иль тиран.

68

Отвратить жалко бесстыдное в жизни позволяет органическая тяга "ко всякой

законченности формы" (Федотов) свободы и закона, преодолевающих нецивилизованную стихию.

Счастливое сочетание одного и другого не как внешних стяжек, а внутренней звукописи бытия обозначил искавший идеальное в жизни Фауст. Обозначил *в модели*. За переживаемое торжество когда-то еще воплотимого, но уже найденного достойного останова мгновения его и разит нечистая сила. В чем идеал? В *вещах вполне простых, однако великих* (в качественном смысле), связанных с самопроизвольным (не самочинным) вершением малых, медленных трудов.

Идеалисты — соль земли. Революции рождаются в мозгу монахов. Но и поэтов. В откровенных, чистых, ясных строках, единящих глубину и легкость, изящество мысли, выражено заветное*.

Так именно, вседневно, ежегодно Трудясь, борясь, опасностью шутя, Пускай живут муж, старец и дитя. Народ свободный на земле свободной.

Свободолюбивый строй человеколюбивого общества опровергает *неполеоновское* "прогресс выше гуманизма". В цивилизованном состоянии прогресс возможен лишь через гуманизм.

Эксперименты, поставленные историей, — предатели, изменники, несчастные, жертвы. Но даже они бросают вызов авторитету Ницше, полагающему: "К измельчению человека и к приданию ему большей гибкости в подчинении всякому правлению стремятся, видя в этом прогресс"¹⁷.

Верно, кривые ножи и рожи довольно часто правят миром. Но они никоим образом не исчерпывают его "значения". Люди выбирают разные пути в мире. Используя мысль М. Булгакова, можно сказать так: одни, спотыкаясь, карабкаются по дороге тщеславия, другие ползут по тропе унижительной лести, иные пробиваются по колею лицемерия и обмана. Советники зла, начальники неправды, колющие неблагородством своего облика, быстрыми шагами идут они навстречу гибели. Побеждают, находят убежище, а не странствие, получают признание идущие по крутой дороге рыцарства, презирающие земные блага, но не честь.

Нельзя быть заложником шкурных идей, нужно быть заложником высоких ценностей.

Ценность как "шаблон организованных предрасположений к действию" (Шибутани) проистекает из человекоподъемных

¹⁷ Ницше Ф. Полн. собр. соч. М, 1910. Т. IX. С. 80.

69

целей- Тайна происхождения ценностных "надмирных" форм в их опосредованности эмпирическими земными целями. Цели — сущности верифицируемые; претворяясь практически, гарантируя достижение оптимального, желательного, они приобретают статус общезначимых символов, потенциально корректирующих опыт вне локальных обстоятельств "здесь — теперь". Перекрытие непосредственных, сиюминутных добропорядочных действий в генерализации их целевой оснастки, превращающейся в схему обозначения типологичной деятельности. "Схема обозначения" и есть содержательный контур ценностной категории, вмещающей принятие ролей, обеспечивающей налаживание самоконтроля, минимизирующей преследование интересов с разумной уверенностью в себе и в конечном итоге влекущей гарантийный лад межсубъективной коммуникации с высокой согласованностью стимулов и взаимных реакций.

"Пройдет еще много лет, разыграется не одна война, стрясется не одна революция, — утверждает Дали, — прежде чем пюдн наконец поймут, что иерархию не выстроить без строгой «бу^{чки}». Что без жесткой матрицы не отлить форму, — такова высшая, причем крайне реакционная истина". Истина, что социальный мир крепится на значении добропорядочности коммуникации и фундирующих ее символических ценностно-целевых ареалов.

Над творимыми жизнью ценностями нет судей. Не являются цми обладающие

сугубой способностью порождать идеалы рычаги революции и искусства. Последние — данники нигилизма: отрицая позитивно практическое, "ищут выход из тупика в терроре"⁸. В чистом виде фанатик идеала — носитель нигилистической всеобщности — ужасен. Таков, скажем, гроссмановский Дбарчук, беспрестанно боровшийся за идеал, все отрицая. Его душевная сила, его вера были в праве суда: "Он усомнился в жене и расстался с ней. Он не поверил, что она воспитывает сына непоколебимым борцом, и он отказал сыну в своем имени. Он клеймил тех, кто колебался, презирал энтытиков и проявляющих слабость маловеров. Он предавал суду энтээровцев, тосковавших в Кузбассе по московским семьям. Он засудил сорок социально нечестных рабочих, подавшихся со стройки в деревни. Он отрекся от мешанина-отца. Сладко быть непоколебимым. Совершая суд, он утверждал свою внутреннюю силу, свой идеал, свою чистоту"⁹. Утверждая без всех и вне всех. А в итоге? Пустота. Круги по воде. Молчание вечного.

¹* Камю А. Указ. соч. С. 332.

70

Все горе и зло, "царящие на земле, все потоки пролитой крови, все бедствия, унижения, страдания, — уточняет Франк, — по меньшей мере на 99% суть результаты воли к осуществлению обра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла; тогда же как едва ли и одна сотая доля зла и бедствий обусловлена действием откровенно злой, непосредственно преступной и своекорыстной воли"²⁰.

Горе от стремления к добру?.. Отчего это? Прибегая к соображению Ницше, — от идеального фанатизма, упивающегося отрицанием. Идеальный фанатизм (в изобилии произрастающий на почве России) страшен своим отрицанием: зная отрицаемое так же хорошо, как самого себя, по той простой причине, что он вышел оттуда, там его дом, втайне он постоянно боится вернуться туда, хочет сделать возвращение туда невозможным для себя именно *способом* отрицания²¹.

Всеотрицающий идеальный фанатизм — опасная, подкапывающаяся под жизнь сила.

Может ли хорошая доктрина и честный дисциплинарный энтузиазм "организовать человечество"? Никогда. "Организовать" человечество нельзя; "организовать" *можно человека*. Правда, лучше, если делать это будет он сам.

Выделим мысль Дао Дэ Цина, говорящего: посредством нормального упорядочивают государство; посредством аномального применяют оружие; посредством отсутствия дел-ситуаций овладевают Поднебесной.

Коллективная жизнь регулируется правом. Индивидуальная жизнь — моралью. Универсализация морали — залог принуждения. Универсализация права — залог свободы. Каков мир, способный утолить жажду достоинства, свободы, полноты морального существования, неискоренимую в каждом человеческом сердце?²²

В вечности пребывают боги; в суетном — презренные; в свету — пророки, поводыри, герои; в покое — обретшие.

Каждому — по его вере и по его доле. Каков же идеальный удел в совокупных плодах победы?

Социальное моделирование обозначает два сценария идеального человеческого самообретения.

¹⁹ Гроссман В. Жизнь и судьба. Челябинск, 1990. С. 158-159.

²⁰ Франк С.Л. Соч. М., 1990. С. 128.

²¹ Ницше Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 150. "См.: Камю А. Указ. соч. С. 335.

7)

Один — ситуация полноты бытия (в отсутствие суеты сует), где днем можно гулять со своею подругой под начинающими зацветать вишнями; вечером — слушать музыку Шуберта; где всегда приятно писать при свечах, слушать беззвучие, наслаждаться тем, чего не дано в жизни — тишиной, покоем, умиротворением; где приходят те, кого

ждешь, любишь, кем интересуешься, кто не тревожит; где засыпаешь с улыбкой на губах, где рождается чудо, царит достаток²³. Исчерпывающее самообретение утопично, как утопична жизнь, представляющая нескончаемый "день радости и счастья" (Бунин).

Другой — ситуация активного самоутверждения: преодоления суда и гнета внутренним ростом, социально значимым творчеством. Возврат процветания подламывает революцию, создает почву для победы реакции — прокламируют в "Коммунистическом манифесте" Маркс и Энгельс. Рычаг преобразования мира — социальный кризис? С позиций перспектив выживания установка "чем хуже, тем лучше" — дикая. Моральная темнота, помноженная на социальную агрессию, всегда разрушала чувство исторического присутствия, плодила репрессирующие фантомы. В качестве масштабных противодействий последним развертывались мощнейшие общечеловеческие движения: сексуальная революция, авангард, постмодерн, которые правильно понимать как фундаментальные восстания против принуждения. Принуждения созидать культуру по тиражируемым канонам.

От чистого разума — к жизни; от принуждения — к свободе; от массы — к творческому лицу, — именно такова природа фазовых переходов, готовящих становящуюся цивилизацию. Цивилизацию, делающую сутью своих забот не формальные принципы и влекущие вырождение устои, а ту живую добродетель, что является непреходящей основой богоподобного человека.

4. Ценности экзистенции. В отличие от гносеологического модуса, где истина определяется через "соответствие" *adaequatio rei et intellectus*, в экзистенциальном модусе истина уточняется через "совпадение" *adaequans rei et intellectus*. Смысл данных вариаций в дифференцировке референтов истины. Истина *cogito* соотносится с нечеловекоразмерным бытием самим по себе, потому она несет независимое от субъекта объективное содержание. Истина *existenz* соотносится с человекоразмерным бытием для нас, потому она несет субъективно значащее содержание. Истина первого рода передает причастность к реальности. Истина

²³См.: Булгаков М. Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 655—656.

72

второго рода передает причастность к жизненной полноте. Присмотримся к этому различию внимательнее.

Будучи моментом целого, вне которого она — необоснованное предположение, субъективная достоверность, истина науки оправдывает себя перед мышлением. Истина жизни черпает оправдание не только в мысли, но и в чувстве и сверхчувстве; во многом она — продукт инстинкта, снабжающего предчувствием, что некое "определение" имеет своим основанием внутреннюю природу или род вещей. Истина науки — натуралистична; истина жизни — одухотворенна. Ценность научной истины в фундаментальности; ценность истины жизни в духоподъемности, экзистенциальной емкости, способности быть созвучной вопросам человеческого существования. Истины науки вневременны, подвдятся под типологию "всегда—везде"; истины жизни ситуационны, сцеплены с пропускаемыми через связку "здесь—теперь" контекстами индивидуальными. Истины науки демонстративны, опосредствованы обоснованием, их отстаивание не связано с героизмом (вспомним Гильберта, одобрявшего "вероотступничество" Галилея); истины жизни личностны, вытекают из убеждений опыта, зиждутся на подвижничестве, проповедничестве, миссионерстве. Их выявление, формирование, обнаружение осуществляется зачастую в обход и помимо отлитых в общепринятые исходно-чеканные формы воспроизводящих классических логико-понятийных фигур. Познание, оценка и творение истины здесь может воплощаться в духовное соитие, возникающее, к примеру, в предрасполагающих к преодолению барьеров непонимания актах — песнопениях, молитвах.

Традиционные операции вывода в вербально-категориальном плане при характеристике порождения и движения истин жизни в ряде обстоятельств не применимы.

Поэтому диапазон средств описания и выявления подобных истин должен быть расширен (в сторону признания необязательности связи интеллектуальных процедур с вербальными формами и логико-теоретическими структурами).

Уяснение того, что элементы мышления в жизни могут приобретать *любую* форму (*словесную, символическую, структурную, изобразительную, музыкальную и т.д.*), реализовывать содержание, далеко превосходящее пределы четких денотативных значений²⁴, вовсе не накладывает на исследование истин жизни печать беллетристичности; одновременно оно не приводит к сме-

²⁴См. также: *Шикорук В.И., Орлова Т.И.* Художественное мышление в системе видов мыслительной деятельности // Вопросы философии. 1984. № 3.

73

шению начал метафорическо-импрессионистических и концептуальных. Суть в том, что в контексте жизни бытие и выражающая его истина персонально одействованы, индивидуально прочувствованы; они не отчужденно безразличны, а личностно окрашены. Поскольку здесь именно тот казус, когда человек выступает мерой всех вещей, "существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют", постольку и рефлексия его (казуса) должна быть соответственной.

В модусе *cogito* также не удается избежать рефлексии реляции человека и бытия, однако там субъект-объектная аналитика обретает вид перспективной оценки условий проявлений, способов мыследеятельности, логики когнитивных связей на уровне трансцендентальных форм, т.е. в ракурсе "чистой" интеллектуальной техники. В модусе *existenz* же ментальные связи персонифицируются, абстракции бытия в себе, познания как такового обнаруживают полную неантропологичность, а значит, эфемерность.

Знания для Галилея — объективная ценность, не разрушаемая от персонального отречения. Знания для Бруно — жизненная линия, вследствие отказа от которой рушатся все событийные (не только онтологические, но и онтические — индивидуальные, социальные, гражданские) устои, вне наличия, соблюдения которых обесмысливается, обесценивается жизнь. Вопрос об истинах науки решает доказательство — Галилей и уповал на его силу в будущем. Вопрос об истинах жизни решает вначале личность (самоопределяющаяся: как быть в "здесь—теперь"), а затем сама жизнь (подтверждающая или опровергающая право тех или других истин на существование в культуре). Истины жизни не трансцендентальны, они выстраданы. Потому одна и та же истина, скажем, "жизнь сложна" — семантически разнокалиберна, она всегда другая в зависимости от глубины выражающего ее сознания: начинающего жизненный путь юноши или завершающего этот путь старика.

Истина науки адекватна, дескриптивно определена, безадресна, фиксирована в специальном терминологическом аппарате. Истина жизни может не характеризоваться адекватностью (в смысле *status rerum*), она может не быть и дескриптивно определенной (включать прескрипции), она адресна, фиксируется в именах собственных. Неадекватность, противоречие — приговор для науки и в то же время — стихия для жизни. И логика народно-эпической сферы с ее сказаниями, былинами, притчевым материалом, назиданиями, сплошь и рядом сотканными из "не-адекватностей" и "противоречий" ("сказка — ложь, да в ней

74

намек..."; "тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман" и т.д.), выполняющих очищающую, самопревозмогающую, самопреодолевающую функцию, — прекрасное тому свидетельство.

Осмысленное в пределах разумного обособление и разграничение истин *cogito* и *existenz* убеждает в двух вещах. Прежде всего в том, что познавательное отношение в человеческом существовании неисходно и не универсально. А затем в том, что жизненные цели, ценности, приоритеты — не компетенция теоретико-логического знания. Во избежание алогических самовыявлений, воинствующего безрассудства, чрезмерной

патетики в духе: "Мне все равно, что такое мир. Все, что я хочу знать, это — как в нем жить", обратим внимание на следующее.

Противопоставление человека в мире (*cogito*) миру человека (*existenz*) не радикально. Вследствие чего и герой Хемингуэя — автор вышеприведенного афоризма — на сказанном не останавливается, продолжая: "Пожалуй, если задуматься, как жить в мире, тем самым поймешь, каков мир". Заикливание в "моем мире" влечет дереализацию а) в тривиальных формах душевного расстройства, коими выступают модификации алло-, сомато- и аутопсихических нарушений (утрата жизненных опор, ощущение чуждости, измененности привычных структур, ситуаций, дефекты восприятия реальности, потеря чувства многообразия жизни, умения пребывать в мире, отождествление много и разнообразия — синдром "все на одно лицо", искажение пространственно-временной картины, замедление или ускорение хода течения событий, фотографический эффект — обездвиживание жизни, деактуализация каузальных связей, двухколейность переживаний, раздвоение "Я", ощущение наличия себя в реальном и некогда запечатленном мире и т.д.) и б) в изощренных формах (перехлестах следования и унаследования социальных ролей) — стереотипы, правила, традиции, образцы, комплексы индивидуального и группового поведения (факторы сублимации, выделенные тем же Фроммом: мазохизм — уход в иное; садизм — уход в себя; деструктивизм — уход в борьбу; конформизм — уход в толпу; любовь — узкий взгляд на вещи, уход в свое иное). Предотвращение индивидуальной и групповой патологии — в состыковке "моего" и "самого по себе" мира, предзадоженной в адаптации.

Это одна сторона дела. Другая определена специфическими особенностями переживаемого момента.

Нестандартность ситуации, связанная с определяющим ростом теории относительно практики, инструментальностью сущего, культивируемостью среды обитания человека, отсутствием

75

заведомого знания о потенциальном поведении объекта преобразования, ответственностью задачи вписывать в алгебру деятельности гармонию мира, актуализирует серьезную проблему самоконтроля, саморегуляции науки — проблему, неведомую эпохам прошлого. Как утверждалось, решению ее способствует интенсификация ценностного сознания, которое, приобщая к прошедшему испытание в опыте творения жизни, избавляет от давления конъюнктуры, ориентирует на высокое.

В совокупности содержательных императивов, предписаний ценностное сознание выступает определенной эвристикой, представляет регулятивную схему известного типа деятельности, какой она должна быть на практике. Применительно к вопросам науки основные пункты этой схемы — идеи потребного знания в его внутренних и внешних проявлениях-ипостасях — состоят в следующем.

А. Так как реальность задается науке под углом зрения ее утилизации, не как реальность "в себе", а как реальность "для нас", с позиций созидания и эксплуатации, традиционная ценность познания — истина — высвечивается в плоскости практического измерения: она понимается как средство использования "пусковых механизмов" природы для выполнения преобразовательных проектов.

Расширение естественного цикла науки, вызванное взаимопроникновением, сращиванием чистых и прикладных исследований, делает оправданными два тезиса: а) производство знания ради знания безотносительно к перспективе его последующей материализации не является "сверхзадачей"; б) подлинным предметом науки выступает бытие, взятое в модусе не наличного, а принципиально возможного. В связи с этим небезынтересна формула А. Кларка: "Если что-либо теоретически возможно, т.е. не противоречит фундаментальным законам, рано или поздно будет осуществлено".

Формула эта, выведенная из обобщения опыта классической науки, требует коррекции для науки постклассической. Принимая во внимание, что последняя — это

комплексный тип деятельности, требующий значительных вложений, материальных и духовных затрат, тезис Кларка, фиксирующий некую абстрактную веру во всемогущество научно-технического прогресса, уточняется так: "Если что-либо теоретически возможно... будет осуществлено", если будет продиктовано общественной целесообразностью²⁵.

²⁵См.: Феоктистов К., Бубнов И. В ближнем и дальнем космосе // Новый мир. 1979. № 8.

76

Б. Последовательный учет и проведение всечеловеческих интересов в познании и практике устраняет предпосылки разрыва науки и морали. Если раньше в выработке и принятии решений господствовала вседозволенность, то в современности (и далее) положение существенно иное. В структуре нового планетарного сознания проходят лишь гуманитарно оправданные возможности.

Проблема гуманитарного контроля деятельности — порождение постклассической эпохи — была не известна ни античной, ни классической культурам. Для античных мыслителей, исходивших из единства истины и блага, когнитивного и нормативного планов человеческой жизнедеятельности, взаимопроницаемость познавательного и этико-гуманистического была разумеющейся. Вероятно, по этой причине знание, отделенное от добродетели, Платон вообще не удостоивал титула науки, уподобляя его плутовству.

Однако дело обстоит сложнее. Практика выявила отсутствие предустановленного консенсуса истины и блага, знания и его потенциального использования в социальном опыте.

Жизнь показала несостоятельность античного наивного этико-гуманистического обоснования деятельности: несовершенство — от незнания, а совершенство — спутник знания. Вопреки этому оказалось: несовершенство, дисгармония — зачастую порождения сознательной деятельности — находят опору в знании.

В эпоху классической культуры, когда задачей ученого было понять и объяснить, но не практически преобразовать, изменить действительность, наука не могла не быть гуманитарно нейтральной к своим результатам. Апофеозом идеологического отражения и выражения этого являлась доктрина науки, разработанная представителями классической немецкой философии, которые на закате классической культуры, логически подытоживая ее духовные умонастроения и интенции, расценивали науку как сферу деятельности не скованного чем-либо в своих притязаниях, в полной мере асоциального, "чистого" разума.

Нельзя не видеть, что провозглашение "чистоты" разума (науки), в конечном счете было равносильно провозглашению произвольности его использования, так как предоставляло возможность "восстановления" и последовательного оправдания в его пределах не только наличной, но фактически потенциально любой эмпирии, что означало проведение социально опасной линии "некритического позитивизма".

Это наукоучение, надо сказать, недолго пережило своих авторов. Набирающий темпы НТП с узакониваемым им технократическим, инструментально-манипуляторским типом отношения

77

к действительности обуславливал практику бесконтрольного, хищнического применения науки, что, во-первых, развеивало миф о ее "нейтральности", "чистоте", а во-вторых, актуализировало задачу ее повсеместной и всесторонней регуляции в соответствии с широко понятыми гуманитарными идеалами.

В ситуации, когда познание неотделимо от своих применений, когда оно является инструментом разрешения общечеловеческих проблем, когда отдается ясный отчет, что деятельность ученого не осуществляется безотносительно к учету последствий, которые могут вызвать ее плоды, когда очевидно, что в сфере знания в гораздо большей мере, чем в любой другой сфере, должна достигаться соразмерность между поиском и реалиями жизни, — познание не в состоянии быть гуманитарно нейтральным к своим проявлениям,

результатам. Отсюда — разрушение конфронтации науки и морали и сознательная гуманизация познания, или признание приоритетного характера для него общечеловеческих ценностей, идеалов.

В. Важнейшим регулятивом постклассической науки выступает рациональность. Классическое истолкование рациональности как изощенного расчета средств для реализации цели неприемлемо. Неприемлемо в силу отсутствия экспертизы исходной состоятельности ставящихся целей и обслуживающих их средств. Совершенно ясно, что основанная на расчете, а потому "рациональная" в каких-то узких границах деятельность может быть нерациональной по существу — с позиций учета вселенских человеческих ценностей. Таковы, скажем, апартеид, геноцид, терро-цид, экоцид, омницид, которые "рациональны", как ни кощунственно это звучит, будучи построены на "изоощренном расчете", но нерациональны в принципе.

Если быть строгим, надо признать: вопрос о рациональности и нерациональности деятельности не получает окончательного или исчерпывающего решения в теории. Это сугубо практический вопрос, ибо высшим критерием рациональности выступает практика, совокупное общечеловеческое производство, труд, удостоверяющий разумно-целесообразное, сбалансированное с обстоятельствами, критически выверенное, обоснованное, т.е. рациональное, качество человеческой деятельности, ее продуктов и результатов. Руководствуясь этим, а равно и тем, что как характеристика рациональное уточняется лишь в ходе анализа деятельности на ее соответствие фундаментальным законам природы и перспективам гуманитарного развития, можно строить оперативные модели рациональности.

78

В старых добрых классических моделях рациональность вводится через понятие методической, оптимальной, эффективной деятельности на основе исторически задаваемых стандартов — образцов достижения реалистических целей. Здесь центрируются ситуационные параметры деятельности: согласованность с условиями, всесторонний учет и расчет условий, отчет о последствиях деятельности в условиях. В моделях неклассических рациональность вводится в гораздо более широком контексте, связываясь с понятием систематичной деятельности, удовлетворяющей социогенетически опробованным принципам по достижению вписывающихся в линии общечеловеческого развития целей. Здесь фокусируются общезначимые, безусловные, глобальные параметры деятельности — такие, как гуманитарная оправданность, моральная состоятельность и т.п.

Уже с нашего века обоснованными можно считать лишь модели второго типа, зиждущиеся на понимании чрезвычайности и полномочности миссии человечества, — этой высшей по уровню развития сферы мироздания, которая, оставаясь один на один с миром, ответственна за его существование.

Г. Критицизм. Данный регулятив обогащает содержательное оснащение деятельности элементом здорового релятивизма, *нацеленного* против догматизма, авторитарности. Критицизм есть проводимый на ниве сознания демократизм, реализуемый как установка на непрестанное испытание, экспертизу на состоятельность, предполагающую выбраковку фрагментов человеческой деятельности. Отсутствие критики порождает беспочвенность, разрушает возможность находить и отстаивать некий курс с позиций рациональных достаточных оснований, индуцирует фетишизм, субъективизм, волюнтаризм и т.п. В свете сказанного понятно, почему гарантирующий наилучшую обоснованность, исключаящий беспринципность критицизм является спутником неклассического сознания. "Сколько погибло цивилизаций, потому что в свое время не было хороших критиков", — некогда замечал Чехов. Уже в наши дни роскошь некритичности непозволительна: слишком велика ставка, фатален, предопределен исход, к которому поведет ущемление, деформация критицизма.

Д. Плюрализм. В наше время предельной мобилизации разума и здравого смысла,

когда утрачивают силу формулы классического, локального мышления и среди них — технико-технологическая самоуверенность, автаркизм, вседозволенность, человечество не может не реализовать свой жизнеутверждающий вселенский шанс, дабы избавиться от кошмара "самое страшное — будущее". И здесь в соответствии с установками ответственности,

79

всесторонности, терпимости новая ценностная философия ориентирует на переход к многополярной, полилоговой системе мира.

Стимулируемый этой философией идейный плюрализм не анархическая стихия, не произвольная игра мыслительных сил. Это — механизм разработки и воплощения оптимальных решений, отражающий исторически и фактически сложившуюся дифференцированность научного и политического сообщества, наличие разных интересов. Уважение к оппоненту, отказ от идеологической чванливости, монополии на истину, стремление понять инакомыслящего, гносеологически желательный оправданный релятивизм, здоровое сомнение в собственной непогрешимости, готовность к корректировке позиции в конечном счете и формирует то, что отличает подход постклассика. Ибо быть постклассиком и не быть готовым к положительному самоизменению, к консенсусу невозможно.

Е. По мере развертывания НТП, социогеокосмизации практике-преобразовательной деятельности человек берет на себя обязательства обеспечить предпосылки развития не только общества, но и природы; он становится ответственным за их гармоническое сосуществование, коэволюцию.

Логика решения данной проблемы — проблемы компетентности человечества, его знаний, моральных, нравственных устоев, его рациональной и гуманистической миссии — требует капитальных ценностных переориентации, связанных как с отказом от принципов неолитического мировидения с конституируемой им тактикой своекорыстного отношения к природе, так и с принятием нового мировидения на основе и посредством учета эко-ценностей, в которые вводится этический принцип уважения к природному как таковому.

Существо этой нестандартной эвристики можно охарактеризовать следующими четырьмя свойствами:

1. Знание должно ориентировать на функции задания эко-гармонии, сбалансированного управления и контроля процессом созидания и преобразования человеком действительности.

2. Объект не должен противопоставляться субъекту в познавательной ситуации, которая реализуется как слагаемое исследовательских, проектировочных и технико-производственных векторов деятельности.

3. Прогностически-регулятивные, экспертные функции науки должны превалировать над аналитико-объяснительными.

4. Традиционные виды логической организации и систематизации знания, коими в настоящем выступают традиционные тео-

80

рии, должны уступить место неким ассоциативным концептуальным формам, включающим, как сказали бы сейчас, значительные фрагменты картины мира и соответствующим комплексному целостно-организмическому типу рефлексии.

Все эти свойства самодостаточны, однако основным является первое из них. Действительно, можно ли говорить об ответственном и высоком призвании и предназначении человечества, если его деятельность не будет согласована с предписаниями экологического императива: любая перестройка природных условий должна быть настолько продуманной, чтобы в результате воздействия человека на окружающую среду не подорвать условий жизни и выживания человечества.

Обозначенные и созвучные им требования образуют в совокупности

эвристический потенциал истин модуса *existenz*, который, начиная с современности, осознается как важнейший модус бытия истины, регулирующий миротворчество и миросо-зидание. "Не вокруг тех, кто измышляет новый шум, а вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир", — утверждал Ницше и был глубоко прав. Ценность как нарочитая (идеологическая) практически-духовная форма запечатления действительности через призму корпоративных интересов себя исчерпала. Но вообще без ценности, без жизненной правды, требующей стойкости, которой, привлекая мысль Пришвина, надо держаться, за которую надо стоять, висеть *на* кресте, — без такой правды нельзя. Нельзя, так как ни наука, ни знание (истина *cogito*) ни в коей мере не воплощают и не олицетворяют высшее, конечное предназначение человечества; они нейтральны, безучастны к решению "последних", коренных проблем бытия, связанных с самостоянием человека, осуществлением его призвания, автономного чувства жизни.

Следовательно, должны быть пласты сознания — с включенным в них развернутым понятием наиважнейшего — тех фундаментальных ценностей, идеалов существования, которые целе-ориентируют, регулируют, мотивируют жизнь на уровне высокого. Подобные когнитивные пласты, собственно, и сосредоточиваются в истинах *existenz*. Возможно выделить как минимум три признака, которые достаточно рельефно описывают их теоретико-познавательную природу в современности.

1. Истины *existenz* в наши дни имеют тенденцию реализовываться как общечеловеческий, планетарный, вселенский феномен с обязательной атрофией групповых, классовых, кружковых привязанностей. Они поэтому не партикулярны, а универсальны, и не в деталях, малозначащих, побочных своих проявлени-

XI

ях, а по существу. В самом деле есть нечто, что в настоящий момент задевает все и всякие интересы, интегрирует устремления бедных и богатых, белых и цветных, верующих и атеистов. И это суть ответственность за поддержание жизни, выживание рода, создание предпосылок дальнейшего вершения истории.

2. Истины *existenz* не довольствуются ролью заштатных единиц знания, рядоположных с другими, а обособливаются из их ряда в качестве духовного базиса, над которым надстраивается все остальное. Сонм этих истин — система этико-гуманистических абсолютов, констант человеческого существования, намечающих идеальную сетку координат, куда вписываются известные проявления культуры (в том числе истины *cogito*).

3. Истины *cogito* могут обслуживать цели, но не могут жестко к ним привязываться. С целью (через технологию) в естественно-научной сфере координируется техника. С целью (через социальные программы) в социальной сфере координируется политика. Преследование целей апеллирует к знанию, но в фокусе внимания удерживает ценность. Мировые линии одного и другого не синхронизированы. Знание добывает истину, оно дескриптивно; ценность стоит на оценке, на жизненной правде, она прескриптивна. Продукт знания — истина *cogito* — трансцендентален; продукт ценности — оценка, жизненная правда — экзистенциален. Логического перехода, моста от знания, истины *cogito* (понимания того, что есть в мире сущем) к ценности, оценке (пониманию того, что надлежит быть в мире должном) не существует. Последнее составляет пафос принципа Юма, утверждающего невозможность скачка от "есть" (фактические утверждения) к "должен" (императивы). (Обратное возможно, а подчас и желательно, если только императивы — не утопии.) Однако ситуация меняется в случае истин *existenz*, стимулирующих скачок от безличной фиксации объективного обстоятельства дел к образу (и его воплощению) бытия потребного.

Истины *existenz* — средоточие гуманистического сознания, — конечно, не поставщики верных ответов на все случаи жизни; они — некая руководящая схема выработки адекватной и притом вполне конкретной позиции. Речь идет о высокой идейной и практической культуре, вызревающей из обобщения опыта исторического

созидания, который благоволит лишь тем линиям персонального и социального утверждения, где опора на Истину сочетается с опорой на Ответственность, Культуру, Совершенство.

Вопрошает Хайдеггер: "Почему вообще есть сущее, а не наоборот, ничто?" Наш ответ: потому, что есть укорененные в нас выражающие глубокую рациональную подпочву жизни структуры

82

здорового смысла и практически-обыденного опыта. Намечая фундаментальную канву "во имя чего всё", здоровый смысл и обыденность означивают существование с позиций экзистенциальных констант, гуманитарных абсолютов — "жизнь", "поддержание, продление жизни", "персональное, групповое выживание".

Ценность сущего — из упорства самосохранения, предопределяющего основательность, солидность каждодневных поведенческих актов. По-видимости, повседневность — прозаизм, рутина, унылая утилитарность — то, что Хейзинга называл непраздничным, "серьезным", сфера нехудожественных воплощений, немонументальности. При сущностном же подходе повседневность — стихия вершения наиболее монументальных "медленных" трудов. Здесь человек, отрешаясь от "раздражительной тяги к высшим интересам" (Ап. Григорьев), "суетливого беспокойства о вечном" (Шпет), одновременно снимая с себя ролевые, частичные, ангажированные функции, оказывается самим собой. Подлинным.

Повседневность исключает искусственность, условность социально зависимого бытия. Все помыслы, заботы тут обращены на прочное и безусловное — непреходящее мирское поддержание существования. Неухищренность, непредвзятость тактики пролонгирования жизни встраивает в линии оптимумов органической и общественно-исторической эволюции, составляет первую и последнюю заземленную основу экзистенциальной рациональности, делающей оправданным и осмысленным противопоставление *Homo sapiens* *Homo credens*.

Истина науки системоцентрична, в то время как истина обыденности эпизодцентрична. Суть в том, что в отсутствие специализированных рефлексивных механизмов установления истины действует недемонстративная схематика ее (истины) удостоверения. В основе этой схематики — единство выражаемого и выражающего. Истина в экзистенции "не то, что ты знаешь, а *то, что ты есть*" (Кьеркегор), где это "есть" проявляется эпизодично на стыке силовых "ситуация", "смысл", "эмоция".

В науке оправдание истины производится *опосредованно*, в экзистенции же непосредственно: моменты, действия и их оценки не разделены в пространстве и времени, они слиты, даны целостно. В той* мере, в какой экзистенциальные *полагания* синхронизируются с когитальными (через паралингвистические эффекты, инструментовку речи, ассонансы и т.д., достигающие унитарности содержания актов действия, их смысла, *его переживания*, восприятия), частота собственных колебаний "моего

83

бытия в ситуации" совпадает с частотой колебаний внешнего наблюдателя, возникают эффекты адекватных само- и взаимо-ощущений, само- и взаимопониманий. В той мере, в какой синхронизация этих параметров нарушается или становится невозможной (результат дезориентации), возникают эффекты неадекватных само- и взаимоощущений, само- и взаимопониманий. Вообще говоря, полное само- и взаимопонимание — большая редкость, оно — Благодать, к которой всегда нужно быть готовым, но которую никогда и никак не удастся получить как нечто гарантированное²⁶.

В результате обобщим: мышлению в экзистенции присущи особенности.

1. С точки зрения предметных оснований оно конкретно. Это значит — ситуативно, диффузно, контекстуально концентрируется на случайностях, деталях; эмоционально окрашено, не отчленено от переживательных реакций; сопоставительно, ассоциативно. Отсюда — пластичность слов, аморфность понятий, прораствание их друг в

друга, отсутствие жестких сцепок между выразительными и концептуальными ресурсами (наличие синонимических рядов, дающих нюансировку, изобилие остенси-вов).

2. Логика здесь, скорее, не органон, а риторика, топики, завязанная на естественное общение. В науке в качестве преимущественной когнитальной ценности превозносится "истина". В экзистенции мы имеем дело с едва оконтуренной шкалой, "где правда и неправда — крайние точки, между которыми находится много промежуточных"²⁷. Это именно та сфера, где обнаруживается справедливость идеи Остина о том, что характеристика "истинно" одна из квалификаций в их потенциальном множестве (наряду с "успешностью", "полезностью", "надежностью", "интересностью" и т.д.). Наука выделяет *status rerum*, строится как корпус субстантивов, констативов. Экзистенция выделяет *status humani*, строится как корпус контекстуалов, перформативов. В экзистенции нет жесткой дихотомии "истина—ложь"; достаточным основанием признания *чего-то* истинным служит не демонстрация, а позитивная аксиологизация. К примеру, Флоренский высказывается о ценности возможного письма Игнатия Богоносца Деве Марии: «Говорят, что "быть может", эта переписка апокрифична. Я не спорю, но ведь только "может быть".

²⁶См.: Бубер М. Я и Ты. М., 1993.

² Санников В. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 54.

84

i

А, может быть, и обратное. Ведь остается "а если", которое бесконечно умножает вес "может быть". Прошу, вникни сколько-нибудь в то чувство, которое делает для меня это письмо, если даже оно и впрямь малодостоверно, бесконечно дорогим"²⁸. Правда легенды в экзистенции теснит правду истории: важен не истинностный дискурс, а ценностная презумптивность, не протоколы, а полнота переживаний, духоподъемность.

3. Нечеткость, неотчетливость понятий и их истинностных значений в экзистенции — то, что нужно. Не случайно в поздний период творчества Витгенштейн ослабил свою довольно жесткую линию логической атомизации мира, приняв модель "дверных петель". Есть строгая наука с формализуемой истиной, а есть экзистенция с ценностной наполненностью. И, разумеется, прав Розанов, помещающий экзистенциальную истину в глубь полифонии и рекомендующий иметь на предмет 1000 точек зрения.

4. Стремясь к истинностным значениям, научное знание разрушает мифы. Наука и мифология несовместимы. Но с мифом совместима жизнь, которая не чурается воздушных замков. Научные истинностные значения не обслуживают всего многообразия потребностей существования: зачастую требуется знание не истины (вспомним бальзаковскую "Человеческую комедию"), а ответов на судьбоносные вопросы: как? почему? зачем? Тематизация их, однозначностью, алгоритмичностью не отличающаяся, связана с практическим нащупыванием частных решений. Подчеркиваем: именно нащупыванием и именно частных. Решений индивидуально значимых. В этом открытость, свобода и жизнь мира, ибо в противном случае, «если бы мир был "необходимым", он был безусловно замкнут, был бы насквозь predetermined, был бы миром смерти»²⁹.

5. **Ценности PR.** Сверхзадача PR как средства коммуникативного — налаживание контактов организаций с общественностью, создание атмосферы доверия, достижение взаимопонимания на базе информирования людей о природе наличных обстоятельств, сущности происходящего. В триаде "цель — средство — результат" PR занимают срединное положение: выступая технологией заявления, проведения интересов, они связывают субъекта-актора с субъектом-акцептором с позиций оптимизации каналов общения, предотвращения конфликтов, выработки консенсуса.

³ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. С. 362. Флоровский Г. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 94.

Единоречивые суждения специалистов PR нацелены на, казалось бы, адекватное освещение текущих процессов во всем многообразии событий, взятых как целое в их внутреннем единстве. Здравый смысл, практический опыт, однако, заставляют сомневаться в справедливости сказанного. Самый страшный черт — молящийся Богу; тонкая, смутная тревога наполняет предчувствием: исходная точка зрения на PR сомнительна, — мир приговаривает нас к позиции на сей счет вполне критической. Тревожность проблематизации исходного соразмерна ее реальным причинам: сплошь да рядом, прибегая к эвфемизмам, вместо "потоп" нам говорят "прибой".

Мы видим то, что знаем. Поставляя же знание того, чего нет, PR внушают обратное. Скажем: анонсируется выполнение высоких директив по северному завозу, готовности служб ЖКХ к отопительному сезону, целевому расходованию средств в восстановлении пострадавших от стихии районов... при фактическом срыве мероприятий.

Из рычага содействия формированию взаимоуважения, социальной ответственности, гармонизации обмена деятельностью PR превращаются в прямо противоположное: ничтожное и ненужное — некритическое лоббирование, эгоистическое промоу-терство, тривиальное втирание очков, облапошивание, своекорыстную раскрутку, сомнительную промульгацию, саморекламу, направление порыва в нужное русло, тиражирование адептов.

Итак, понятия меняют смысл в зависимости от субъективного горизонта. Воспользуемся этим замечанием, дабы рассмотреть общий вопрос причин возможности ортогональной инфер-нальности PR деятельности в любой перспективе. Уяснению существа дела, коим выступает преодоление издержек публичности, способствует реконструкция неоговоренных презумпций, пробивание к первоисточному.

Опорные точки многофигурной PR композиции при ее идейной схематизации образуют

— общественность

— интересы организаций. Присмотримся к ним пристальнее. "Общественность" имеет редакции: "человек-профессионал"

и "человек массы". Миропредставление первого — специалиста в своем деле — устойчиво, неколебимо, влияниям PR не подвластно. Миропредставление второго — дилетанта, напротив, изменчиво, колебимо; оказывается вожделием appetitов PR. Смакросоци-ологической точки зрения масса — диффузное множество, человеческий конгломерат, лишенный социально органических при-

знаков. Специфические черты "массы" — атрофия личностного, отсутствие индивидуального, несамостоятельность мысли, воли, действия, свернутость рефлексивного потенциала, низость морали, неимение собственного "жизненного проекта", серость, внушаемость, повседневность, некритичность, духовная зависимость, нивелированность, унифицированность. Бытие массы — некорпоративная, неустойчивая форма *социального* бытия ато-мизированных, безликих, неадаптированных к высокой культуре индивидов. Человек массы лишен четкой социальной идентификации, а потому определяем через систему отрицательных свойств; относительно доминирующих (референтных) групп он — маргинал; относительно групп происхождения он — отступник.

В массы (стаи) сбиваются социальные изгои, всегда и во все времена являющиеся предметом манипулирования, подведения под конъюнктурные авторитарно-патерналистские ценности.

В ламинарные фазы массы пассивны, в турбулентные фазы общественной жизни они неуравновешенны, агрессивны. Степень активности масс обусловлена мерой поддержки или сопротивления людям, "наделенным личностной жизнью и инициативой"³⁰. В современном мире с его массовой культурой, массовым сознанием, изощренными технологиями "промывки мозгов", общественного рекрутирования,

творения кумиров, производства адептов бесконечно возросла способность человека "быть дрессируемым" (Ницше). Культивация стадных, даже весьма интеллигентных, похожих на человека животных, придающая им большую гибкость в подчинении всякому управлению, повлекла всемерное измельчание человека. Понимание этого дает исчерпывающий ответ на крайне острый вопрос: почему наша культура стала "именно такой, какой сегодня является, культурой, исполненной послушания, рациональных форм господства, полезности и расчета?" (Фуко), — наша культура стала такой вследствие тотального восстания масс; масса стала присутствующим повсеместно способом быть человеком.

Масса максимизирует обывательно-мещанское, заурядно-типовое, стандартизированно-низкое, противостоит и противопоставляется всему исключительному, оригинальному, идеальному, воплощенному в началах Истины, Добра, Красоты, Пользы. В массе нет одухотворенного, морально сосредоточенного, концентрированного на возвышенном. Отменяя миг бесконечной совершенности творческого, масса собирается, дабы явить ничтожество жизнерасстраивающего, анонимного, абсурдного,

³⁰ *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М, 1991. С. 4.

87

хаотического. Момент вхождения в массу означает расчеловечение человека. Воистину это тот случай, который демонстрирует справедливость слов Сартра: человек есть то, что он есть, однако и нечто иное, — человек есть то, что он не есть.

Разлад с собой, миром, сопровождаемый потерей веры, надежды, утратой развитого вкуса, венчается обретением зависимости, притуплением базовых гуманитарных потребностей в достойном общении, самоуважении, самовозвышении.

С количественной точки зрения масса — агрегат неразличимых индивидов — представляет не социальную, не расовую, не национальную, не профессиональную, не поколенческую, а психо-логическо-поведенческую общность, формирующуюся случайно. Она есть спонтанно образующееся скопление людей, проявляющее относительное единство действий вследствие высокой внушаемости, умножающей энергию малорациональных, неподконтрольных солидарных усилий. С качественной точки зрения масса — инструмент деиндивидуализации индивида посредством безмерного сужения горизонта персональности, сообщения наклонности стихийно подражать, безотчетно подчиняться внешним силам.

Именно подобные силы олицетворяют PR, препятствующие выходу из массы, который протекает как мучительное преодоление немой пассивности в отношении давления тех прочных, устойчивых влияний целого, где ночь властвует безраздельно.

"Интересы организаций". Оседлав "восстание масс", PR специализируются на целерациональном создании благоприятных субъектам-актерам имиджей. Зачастую сугубо и вопреки характеру ситуации, действительной результирующей сил, положительным нуждам субъектов-акцепторов. Что это такое? Говоря односложно: макиавеллизм.

Макиавеллизм как социальный феномен более сложен, чем обычно представляется. Здесь не узколобая пропаганда насилия, аморализма, а некий пуризм в отношении практически-духовных форм деятельности. Для уточнения мысли напомним: автор "Государя" настоятельно рекомендует — при совершении выгодных, но неблагоприятных поступков правитель должен мимикрировать, — всячески скрывая аморальное, изображать воплощение добродетельного: государю "нет необходимости обладать ... добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими... Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямотушие, человечность... благочестие", особенно последнее³¹.

³¹ *Макиавелли И.* Избр. соч. М., 19Н2. С. 352.

SS

*

Следовательно, симуляция. Нацеленная не на отрицание нравственности, а на утверждение автономии политики: она первостепенна, определяюща, не подчинена ничему; *все* иное (мораль, религия, право), напротив, ее обслуживает. Перед нами идеология "чистой" политики: последовательно, полно, прямолинейно проведенный политизм.

В линии на эмансипацию и далее узурпацию одной формой практически-духовного опыта иных чего-то исключительного не обнаруживается. Соответствующий ход применительно к экономике (производство ради производства) влечет экономизм; искусству (искусство ради искусства) — эстетизм; науке (знание ради знания) — сциентизм и т.д. Открытие Макиавелли заключается в фиксации тенденции освобождения политики от контроля со стороны прочих проявлений человечности (практической гуманности). Таким образом, обладать "добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающими ими — полезно". В подобном двурушничестве и заключается расхоже толкуемый макиавеллизм. Не причастны ли к нему ориентированные на то же самое технологии PR, милостиво, искренне, благочестиво проводящие непотребное?

Предел беспринципности. Все дело в нем!

Порок наличных PR — универсализация частного, выставление партикулярного, локального всеобщим, глобальным. Апелляция к "человеку массы" и "корпоративному интересу" — бич института PR, дающему начало игровым формам жизни, обслуживающему совокупный эффект неподлинного.

Демпфирование пороков состоит в:

— плоскость "общественность" — адресация к статусным общностям: публике, социальным кругам, нейтрализующим специфические атрибуты массы (толпы) — такие, как неистовость, стихийность, подсознательность, экспрессивность, спонтанность, конформность, и акцентирующим эмоциональную уравновешенность, кооперативность, причастность;

— плоскость "интересы организаций" — запрет, ограничение, связывание активно эксплуатируемых пропагандой, рекламой суггестивных методов влияния на аудиторию с навязыванием жизненных стандартов, стереотипов, правил, заданием всевозможных "мозговых Клише", включением эмоциональных апелляций, разрывов в достоверности, психопрограммирования, мани-пулятивного воздействия, создания имиджей.

Всему этому, разумеется, служат: надлежащая, оправданная экспертиза, цензура, комиссии по этике, антимонопольное законодательство, механизмы правовой, гуманитарной защиты.

89

6. Ценности церкви. Церковь в наш век играет роль не столько посредника между человеком и Богом, влияя на характер веры, сколько претендует на нормативный анализ реальности, дает пастве учительское общесоциальное наставление. Непредвзятая оценка реалий позволяет признать: будучи необновленной конфессией православие (как, впрочем, ислам) слишком традиционно, дабы располагать адекватной идейной основой общественного прогресса. Характерно, что социальная модернизация неизбежно определяется отходом от традиции. Так, стержень реформации Турции, инициированной кемализмом, составляла замена "правоверного" "гражданином". Соответствующим рычагом трансформации Малайзии выступила метафора "путь к Аллаху", раскрепощающая инициативу, предприимчивость, угасающим перед каноническим трансцендентным "Аллой".

В православии робкие попытки адаптации веры к новым условиям существования в относительно недавнее время успехом не увенчались. Опыты главы обновленцев Введенского, ратовавшего за "живую церковь", не привились. После развенчания Тихона православие молчаливо сотрудничало с властью на оппортунистических началах, не

выступая ни народным заступником, ни народным руководителем.

Почему так? Потому что не озабочивалось выработкой всеохватной концепции общественного служения церкви на благо живущего в мире человека. Не являются прорывом принятые августовским 2000 г. Архиерейским собором "Основы социальной концепции **РПЦ**".

Суть в том, что

1. **РПЦ** не имеет доктрины ответственности верующего перед обществом, не имеет модели мирской этики;

2. По статусу социальное учение церкви должно быть универсально-деонтологическим, что вовсе не так, учитывая, что церковно-православные истины рассчитаны не на всю полноту общества, не на граждан, а на ортодоксальных восточных христиан.

Отсюда, как представляется, вклад благочестия должен состоять в обозначении перспектив, характеристике постсовременности, грядущего. РПЦ не успела дать ответ на вызов модерна в начале XX в. (как сделали католики Окружным посланием Льва XIII "Рерум Новарум"), на вызов постмодерна в начале XXI в. (как сделали католики энцикликой Иоанна Павла II "Центесимус Аннус"), демонстрируя, что она "не от мира сего". Между тем, дабы стать, как того требует Евангелие, одновременно "солью земли", "светом мира", церкви нужен план плодотворной общественной реконструкции на пути активизации спасительной мис-

90

сии, попечения о человеке. Поворот к человеку зиждется и на соработничестве, и печаловании, но и на доктринации судьбоносных тем благополучия общества, достоинства его членов.

Разумеется, гуманитарное обновление церкви — задача объемная, не скоро решаемая, о чем свидетельствует дефицит компромиссов в подготовке Собора по обозначению общеправославной трактовки фундаментальных проблем современности. В отсутствии учительского наставления, адаптирующего к текущему времени все богатство православных идей, уместно выявить отягощения, препятствующие применению православного вероучения в работе и в миру.

1. Провалы в антропологии: трансцендентность ценностей, отсутствие тематизации сюжетов свободы, достоинства индивида; неотмирная природа идеалов — святость как религиозный идеал не есть идеал социальный; неразвитость мирской этики, подмененной этикой монашеской.

2. Коммерциализация церкви, сребролюбие клира, молящегося и Господу и Маммоне. По данным А.С. Куликова, цер-

ковь утаила от казны 400 млн долл. за беспошлинный ввоз "неровного" вина (коньяк, водка, питьевой спирт и т.д.)³². Алчность иных представителей духовенства осуждает Алексей II, отмечающий: "...у пастырей возникает опасность остаться одиноки-ми среди великолепных стен и оград"³³.

3. Правонезащищенность верующих перед лицом возможного произвола церковников: церковные институты закрыты для общественности; интересы прихожан, взаимодействующих с духовенством, никак не регистрируются статьями права. Беззащитность паствы как миросостояния в особенности обнажилась в свете разоблачения порочной педофилии в монашеской среде. "Преодоление греховных влечений человека становится ...одной из самых важных задач духовного воспитания"³⁴, — назидает Алексей II. Тем более его назидание в свете сказанного актуально в отношении клира.

4. Политическая ангажированность. Вовлечение священнослужителей в политику не допускается 81 Апостольским правилом, запрещающим клирикам исполнять административные полномочия, участвовать в представительных органах власти. Церковь, утверждает⁴ апостол Павел, пребывает для всех всем, тем

³² Митрохин Н.А., Эдельштейн Г.Ю. Экономическая деятельность РПЦ и ее

теневая составляющая. М., 2000.

Журнал Московской патриархии. 200]. № 1. С. 29. ³⁴Там же.

91

самым спасает по крайней мере некоторых³⁵. Мирская забота "выбирать плевелы на пшеничном поле"³⁶ не дело церковников, — всяк предстает пред судом Божиим самостоятельно. Церковь обязана подчеркивать непригодность для нее какого-то определенного государственного строя, какой-то явной политической доктрины. И лишь по этой причине проявлять осмотрительность. Лучший тип взаимодействия церкви с государством — линия отстраненной солидарности, исключающая столь неосмотрительные мероприятия, как, скажем, теизации армии, образования, средств массовой коммуникации, придание церковным праздникам статуса государственных.

5. Конъюнктура. Выражение нужд всей полноты церкви не может черпать опору в акциях суетных. В первую очередь это затрагивает взаимодействие РПЦ и РПЦЗ. Расколы внутри вселенского православия печальны, но едва ли преодолимы посредством шагов непродуманных, в частности: а) причисления клику святых новомучеников XX столетия членов царской семьи; б) ужесточения позиции в отношении экуменизма. Предпринятые под давлением РПЦЗ шаги эти неестественному исполнению своей миссии православию вдохновения не добавили — Солнце не засветило ярче, огонь не согрел.

6. Требуется оценки и переоценки критически принимаемый официальным православием *опыт* старчества, представляющий альтернативное движение в традиционализме. Перефразируя апостола Павла, правильно утвердить: если и можешь сделаться свободным, — не отрицай, но лучше воспользуйся.

Закон непредвидимых результатов преднамеренных действий, как кажется, будет скомпенсирован, разработай православие объемную картину существенного "нового" в нашем времени. Это сугубо поднимет внутренний авторитет церкви, избавит ее от неорганических инициатив, как идея декабрьского 2002 г. Собора открыть в торговых домах молельни, позволит в чем-то преодолеть кризис духовности, осознать интересы, все чаще выражаемые термином "национальный", разработать платформу бытия России как субъекта мировой истории, имеющего самоидентификацию.

7. Ценности образования. Текущее столетие как перспективную эпоху жизнеутверждения человечества квалифицируют различно: "век скоростей", "век интеграции", "век информации". С не меньшей справедливостью его можно квалифицировать

³⁵ Кор. 9.22.

³⁶ Мф 13:24-30.

92

"веком образования". Образование в данном случае следует толковать объемно — как многомерный порождающий ресурс стратегического порядка гражданской, нравственной, познавательной направленности.

Сверхзадача образования — культивация на стадии предтрудовой социализации ответственной личности, предуготовленной к продуктивной встройке в деятельность социума. Основное в образовательном процессе — добиться *соответствия человеческого материала* качеству решаемых обществом проблем. Искомое направление, существо снятия последних в современности обусловлено упрочением императивов постиндустриализма, востребованного определенного участника жизнепроизводства.

Мы однозначно сближаем суждение о характере общества с суждением о характере членства в нем, — постиндустриальная социальность требует специфического человека. Используя троп 'амю, можно сказать: поддерживаемый постиндустриализмом огонь существования столь силен, что обжигает сердца окружающих.

Смысл постиндустриальности, формируясь номотетически, предъявляет экспектации: гуманитарность, интегрированность, инновационность.

Гуманитарность: высшая ценность социального порядка — человеческое

развитие, исчисляемое показателями — продолжительность жизни, грамотность (с учетом среднего количества лет обучения), паритет покупательной способности.

Интегрированность: исключение изодромного, завязанного на резкое и активное заявление несбалансированных частных интересов, развития. Масштабность, многофакторность при сопряжении с эгоистичностью вовлечения и участия оказываются недопустимо опасными индукторами деструкции.

Инновационность: индустриальное общество поглощено переработкой вещества природы с целью наращивания выпуска отчуждаемых от лица продуктов материального производства. Постиндустриальное общество зиждется на наращивании выпуска неотчуждаемых от лица продуктов духовного производства; генерация не вещиности, а знания, культуры здесь фикс-пункт жизнеобеспечения. Основной капитал, ведущая ценность этого своеобразного п^астматериализма — внутренний личностный рост, человеческие качества, самовозвышение индивидуальности на базе творчества.

Исходя из сказанного, рельефно демонстрирующего, что постиндустриальное общество

- не строится мобилизационными методами;

93

- крепится на квалификации, невоспроизводимых креативных ресурсах;

- в качестве стратегии прогресса принимает инновационное развитие;

- вслед за Г. Уэллсом мы обязаны признать: наше образование есть наше правительство.

Как видно, социальные трансформации, вызванные становлением постиндустриализма, затрагивают природу человека: водоразделом предыдущей и последующей стадий социальности является гуманитарная (не хозяйственная!) динамика, становящаяся содержанием вдохновляющего периода, именуемого веком саморазвития, образования. ("Саморазвитие", "образование" — параметры одного сущностного уровня.)

Наметились ли признаки эволюции России в многозначительную постиндустриальную сторону? С горечью констатируем: отнюдь; сделанный отечественной политической элитой выбор не оказывается лучшим выбором, не являет образца идеальной стра-новой линии. Обновительная роль постиндустриализма у нас никак не видна, о чем повествуют данные:

- уровень квалификации российских кадров зашкаливает на пятый десяток государств мира;

- на такой же отметке индекс технологий (обобщенная оценка научно-технического потенциала страны);

- степень изобретательной активности составляет 1/10 от показателя конца 80-х годов;

- финансирование науки в 90-х годах сократилось более чем в 10 раз, составляя 0,3% от ВВП;

- лишенные социальной поддержки ввергнуты в кризис организации общекультурного назначения (музеи, театры, библиотеки);

- 12% детей и подростков не посещает школы;

- в семье культивируется насилие: около 2 млн детей до 14 лет в быту получают травмы; до 10% их гибнет; 50 тыс. из них покидает дом; 25 тыс. находятся в розыске; 2 тыс. имеют устойчивые тенденции суицида; растет число беспризорных, достигая 2 млн.

Обвал образования повлек системную социальную деградацию, охватывая вопросы генерации и рецепции технологий, производительности труда, качества жизни.

Лишь несколько впечатляющих показателей:

- основная часть доходов от российского экспорта идет на закупку продуктов легкой и пищевой промышленности, а также элитных товаров;

— возрастает роль спекулятивного капитала (доля валютного рынка, рынков ценных бумаг составляет 2/3 всех ресурсов притом, что доля реального сектора составляет примерно 10%);

— Россия втянута в обмен с Западом в основном сырьем и полуфабрикатами на готовую продукцию; ее доля в мировом экспорте составляет примерно 1,2%;

— производительность труда в РФ составляет 1/4 американской;

— энергопотребление у нас в 3 раза превышает западные параметры;

— на фоне индивидуализации труда в промышленно развитых странах в России — сомнительная концентрация рабочей силы с эскалацией архаичных пролетарских сообществ.

Однако отечественная реальность не обгоняет прогнозы даже самые невзыскательные.

"Трагедия человека, вооруженного машиной и сердцем... должна разрешиться в нашей стране путем социализма", — наивно полагал Платонов. Что случилось с воздвиганием "вавилонской башни социализма" (Луначарский), известно. Отсеянное народным опытом не восстановимо. К плоским, зловеще претенциозным фигурам истории возврата нет. Бытие человека шире, объемней, нежели его бытие в качестве носителя классовых связей. Отношение к миру не исчерпывается социальным отношением.

"В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных", — утверждал Соловьев. В контексте наших рассуждений мы вынуждены констатировать: есть, и это восприятие властями образования. Пора понять: образование — стержневой фактор новой, построенной на высоких технологиях цивилизации, утрирующей получение добавленной стоимости. Между тем новую цивилизацию и ее основу high-tech (электрохимия, био-, инфо-, нано-, кристаллотехнологии, микромеханика и т.д.) невозможно построить без прорыва в сфере духа. Нельзя прийти к high-tech без создания high-hume.

Выстраивается макросоциологическая иерархия мира:

— регионы первого эшелона (индустрия первого поколения) — швилезационные парии — сырьевые страны с дешевой рабочей илой, обслуживающей сельскохозяйственное и выведенное вредное) производство;

— регионы второго эшелона (индустрия второго поколения) — цивилизационные аутсайдеры — страны малотоннажной химии, габаритного машиностроения, устаревших информационных технологий, население которых функционирует как исполнитель достаточно высокого профессионального уровня;

95

— регионы третьего эшелона (индустрия третьего поколения) — цивилизационный авангард, задающий технологические, информационные, экзистенциальные стандарты.

Совершенно ясно: вхождение в когорту держав третьего эшелона реализуется на несобственничестве. В том смысле, что фундирующие авангардность знание, культуру нельзя купить. Ими можно овладеть через образовательное самовозвышение.

У нас же не без усилий заемных умов — обмирщение псевдо-достижительной стратегии "снижения тона" с планированием в качестве получения "продукта выхода" иссохших смоковниц, плодов не приносящих. Вдумаемся в предписания для России экспертов Всемирного банка: новые образовательные институциональные механизмы призваны привить стандартные качества, к каким можно отнести "способность читать карты, говорить на иностранном языке, заполнять налоговую декларацию; этот список может также включать способность воспринимать русское искусство и литературу". Ни больше ни меньше.

Условность человеческой сущности очевидна, однако зачем же ее утрачивать.

Со всех точек зрения правильно не упустить принципиальный смысл происходящих изменений, заключающийся в упрочении постиндустриализма.

Обособливаются три стадии социальности:

— доиндустриальность — присвоение богатств природы с элементарными производительными (живой труд) и гражданскими (политарная, потестарная власть) технологиями;

— индустриальное^ — производство материальных благ промышленным способом на базе жестких вертикалей власти (от абсолютизма, деспотизма до авторитаризма, тоталитаризма, дирижизма);

— постиндустриальность — производство информации при посредничестве горизонтальной властной корпорации.

Признак нашей поколенческой ситуации — трансформация материального производства в духовное; частичного существа — в универсальное; мира отчужденного бытия — в мир культуры. Фикс-пунктом становятся безотходные, безлюдные, трудосберегающие технологии, передающие, перерабатывающие не сырье, а знания. Форматным агентом производительного сектора оказываются "слуги общества", каковыми Смит именовал работников — носителей уникального мастерства — художников, музыкантов, артистов, ученых, или в социологической редакции, — интеллигентов.

96

Промышленный, сельский пролетариат более не может быть ни непосредственной, ни решающей производительной силой общества. Свое гордое амплуа путеводителей человечества по дорогам истории он передает субъектам "необщественной собственности" — творческой элите, получающей известное значение лишь благодаря своим личным качествам.

Мобильность, динамизм, интеллект, порыв образовательного духа — реперы современной поколенческой идеологии, взыскующей квалификации. Нужны не конформные "кадры", но самодостаточные специалисты, обладающие полной свободой реализации своей просвещенной личности, которая является кардинальным условием успешной работы.

8. Ценности социального действия. Основной задачей философии с самого ее возникновения, как известно, является поиск надежного основания для упорядочения нашей жизни, на котором бы покоилось как знание, так и деятельность³⁷. Честолюбивая задача взрастить древа познания и влияния на некоей выверенной почве дала старт культивации, — всепоглощающие проекты "базиса несомненности" заплотнили рефлексию. В философии науки развилась апология "естественного света" души (сенсуализм, рационализм, интуитивизм). В философии политики развилась апология "естественного света" власти (от идеологов абсолютизма до идеологов коммунизма).

Обжигающее аналитическое резюме данного всего обросшего словами опыта — разочарование. Фундаменталистская идея точности, строгости, достоверности, очевидности в познании и добротворения в обществе провалилась. Требования всестороннего доказательства для знания и совершенства для социума оказались невыполнимыми. "Мы как бы носимся на обширной поверхности вод, — безутешно итожил Паскаль, — не зная пути... Только что думаем укрепиться на одном основании, оно колеблется и покидает нас; хотим ухватиться за него, а оно, не поддаваясь нашим усилиям, ускользает из наших рук, обращается в вечное перед нами бегство... Таково наше естественное положение, как оно ни противно нам: мы хотим желанием найти твердую почву, последнее незыблемое основание, чтобы воздвигнуть на нем башню... Но все здание наше рушится, и земля разверзается под нами до самых недр своих"³⁸.

Дискурс ограничил порыв, оконтурив собственные претензии предписаниями Гегеля, Тарского, Левенгейма, Сколема

Также см.: *Dingier H. Grundri der metodischen Philosophic Fussen*, 1949. S. 7. *Паскть В. Мысли* // Лабрюйер Ж. Характеры. М., 1974. С. 68.

97

(математика), Эйнштейна, Гейзенберга, Бора (естествознание). На этом идейном

фоне утвердилась развенчивающая абсолюты, принимающая познавательно сдержанную позицию платформа пробабализма.

Исходно же крепящийся на saniрующих инициативах прак-сис не в состоянии априори лимитировать полномочия: никаких препятствий благородной оптимизации социального устройства единосушно нет; все имеет пределы, кроме склонности к улучшению.

Между тем искомым воплощений чаемого (демократия, вовлечение, участие, реализация) не достигается. В чем причина? Почему создаваемое нами незавершимо? Как объяснить, что есть равенство без свободы; что алчность пребывает единственным мотивом действия; что растет праздность; что... Что мешает создать социум, отвечающий идеалу?

Оказывается: мешает человек, при полномочиях субъективный фактор, по обстоятельствам лишаящий миротворчество надлежащих гарантий.

Мощь духа терпит крах, облачаясь в формы повседневных дерзаний. Интрига претворения сместила акцент, переместив центр тяжести с проблематики фундаментального основания на проблематику фундаментального действия.

Доктрину методического действия в философии науки отработывал интуиционизм, в философии политики дисижонизм.

Меньше действуешь — больше выдумываешь. Привнесение элемента реализма в знание и общество связывается с пафосом конструктивности. Если знать структуру действия — технологию задания объекта, его обмирщения, — можно получать выверенный предсказуемый результат. И в случае дискурса, и в случае праксиса возможно досконально знать творение (ряды идеальных (натуральные числа) и социальных (институты) структур), иметь ручательства состоятельности.

Дух конструктивности, отнюдь не будучи изошрением ума. однако, навеивает романтическую картину мира. Во-первых, творец далеко не всегда исчерпывающе знает творение (можно ввести понятие числа, но не ведать "исконной" его природы). Во-вторых, перевод рассмотрения из плоскости "сущность" в плоскость "устройство сущности" не снимает проблемы. Поддерживаясь сильными допущениями регуляризованности, нормосообразности онтологии (реалий), он ничего не говорит ни о характере, ни об условиях их (допущений) соблюдения. Отчего вдруг исключается возможность возведения безрассудства в ранг государственной философии (позволяющей, к примеру, в колхозе им. Куту-

98

зова ставить памятник Наполеону), отчего принимается рокайль-ная схема: добродетель полномочна, жестокость не ужасна?

Конструктивный подход автоматически не исключает легкомысленность, беспорядочность, опрометчивость, — понимание этого определяет новый виток исчерпания "субстанции" "технологией".

Лишенные естественности конструктивистские умопостроения пытались отредактировать теоретики "рационального действия".

Онтология конструктивного социума задается условием упорядоченности жизнетокса — поддержание прагматического порядка на базе торжества закона. Тезис о порядке как консервативной стратегии нормативной самоорганизации — исполненный прелести доктринальный ход, сообщающий деятельности качества целесообразности, прозрачности, однако прелести весьма хрупкой. Представление жизни как организованной "по принципам" диссонирует с реальной жизнью, развертывающейся "по прецедентам". Имеет смысл вести речь, следовательно, о двух рядах: 1) организованной по универсальным нормам доктринальной жизни; 2) подчиненной уникальным интересам реальной жизни. Оба ряда, конечно, не совпадают.

Состыковку "организации" и "процесса" налаживают адепты "рационального действия". Смысл их предложения сводится к синхронизации ориентиров социального

действия.

Причина неорганичности (конфликтности) общества — несопряженность ценностных опосредований, дискордантность пресуппозиций, вероубеждений как результат приобщенности к различным ареалам значимостей. Навести мосты между несовместимыми экзистенциальными кредо позволяет "рациональность", манифестируемая в формальном модусе аппаратом доказательства, началом достаточного основания; в материальном модусе — понятием благополучия, вытекающем из ориентированного социального действия с точки зрения определенных ... ценностных постулатов³⁹.

Итак, всеобщее благоденствие кредитуется рациональным, т.е. рассчитанным, скалькулированным, сбалансированным по интересам действием. За безмятежной поверхностью картины, однако, проступает тревожная суть. Довольно от явления перейти к структурным контекстам, озаботившись: как, чем рациональность субъективно свободного действия конституируется.

³⁹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. H.l. Tübingen, 1956. S. 60.

99

Мрачная ирония состоит в ответе: она конституируется инструментально-бюрократически.

Жизненное — обусловливаемо ли чиновно-административным? Скрытая и жесткая детерминация одного другим выхолащивает жизненное; люди, подмятые институтами, расчеловечены.

Восстановить "рациональность" в терминах жизненных пробует понимающая социология, комбинирующая более консистентной (сопоставительно с веберовской) моделью "знающей онтологии".

Мир не имеет в отношении нас намерений. Мы сами конструируем их для себя внедрением ценностей, целей, идеалов. Насущная задача быть в ценностно диверсифицированном мире просто не решается. Если не принимать "прозрение приходит до понимания", возникает проблема осмысленной коммуникации, продуктивного обмена деятельностью.

Презумпция "действие происходит через овеществление общих ценностей" (Парсонс) распространяется на узкий круг тривиально стандартных ситуаций; она не захватывает в свой бредень ситуации оригинальные, когда, скажем, между "взял" и "отдал" вклинивается "преобразил". И все же с позиций феноменологии (понижающей социологии) в плюрализме ценностей *per impossible* выделяется некое твердое ядро, и это суть канонизирующие поведенческие фигуры императивы первоисточной экзистенциальной стихии, само собой разумеющейся действительности — сферы *Lebenswelt*.

Опыт разнообразен, всякий руководствуется в утверждении специфической системой релевантностей в зависимости от богатства опыта. Никакой резонансности социальных действий тут нет. Она возникает в магистрали того, что каждый шаг утверждения в мире основывается на запасе раннего опыта, который включается в определенное единство в форме нашего запаса, служащего каждому из нас в качестве направляющей схемы наших собственных поведенческих актов. Все наши опыты в жизненном мире связаны с этой схемой, так что предметы и события в нем встречаются нам с самого начала в своей типичности⁴⁰.

Значит, типизация — предпосылка сходности наших истолкований, действий, реакций в жизненном мире. Романтическое "кружение сердца", своенравие выйти из ряда вон отступает перед архетипами *Lebenswelt*, задающими стратегическую инициативу. Конгениальность, причастность единым корням порождают сорт лишенной географических пределов гуманитарной общ-

⁴⁰ См.: Schutz A., Lukmann T. *Strukturen der Lebenswelt*. Bd. I. Neuwied, 1975. S. 26.

100

ности, передаваемой основным тезисом взаимных перспектив: "Я" подчиняюсь

тому, что другие видят мир в принципе так же, как "Я".

Тезис обслуживают идеализации

а) обмениваемости точек зрения;

б) конгруэнтности систем релевантности.

Назначение первой — гомология взглядов: "Я" ставит на свое место другого и убеждается в одинаковом отношении к миру. Назначение второй — гомология ценностей: "Я" предполагает, — различия в подходах к миру иррелевантны; наши оценки тождественны; мы судим о вещах по сходным критериям; мы допускаем, что другие действуют так же, как мы это знаем.

Жизненный мир структурирован. Мы знаем, как. И потому, утверждаясь, взаимодействуем, рассчитывая на взаимность. Это "рассчитывание" представляет не веберовский казенный расчет, но общую веру, что ни мир (идеализация последовательности "и так далее"), ни "Я" (идеализация повторяемости "я могу снова и снова"), ни мне подобные (идеализация типичности "Я", вытекающая из основного тезиса взаимных перспектив) не изменяют свойства.

Все минется, одна правда останется. Правда же состоит в признании неадекватности фундаментальных феноменологических идеализации константности. Изменяющийся мир, несамостоятельный человек (человек "линяет" (Сартр) в ходе жизни), неодинаковые люди — существуют разное, действуют не сопряженно, в исполнении жизненных проектов руководятся не "типичными" ценностями.

Обязательное и поддержанное силой высказанных идей итоговое убеждение заключается в необходимости преодоления естественно-научного варианта социальной теории. Отрицание самодостаточности гуманитарного ресурса в тематизации человеческих реалий принадлежит прошлому. Никто всерьез не воспринимает органицистские, механицистские, редукционистские модели, связывающие причины поступков с кровообращением и теми обстоятельствами, которые его "усиливают, приостанавливают, ослабляют или ускоряют"⁴¹.

Бихевиоризм, рефлексология уступили место аксиологически ориентированной системе, доктринально выражающей ценностную природу человека.

Человек существо символическое — ценностно выраженное, идеалонесущее. Последнее как родовая сущность проявляется в

[^]*Ламетри*Ж. О. Соч. М., 1976. С. 290.

101

организации деятельности. Сфера желания (практический разум) озадачивает, сфера познания (чистый разум) производит расчет. Совершенно ясно, что удовлетворить потребность можно инстинктивно, рефлекторно (в обход "логарифмов"). В принципе, такое не редкость в многострадальной истории, именуемой в подобном случае нечеловеческой.

Человеческая история становится с постановок "допустимо ли", "какой ценой", инициирующих введение оценок, стимулирующих отнесение к ценностям. Поскольку цели и ценности людей различны, описываются сеткой координат с осями "нельзя делать" и "нельзя не делать", постольку есть намерение подчинить их неким абсолютным предпосылкам, находящим оправдание в логическом подходе к решению поисковых задач.

"У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто не способен мыслить"⁴², — отмечал Энгельс. Стремление преодолеть эмпирическое безбрежие, не погрязнуть в частностях влечет обращение к абсолютам.

Религий множество, — Кант полагал возможным замкнуть их на мораль. Отсюда схема "категорического императива".

Обществ множество, — Вебер полагал возможным замкнуть их на управление. Отсюда схема "рационального действия".

Цивилизаций множество, — Сорокин полагал возможным замкнуть их на этос. Отсюда схема "интегральной цивилизации".

Миров множество, — Шюц полагал возможным замкнуть их на Lebenswelt. Отсюда схема "сопряженности взаимных перспектив".

Концептуально стратегия абсолютов оправдана: доктринально она позволяет соблюдать теоретико-методологический монизм; приводить многообразие к единству; фиксируя инварианты, разворачивать сущностные тематизации. Эмпирически стратегия абсолютов не оправдана: не имея операциональных эквивалентов, они не получают верификации.

Парадокс — абсолюты теоретически приемлемы, эмпирически не приемлемы — снимается введением эмпирически удостоверяемых абсолютов.

Где тот заветный ключ, который позволяет раскрыть взаимосвязи между свободным и необходимым, волей и законом, суетно-легковесным и непреходяще-значимым?

Проблема, как люди способны реализовать в частных целях субстанциальное, "являющееся волей мирового духа" (Гегель),

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 140.

102

паки и паки сложна. Вариантами ее решения выступали базовые модели героев и толпы и Провидения, которым отказано в эвристическом кредите. В пользу предпочтительного чего? В пользу модели природно-надличностных законов, имеющих воплощение в свободно-личностной деятельности.

Человек есть цель для себя. Реализация собственной целе-значимости предполагает достижение гармоничного бытия, обеспеченного конкордией природы (связанная причинность) и воли (свободная причинность). Высокая резонансность одного другому предельным своим выражением имеет целесообразность: мы творим мир (вторую социально-историческую природу) по свободной воле, *но* на *базе* целесообразных начал, вводящих большую степень соответствия намеченных целей условиям их воплощения.

Нерв целесообразного — созидание потенциального бытия по реалистичным правомерным целям, удовлетворяющим природным законам. Поскольку история есть созидание, творение того, чего нет в природе, *носитель способности изменять* мир по своим целям (лицедей в истории) в своем миротворении свободен. Поскольку реализация свободы лицедея истории целесообразна, созидание сверхприродного целерационально, правомерно, законосообразно. В этом суть. Причем суть эта выражена применительно к идеальным случаям, большим интервалам истории, тенденциям. Применительно к реальным событиям, малым историческим интервалам, локусам требуется коррекция. Действительно. Как объяснять механизмы поддержания динамических равновесных состояний в социуме в масштабах (условно говоря) микроэволюционных, — ведь ясно, что справедливой для макроэволюционных рассмотрений идеей целесообразности тут не обойтись.

Оживление, понятийное обновление аппарата социальной философии (и методологии истории), на наш взгляд, связано с применением модели волн жизни, использующей представления бъективной циклики и ритмики социально-исторических форм.

Волны — энергетические или стилистические возмущения изневоспроизводственных контуров — распространяются в социально-исторической среде с конечной скоростью, иницируя (реставрируя) определенные виды межсубъективной коммуникации и интеракции. Социально-исторические волны проявляют себя как фазовые возмущения, или изменения состояний, колебаний, обладающие некоей степенью повторяемости. Последняя и образует естественную циклику и ритмику (последовательность, частота, скорость протекания, временная организация,

чередование, кругооборот стартовых и финишных черт) социума и истории.

Доктринация социально-исторических циклов и ритмов в терминах сущностных описаний — дело социальной фенологии, фундаментальной ритмодинамики (учение о ритмах и циклах). Доктринацию социально-исторических периодических колебаний (реставрация, элиминация) в терминах феноменологических описаний проводит модульная теория социума (учение о пропорциях и фазах). Доктринацию социально-исторических циклов и ритмов в терминах гуманитарных описаний проводит историческая, социальная, культурная антропология (учение о поступках и лицах).

Наш положительный взгляд на природу вещей через призму моделей длинных волн — социальных циклов и ритмов — сводится к тезису: онтологический базис истории двусоставен. В качестве исходных всегда выступают человеческие цели, мотивы, интересы, ценности, которые накладываются на объективные (подверженные циклическим зависимостям, имеющим собственную ритмику) условия жизнедеятельности. Исторические события в силу этого многопричинны: порождены и лицами (лицедеями), и объективными зависимостями вследствие вписанности лиц в более глубокие каузальные связи (циклика, ритмика).

Обратимся к сюжету жизневоспроизводственных инвариантов, экзистенциальных абсолютов, которые были названы фундаментальными социальными константами (ФСК).

К ним относятся находимые спорадично, путем проб и ошибок, жизнеустроительные оптимумы, выражающие стиль, строй, порядок максимально отлаженного (сопоставительно с идеалами) существования. Во всех регистрах, измерениях жизнепорождающих процедур, актов находятся благоприятные, желательные варианты из числа возможных. Историю можно уподобить весьма и весьма диспергированному по географическим, культурным, хозяйственным, политическим, гражданским, традиционным, конфессиональным и т.д. признакам образованию, где при внимательной оценке самой логики отлаживания жизневоспроизводственных действий выделяются точки разрежения (тупиковые ветви развития) и точки плотности. Точки плотности — сгустки наибольших и наилучших приближений к неким экстремальным идеальным состояниям (понятия чаемой, потребной, желанной жизни).

В регистре материального воспроизводства это — максимальная мотивированность, стимул и рованн ость продуктивной деятельности.

104

В регистре духовного воспроизводства это — максимальная самореализуемость.

В регистре политико-гражданского воспроизводства это — максимальное участие, вовлечение, волеизъявление.

В регистре экзистенциального воспроизводства это — максимальная самоудовлетворенность, полнота, глубина существования.

В целом это — оптимальная стратегия бытия, связанная с воплощением принципа минимакса, предписывающего участникам исторического процесса (игрокам жизни) стремиться к максимально достижительным, гарантийным, успешным (выигрышным) линиям поведения.

В аналогии можно пойти дальше, уподобляя историю матричной (антагонистической) игре, в которой игроки (участники) имеют конечное число стратегий. Так как разные игроки имеют разное число стратегий — допустим, игрок 1 — m стратегий; игрок 2 — n стратегий и т.д., матричная игра задается $(m * n)$ — матрицей $H=(h_{ij})$, где h_{ij} — выигрыш 1 игрока, если он следует стратегии i' , $i'=1 \dots m$; а игрок 2 — стратегии j , $j=1 \dots n$.

С позиций принципа минимакса, игрок 1 (в идеале) избирает такую стратегию i_0 , где достигается $V_1 = \max_i \min_j h_{ij}$; игрок 2

j избирает стратегию j_0 , где $V_2 = \max_j \min_i h_{ij}$.

Если $V = V_v$ пара (i_0, y_0) составляет седловую точку матрицы H с выполнением неравенства $h_{ij_0} < h_{i_0j} < h_{ij}, i = 1 \dots m, j = 1 \dots n$. Число h_{ij_0} оказывается значением игры, стратегия i_0, y_0 является оптимальной (оптимальная чистая стратегия игроков 1 и 2). Разумеется, в истории оптимальная чистая стратегия игроков (участников) — редкость. В истории мужество не было бы мужеством, если бы основывалось на точных, предвидимых, чистых стратегиях. Локально оптимальные стратегии попадают в класс смешанных стратегий. Глобально же (на длительных интервалах) оптимальные стратегии находятся в классе чистых стратегий. Последние и передаются ФСК — не постоянными величинами как в физике), а функциональными показателями, выражающими и характеристики эмпирических распределений.

От социума к социуму признаки их внутренней организованности варьируют; каждому варианту (значению некоторого показателя $X^1 \dots X_n$) в принципе можно поставить в соответствие одну и ту же вероятность $P_i = 1/n, i = 1 \dots n$. При достаточно большом количестве испытаний (и наблюдений за ними), однако, обособливаются экстремумы, фиксирующие min и max социальной кредитоспособности. Когда на социальное действие (от планирования

105

до маневрирования) проецируются параметры желательности — максимальная выгода при минимальных издержках, — на авансцену выдвигаются ФСК в виде представлений разумности, целесообразности, справедливости, достоинства, адекватности, сбалансированности целей, средств, результатов при недопустимости, невозможности вхождения в некоторые состояния и превосходства некоторых величин (решение задачи с неприемлемым уровнем потерь), ФСК, следовательно, — это показатели многокритериальной оптимизации, получаемые не формально, а эмпирически — посредством статистического резюмирования исторических опытов социального устройства (социальных распределений).

Возможность обустроить общество лишь по видимости представляет собой задачу с произвольным решением. Изначально она (возможность) лимитируется условиями: 1) фазовые, временные, ресурсные ограничения — человеческий, социальный, геополитический, физический, властный потенциал; 2) инициативные ограничения — недопустимость саморазрушения, самоуничтожения.

Откуда следует, что социальное устройство крепится на специфической манипуляции всеми видами инициатив и ресурсов, подчиненной достижению желательных состояний с позиций определенных критериев качества. Содержательно ФСК и активизируют подобные критерии, обостряя регулятивную коррекцию деятельности, обособливая из множества допустимых динамических форм (цели, средства, результаты — намерения, механизмы, действия) магистрали (множество актов, манипуляций, лежащих на оптимальной эффективной приоритетной — стационарной — траектории социодинамики).

ФСК имеют эмпирическую и критическую сущность; орудием их выделения служит аналитическое обобщение социально-исторического опыта. Действования в истории сравнимы с действиями в рамках коалиционных и бескоалиционных игр в условиях неполной, меняющейся информации. Процесс игры (исторического действия) заключается в осмысленном переходе от исходного состояния к последующему через выбор игроками (лицедеями) поведенческих стратегий (по правилам или без правил). Акты выбора соответствуют стратегиям игроков в играх с неполной информацией, когда ни одному из участников игры при очередном ходе досконально не известна позиция дерева игры, в которой он находится. Принятие решения (выбор стратегии) в условиях неопределенности производится в опоре на отслеживание расстановки сил, изучение конъюнктуры, учет ресурсов и т.д. Однако оптимизационную направленность актов выбора (принятие решений) осуществляет содержание ФСК,

106

ориентирующее на разумное, целесообразное, предсказуемое поведение персонажей истории, участвующих, как правило, в антагонистичных, затратных, конфликтных играх.

Жизнь исключает призраки (в магистралях). Она требует гарантийных, человеколюбивых регламентов своего обустройства. В качестве борьбы за такого рода регламенты — циклические, фазовые *процессы*, нацеленные на оптимизацию обмена деятельностью в соответствующих регистрах жизнеобеспечения согласно требованиям ФСК.

\\ ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Символический универсум. Проливающая свет на причины российской неприглядной практики сажать цветы, не сообразуясь с климатом, исходная гипотеза состоит в утверждении существенного смещения у нас двух модусов полагания: *opus operatum* и *modus operandi*. Первый — модель, замысел; второй — реализация, способ действия.

Гарнир из слез, которым вечно приправляют у нас социальные блюда, готовится в необоснованном отождествлении одного с другим. Возник проект — чего думать о воплощении? Оно находится в коротком, призывном "Даешь!". В результате завораживает не пафос победы, а пафос преобразования, переустройства. Прямо *по* Айзману: "О, как это хорошо! Сделать шаг, гигантский, безумно смелый, неба коснуться..." И... погибнуть.

"Безумство храбрых" отдает мученическим, жертвенным, обреченным. Довольно проблематизировать искусство творить "новые формы". В самом деле: зачем, когда привычное, обыденное, естественное умрет — "и вы, и я, и горы" — зачем? Вопрос Л. Андреева требует ответа. Находится он в понимании: стилевая система символического экспрессионизма социальному устройству не подходит. "Быть или не быть?" недопустимо путать с "была не была!". В противном случае — бесплодная атака на реальность, где оскорбленная мечта и поруганная явь сливаются в одно широкое и ясное разорье.

2. Наивный реализм: предметная мысль. Эвристический костяк предметных систем знания образуют фундаментальные базисные теории (БТ). Для систем логико-математического знания в качестве БТ выступают аксиоматики теории множеств — построения типа Цермело (Z); Цермело — Френкеля (ZF); Неймана — Бернаиса — Геделя (NBG). Для систем фактуально-эмпирического, опытно-индуктивного знания в качестве БТ выступают варианты хроногеометрии. Остов наивно-реалистической идеологии архаичной опытной науки составляет хроногеометрия Аристотеля. Отличительной особенностью ее в кратком изложении являются неоднородность и анизотропность.

108

(Пространство, по Аристотелю, есть место, граница объемлющего с объемлемым. Тело, снаружи которого имеется объемлющее его тело, находится в месте. В соответствии с учением об элементах земля находится в воде, вода — в воздухе, воздух — в эфире, этот же последний — ни в чем. Исходное местоположение тел *обуславливает качественную определенность* физических перемещений (локальных движений) в зависимости от природы носителей. Так, огонь естественно, по природе, движется вверх, а вниз — против природы — насильственно; для земли же пребывание наверху противоположно естественному и т.д. Так как движение тел изначально предопределено характером субстрата, тяжелые тела движутся к центру, легкие — на периферию. Таким образом, пространство Аристотеля, конституированное качественными границами между объектами и средами, гетерогенно, векторизовано; неодинаковость его точек дополняется неравноправностью, неравноценностью перемещений по направлениям, дифференцируемым привилегированными системами отсчета.

Анализ аристотелевской доктрины неоднородного и анизотропного пространства позволяет глубже понять существо *его* механики. Как справедливо отмечает Либшер, в

ней не существует относительности между системами отсчета, ибо не выполняется теорема импульсов: силы там пропорциональны не изменениям импульсов, а самим импульсам. Кроме того, "состояние равновесия свободного объекта есть покой, что выделяет определенную систему отсчета. При наблюдении этого состояния равновесия можно в каждой системе отсчета установить, какую *скорость* она имеет относительно абсолютно покоящейся системы"¹.

В чем гносеологический источник данной естественнонаучной позиции Аристотеля? В грубом некритическом эмпиризме и архинаивнейшем реализме: ставя вопрос, как движутся тела на самом деле — *in se*, Стагирит а) не в состоянии абстрагироваться от эффектов трения; б) вынужден постулировать зависимость скоростей движения от качественных свойств тел, параметров среды.

Подобная примитивно-физикалистская трактовка исключает формулировку столь капитальных законов механики, как законы инерции, падения и т.д. (Идейное ядро перипатетической механики составляет закон: движимое движется чем-то, — находящийся метафизическую проработку в доктринах импетуса и антиперис-тасиса.)

Либшер ДЭ- Теория относительности с циркулем и линейкой. М., 1980. С. 31.

109

Сказанное позволяет квалифицировать Аристотелеву науку (если о таковой вообще допустимо вести речь) как предметное квазизнание, где сугубо теоретические интенции на фундаментальность, универсальность, концепционное моделирование реальности подавлены самым доморощенным, некритическим ви-зуализмом. Перспективная в плане наукообразования программа Пифагора, стоиков, элеатов, Платона, развивавших картину бытия-логоса, подпадающего под умозрение (сошлемся лишь на Платона, рекомендовавшего подходить к вещам средствами одной мысли, не привлекая чувств и пытаясь уловить подробности бытия самого по себе, во всей его чистоте, отрешившись как можно полнее от собственных глаз, ушей, всего своего тела²), всесторонне блокирована линией Аристотеля, настаивавшего на предметной стороне знания: обладание отвлеченным знанием в отсутствие опыта, познание общего без представления содержащегося в нем единичного влечет ошибки, ибо дело приходится иметь с единичным³.

Триумф наивного реализма на долгие времена подорвал возможность абстрактной мысли, предопределив засилье в познании элементарной наглядности, апелляции к здравому смыслу, а с ними — атрофию квантитативизации, формализации, математизации рассуждений. Аристотелевские традиции "предметной мысли", на основе визуализма обеспечившие кратчайшую привязку мышления к бытию, отнюдь не питали умственную культуру, могущую участвовать в создании того понятийного аппарата, который способен отражать проблематику бытия на теоретической стадии мышления.

3. Распредмечивание мысли: становление символизма. Ревизия узаконенных Аристотелем наивно-реалистических, "предметных" порядков мысли производится в Новое время одновременно с трех сторон усилиями Коперника, Галилея, Декарта.

Коперник. Эпистемологический урок автора гелиоцентризма заключался в:

— демонстрации, что знание не есть непосредственная точная копия наблюдаемых, данных в "живом созерцании" предметов, событий;

— показе невозможности идентифицировать аппарат науки с объектами материального мира: теоретическим абстракциям, принципам, допущениям напрямую не соответствуют какие бы то ни было естественные референты, корреляты;

² См.: *Платон*. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 24.

³ См.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 66.

ПО

— "дискредитации изоморфии типов знаков и типов объектов.

В качестве интеллектуальной парадигмы, отмечалось выше, наивный реализм утвердился с легкой руки Аристотеля, трактовавшего знание как систематизацию

повседневного обыденно-практического опыта. Особенность знания подобного типа — настроенность на запечатлеваемую восприятием, чувственно осязаемую реальность, поддающуюся осмыслению в терминах наглядных образов и аналогий здравого смысла. Методологическую его подкладку составляют постулаты тождественности содержания предмета и его концептуальной проекции и однозначности следования теории из опыта (теория — прямая коагуляция фактических данных, в чем усматривался гарант достоверности, ясности, очевидности, а значит, оправданности умственных конструкций).

С прецедента Коперника, однако, возникает и крепнет убеждение: а) наука невыводима из языка визуальных протоколов; б) она формируется не вследствие непосредственных индуктивных обобщений опытных данных, а из построения теории. Фактуальные регистрации в своей первозданности не имеют никакого или имеют крайне ограниченное значение для науки. Последнее и высветила деятельность Коперника, не опиравшаяся в обосновании гелиоцентризма на какие-либо *дополнительные*, "решающие" факты (как опыт Фуко с маятником, абберация света, параллакс неподвижных звезд).

Феномен Коперника, преодолевая пределы специальной теории, имел универсальное гносеологическое звучание, по сути означая кристаллизацию адекватной стратегии отправления исследований. Во-первых, обнажилось, что теоретические структуры, умопостигаемая реальность не конструируются из опытных данных: знание не вытекает, как ручей с вершины горы, из опыта — в его создании используются свободно творимые (через процедуры расширяющего синтеза) понятия, пригодность которых проверяется опытом *a posteriori*. Во-вторых, выявилось, что удаленность, отстраненность науки от непосредственного опыта (чувственно достоверное, экспериментально опробованное) является предпосылкой ее автономного, не связанного с массивом фактического прогресса: саморасширение знания протекает как порождающий процесс, а *prigori* превосходящий границы наблюдаемого. Энтелехией взысканий выступают требования "внутреннего совершенства", а не "внешнего оправдания". При ином положении дел наука имеет минимум шансов двинуться с места.

Галилей. Усилил заложенную Коперником многозначительную тенденцию разведения образов (символов) и объектов, содержательного строения знаков (язык науки) и их связи с реаль-

111

ностью. Отправляясь от идей более ранних критиков Аристотеля (Тарталья, Бенедетти, Борро, Пикколомини), Галилей нанес перипатетической платформе наивного реализма (примитивного физикализма) сокрушительный удар.

Уже в первой своей работе, посвященной проблеме движения, сочинении "О движении" (ок. 1590 г.), он подверг критике динамику Аристотеля. В частности, Галилей опроверг перипатетическое учение о естественных и насильственных движениях. Он показал, что если среда движения не воздух, а вода, некоторые тяжелые тела (скажем, бревно) становятся легкими, так как движутся вверх. Следовательно, движения тел вверх или вниз зависят от их удельного веса по отношению к среде, а не от "предназначения". Здесь же Галилей показал беспочвенность того тезиса перипатетиков, что скорости движения тел в менее плотной среде больше, чем в более плотной. Так, тонкий надутый пузырь движется медленнее в воздухе, нежели в воде и т.д.

Позитивная часть физической теории Галилея представлена фундаментальным трудом "Беседы и математические доказательства". В нем Галилей обращается к анализу изохронности качаний маятника. Он вывел, что разные по весу, но одинаковые по длине маятники совершают колебания одинаковой продолжительности. Но движение маятника сводится к падению тела по дуге круга. Отсюда следует, что сила тяжести в одинаковой мере ускоряет различные падающие тела. Значит, если отвлечься от сопротивления среды, все тела при свободном падении должны иметь одинаковую скорость.

Параллельно Галилей проводит опыты с катанием тел по наклонной плоскости и здесь же находит подтверждение мысли о равномерном ускорении различных тел силой

тяжести. Однако доказательность этих опытов не являлась стопроцентной, поскольку проявление закона действия силы тяжести видоизменялось действием внешних причин. Для устранения данного недостатка следовало четко зафиксировать природу этих видоизменений. Последнее требовало радикальной переформулировки оснований господствовавшей перипатетической динамики, приспособленной к анализу эмпирически регистрируемых движений. Что же предпринял Галилей?

Он выработал особую исследовательскую тактику, предписывавшую проводить изучение не эмпирического, а как бы идеального, теоретического движения, описываемого аппаратом математики. В соответствии с этим новая, развиваемая Галилеем динамика условно распадалась на две части. В первой требова-

112

лось путем логического вывода получить законы движения в "чистом виде". Во второй, органически связанной с первой, требовалось осуществить опытное оправдание полученных в первой части абстрактных законов движения.

Развивая новую динамику, Галилей подверг критике перипатетический тезис "нет действия без причины", трактовка которого распространялась лишь на состояния покоя. А именно всякое тело не переходит из состояния покоя в состояние движения без действия дополнительной силы. При этом перипатетики полагали, что прекращение движения связано с действием эмпирических условий (трение, сопротивление среды) в случае прекращения действия движущей силы. В эту трактовку Галилей вносит существенную поправку: ни одно тело не изменяет скорости ни по величине, ни по направлению без действия дополнительной силы. Другими словами, раз получив импульс, по прекращении действия силы тело продолжает движение с постоянной скоростью без учета сопротивления среды и эффектов трения. Последнее революционизировало не только сферу науки, фактически отмечая действительное начало физики (закон инерции), но и сферу гносеологии, разрушая наивно-физикалистские воззрения Аристотеля. Оценивая гносеологическое значение разработанного Галилеем метода идеального моделирования действительности, А. Эйнштейн и Л. Инфельд квалифицируют его как одно "из самых важных достижений в истории человеческой мысли", которое "учит нас тому, что интуитивным выводам, базирующимся на непосредственном наблюдении, не всегда можно доверять, так как они иногда ведут по ложному следу"⁴.

Исходный пункт физики Галилея абстрактно-гипотетичен. Если Аристотель описывал действительные наблюдаемые движения, то Галилей — логически возможные. Если Аристотель ставил вопрос относительно реального пространства событий, то Галилей — относительно идеального, в котором "вместо непосредственного изучения процессов природы" узаконивался анализ математических предельных законов, какие "можно проверить только при исключительных условиях"⁵. Вместо движения реальных тел Галилей увидел "геометрические тела, движущиеся в пустом безграничном евклидовом пространстве"; "это был очень трудный переход, настоящая революция в понимании дви-

Эйнштейн Л. Собр. научн. трудов. М., 1967. Т. 4. С. 363. *Heisenberg W.* Wandlungen in der Grundlagen der Naturwissenschaften. Leipzig, 1944. S. 31.

113

жения"⁶. Характеризуя гносеологический метод Галилея, исследователи его творчества указывают на мысленный эксперимент как на такой познавательный момент, который существенно обогатил арсенал научной деятельности. В чем, по Галилею, заключается его сущность? Книга природы, считает Галилей, написана на идеальном языке математики. Читая ее, следует абстрагироваться от условий эмпирической данности изучаемых процессов и вскрывать за чувственной кажимостью фундаментальные рациональные законы.

В этой связи представляется естественным, что Галилей возрождает гносеологические традиции Платона, разработавшего идеально-логическую трактовку

природы знания. Если Аристотель пошел на сознательный идейный разрыв с Платоном ("Платон мне друг, но истина мне больший друг"), отказавшись от его трактовки природы знания, *то* Галилей, обосновывая принцип интеллектуальной рационализации эмпирии — необходимость проникать в сущность, скрытую за существованием, — тем самым восстанавливает платонизм.

В понимаемой именно на платоновский манер природе познавательной деятельности, которая состоит в исследовании предельных случаев, реализуемых лишь в идеальных условиях, и заключается то новое, что связано с именем Галилея, обогатившего инструментарий науки методом мысленного эксперимента.

Декарт. Если Галилей, опровергнув аристотелевское "никакое движение не может продолжаться до бесконечности", развенчал наивный квалитати висте кий феноменализм; разработал исследовательскую тактику мысленного эксперимента в идеальной реальности; открыл возможность применения в физике аппарата математики; установил твердые, ясные, непреходящие законы; реформировал интеллект, снабдил его серией новых понятий, — тем самым заложил фактический фундамент рационально-научного познания, *то* Декарт придал сделанному Галилеем общеметодологическое звучание. Декарт не просто философски резюмировал некое количество передовых, по меркам той эпохи, интеллектуальных ценностей и идей — в соответствии с требованиями классической драмы он поставил события в связь с разработкой темы. Декарт осмысленно провел линию, которая вначале казалась странной, а по прошествии времен стала неукоснительной: наш мир — рациональная конструкция мира. Обоснование линии — в скрупулезной разветвленной картезианской реф-

⁶ Ibid.

114

лексии, этой вяжущей силе самопознания, в конце концов убеждающей — мир:

— комбинаторен — всякий элемент мира представлен не в виде некоего качественного целого, органически связанного с другими подобными целостностями во всеохватывающую и всепроникающую тотальность, а в виде набора форм разной степени существенности и общности. Последнее конституировало своеобразное единство мира, понимаемое как общность его первооснов, разрушало качественный взгляд на мир как на неограниченное много- и разнообразие. Разнообразие *отныне толкуется* в терминах механической комбинаторики фундаментальных комплексов, ответственных за известные качества. Отсюда: знать действительность означает знать правила сочетания форм;

— квантитативен — количественно обусловлен, определен. Значительный импульс прогрессу методов подведения форм под количественное описание придала разработка Декартом и картезианцами (де Бон, Шутен, Слюз, де Витт, Валлис и др.) аналитической геометрии, *где проводилась идея единства геометрических* форм и фигур, объединенных формальными преобразованиями. В связи с этим пространственные формы, сакрализованные и персонифицированные греками (пифагорейцы провели геометризацию мифологии: богам уподобили углы фигур — углы треугольников поставили в соответствие Аиду, Дирпису, Аресу; углы четырехугольников — Рее, Афродите, Гестии, Гере; круги — Диоскурам, и т.п.), подверглись деиндивидуализации, были сведены к ряду элементарных всеобщих структур — принципов единообразного понимания индивидуального;

— схематичен — расчленяем до простейших глубинных оснований, из которых воссоздаваем. Обращая внимание на популярность эвристического клише составяемости сложного из простого в нововременной культуре, подчеркнем лишь, что конкретизация его природы обуславливалась силой редуccionизма и фундаментализма взглядов того или другого автора. Скажем, Бэкон закладывал в базис материи 19 видов движения, тогда как Декарт — одно: "Я... знаю только одно движение" — механическое перемещение;

— креативен — творим, порожаем, создаваем в результате более или менее целесообразного сочетания рациональных форм;

— условен — внешняя, феноменологическая атрибутика мира фиктивна: "внешние вещи — лишь иллюзии и грезы"⁷.

Лекари Р. Избр. произв. М., 1950. С. 340.

115

Скрытая за явленностью подлинность мира — вместилище, обиталище, ристалище разума;

— инструментален — систематика праформ, проинтерпретированных в базовых предельных понятиях, развязывает энергию интеллектуального созидания мира. В духе данной парадигмы в зависимости от предметного наполнения "созидания" и складывались программы *Ars Magna* либо опытного, либо рационального толка. Одна ветвь — экспериментальный герметизм натуральных магов от Р. Бэкона через Парацельса, Вейгеля, Диппеля к Ф. Бэкону. Другая ветвь — логический герметизм умозрителей-схоластов от Луллия к Лейбницу. Станным, неожиданным образом обе ветви переплелись в методологическом активизме Декарта, последовательно, страстно развенчивавшем "отрешенную" и оформлявшем "практическую" философию, "с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы"⁸.

Запомним это многозначительное "стать господами и владетелями природы".

4. Изнанка символизма. Многотрудный опыт смотрящих поверх вещей символистов, обосновавших в качестве небанальной возможности, что мир есть "умозрительная конструкция мира", открыл величайшую страницу человеческой истории, предписывающую вверять свою судьбу *ratio*. Уточним: чему? Ментальным условностям, идеальным предвзятостям, схематическим нарочи-ностям, в пределе выказывающим культуртрегерскую агрессивность некоей вирулентной тенденцией плодить ужасный конец и ужас без конца. Выскажемся обстоятельнее.

Оправданная в плане преодоления наивного реализма, адекватная в гносеологических границах заложенная Коперником, Галилеем, Декартом новая мыслительная культура, перекрыв свои естественные контуры, универсализировавшись, превратилась в преобладающее умонастроение, принципиальную позицию: *ordo et connexio rerum* — дериваты *ratio*. Это именно тот случай, когда конечный смысл оказался намного шире вызвавшего его повода. Гносеологически респектабельный символизм в образе и подобии социального конструктивизма, методологического инструментализма, личностного активизма составил оплот

⁸ *Декарт Р.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 286. 116

крепящейся на прямолинейном обмирщении абстракций безудержной техники вселенского рукотворения.

Дело не расходилось с мыслью. Если установлено фундаментальное, незыблемое, исчерпывающее реальность знание, то по нему, беря в руководство *Ars Magna*, возможно творить, сотво-рять, перетворять реальность. Поскольку внутренний мир может родиться из разума, постольку родившийся из разума мир — величайший.

8 этой до мозга костей символической парадигме непредумышленно, но фатально, к несчастью, упущено одно: из разума родится не внешний, а внутренний мир. В последнем, действуя согласно объективной природе, без принуждения, мы свободны. В первом, действуя согласно объективной природе, по необходимости, мы зависимы. Натурально мы можем считаться творцами внутреннего, а не внешнего мира.

Некритическое же распространение прерогатив разума с внутренней на внешнюю природу означало монструозное отождествление истины и блага, достоверности и оптимальности. В результате справедливость пошла в ущерб жизни, правда повела к пропасти. Злокачественное смещение адекватного и лучшего превратило существование в своеобразный театр жестокости — театр, в котором упразднились атрибутивные

сценическому действию родовые признаки — условность, отстраненность, декоративность. Неумность дерзаний обрела плоть искаженных, иллюзорных реалий: разум своими собственными, почерпнутыми из себя истинами создал из внешнего мира замороженное царство механической лжи⁹.

Ното думающий превратился в ното насилующего. Став заложником умственного схематизма — формальных символов и символических форм, через которые человек теплил надежду обрести свободу ("стать господами и владельцами природы"), он нашел безысходное, невыносимое, постыдное рабство. Рабство, вызванное пребыванием в самоустановленном рациональном мире.

5. Репрессивный мир. Репрессивность рационального миропорядка без чести и признаков совести сказывается в сужении жизненного пространства, сползании в горячее (индустриализм, консюмеризм) и холодное (бездушный расчет, безликий типизм, падкость на эрзацы, суррогаты) варварство. Движение к материальному, телесному, культурному низу предопределяет то, что

⁹ См. также: *Шестов Л.* Соч.: В 2 т. Т.2. М., 1993. С. 316.

117

наука имеет дело с отраженными явлениями — не с миром, а с его частичными, всегда бледными концептуальными копиями:

— наука — идеализированное всеобщее, необходимое, непреложное, универсальное знание — изгоняет сопутствующее единичное, уникальное, преходящее; последнее деформирует единое — самотождественное, абсолютное, инвариантное, идентичное, являющееся предметом теории. Насколько же лишенная индивидуального присутствия концептуальная образность жизненно правомерна — большой, нерелефлируемый наукой вопрос;

— абстрактные модели, конструкции, убивая тайну жизни, вводят императивы рационального, целесообразно выверенного ее устройства. На каком основании существование человека становится заложником понятий? Разумеется, хочется жить лучше. Всегда. Везде. Но почему это "лучше" сообщают категориальные фикции? Есть множество свидетельств тому, что основоположные, рациональные истины превращаются в "пернатые сновидения" (Шестов);

— инструментальная презумпция безграничных возможностей, взыскующая экспансии, как таковая, безопорна; активистская идеология человекобожества или богочеловечества не имеет ни морального, ни глобального оправдания;

— рациональные регулятивы, схемы не дают, а требуют. От кого? Преимущественно от жизни, человечества. Но жизнь, человечество, их место в экзистенциальном процессе не предмет умозрений. Конструктивная мощь, интеллектуальная добросовестность поиска не захватывают искренности, правдивости, чистосердечности. Курирующие многообразные формы вовлечения и участия, жизнерадостные инстанции не санкционируются наукой. Раскрывать тайны духа — удел творчества, не исследования. Жизнь — драма, чистое, универсальное событие — разворачивается вовне знания;

— наука суть логоцентристский способ удостоверения истины с позиций каузальности, причинно-следственной связности, дискурсивности. И только. Бессмысленно и опасно распространять ее на экзистенциальные комплексы — такие, как "душа", "мораль", "причастие". Отсюда: власти, на которую претендует абсолютный разум, у него нет. Жизненно возможно то, что ментально (логически) бессмысленно. Истина часто приходит в жизнь, не предъявляя никому оправданий¹⁰.

¹⁰ См.: *Шестов Л.* Указ. соч. С. 401.

118

"Если хочешь, чтобы все тебе подчинилось, подчинись разуму", — назидает Сенека. Допустим, подчинились. Что из того? Ответ на вопрос — в запросах, нашедших утолнение в рационалистической парадигме Просвещения. "Бог не дал людям никакого

другого средства, — утверждает Тиндаль, — кроме разума. **Бог** сделал нас мыслящими существами, и разум подтверждает, что такова Его воля, чтобы мы действовали по достоинству нашей натуры". Итак, мотив человекобожества — богочеловечества. Мотив сомнительный, обнажающий непотребность:

— исходно — в дидактически-деструктивной интенции утвердить на Земле "царство разума" посредством воплощения идеального мира мечты, где автор его — "властелин безраздельный":

Создал я в тайных мечтах Мир идеальной природы, — Что перед ним этот прах: Степи, и скалы, и воды.

— завершающе — в социальной механизации, практике общественных коновалов, попирающих естественный природный, гуманитарный порядок.

6. "Естественный" порядок. Избытком мысли, как известно, поразить нельзя. Но нечто подобное предприняло Просвещение, обогатившее размышление понятием "естественного" миропорядка. "Обязанности, которые мы должны выполнять по отношению к себе подобным, — настаивал Даламбер, — относятся главным образом и исключительно к сфере разума, поэтому они единообразны у всех народов". С ним не расходился Вольтер, допускавший наличие естественных законов, с которыми "должны соглашаться люди всех частей света". Человеческие зависимости, обязанности рациональны, следственно, всеобщы, типичны. На этом основании:

— проводится рационализация природы, истории;

— обоснуется платформа целесообразно-совершенного обновления, обустройства мира.

Квиетистская доктрина "Царства Божия" заменяется активистской доктриной "царства разума". Достижение гармоничного, свободного, справедливого, чаемого связывается не с провидчески дарованной благодатью после Судного дня, а с собственным утверждением, самостоятельностью. Само-деятельностью по естественным, составляющим компетенцию разума, т.е. не сверхъестественным, канонам.

На данных пресуппозициях налаживалась линия борьбы с догматизмом, фидеизмом, клерикализмом, обскурантизмом,

119

реакционным фанатизмом, традиционализмом, создающая в общественном сознании стереотип мощи, величия, преобладания разума. Легкое соскальзывание с почвы реалий на почву разума компенсировалось многообещающе-энергичным: разум — орудие устройства, рычаг преобразования действительности, средство обеспечения прогресса, источник авторитета.

Суд разума как высший внеприродный, внеисторический трибунал, таким образом, подвел к необходимости оразумления мира: человек — владетель природы, господин истории лишь вследствие устройства их по разуму.

Если прав Ницше, утверждающий, что в безумии есть разум, то правы и мы, утверждающие, что в разуме есть безумие. Безумие разума — некритическое покусительство на позитивную объективность: язвительная насмешка над наличным бытием" оборачивается самым беспардонным, тлетворным разрушением сущего.

7. Разрушение сущего. Бог исключителен — превыше его ничего немислимо. Понимание этого стимулирует ансельмовское онтологическое доказательство бытия Божия. Возможно ли сблизиться с Богом в каком-то уподоблении? Возможно. Как утверждает Плотин, отрывая внимание от внешних вещей, сосредоточиваясь на себе, возможно приобщаться к дивной, великой красоте и убеждаться, что судьба предназначила нас к чему-то высшему,

В отрыве от внешних вещей, сосредоточиваясь на самих себе, созерцая дивно, велико красивое, мы наполняемся убеждением соития, причастия Божескому. Высшее, стало быть, приходит в героико-творческом. Последнее — не принуждение, а благодать, состояние парадиза, катарсиса — те мгновения откровенной чистоты, глубокой

взволнованности духа, когда обретается необретаемое, достигается недостижимое — воля человека-демиурга становится Божьей волей. Волей избранника — творца. Именно в героико-творческом мы боги.

Между тем в действительности нам очень далеко не то что до Бога, но даже до царя Мидаса, который обращал в золото все, к чему прикасался. Идея богоравности человека кажется натянутой, пустой без детализации способа перевоплощения. Искомой детализацией явилось развитое философией Просвещения учение о рациональной обязанности "формировать жизнь" посредством упорядочения. В плоскость рационального упорядочения и закладывалось взаимопроникновение Божеского и человеческого.

¹ См. также: Гегель Г.В.Ф. Соч. Т.IV. М., 1959. С. 279. 120

4

Подчеркнем то, что, во-первых, Бог заменен Разумом. "Представляется очевидным, — замечал Вольтер, — что существует необходимое безличное разумное начало, вечное, высшее; оно... не истина религиозного верования, а истина разума". Подчеркнем и то, что, во-вторых, Бог заменен Упорядочивающим разумом. Бытие ума есть он сам: "Одно и то же — мыслить и быть", — утвердил Парменид. В отличие от иных типов духовности мышление — самосущее — способно переводить приятную мысль в приятную существенность. Переводить *за* счет упорядочивающего обмирщения. По этой причине — кредо: кто скажет, что мир создан для славы Божьей, — анафема; кто скажет, что мир создан для славы человеческой, — аминь!

"Соловьи клюют бабочек" (Фет) — невольный возникающий порыв подправить мир, привнести в него желанную целесообразность составил стержень просвещенческой (кстати, и масонской) доктрины обработки "дикого камня" для строительства братского, свободного, совершенного здания существующего по правилам *ratio* мира. Настанет момент, импровизировал Кондорсе, когда "Солнце будет освещать Землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума, когда тираны и рабы, священники и их глупые лицемерные орудия будут существовать только в истории или на театральных сценах"¹². Момент этот ни на веку Кондорсе, ни впоследствии не настал. Настал другой момент — момент подмены мира идеально-символической конструкцией, инспирирующей пересоздание ветхого облика *природы*, истории, человека по началам разума. Безвольному миру теистического, чистого созерцания Просвещение противопоставило волевой мир "научно реформируемых", "естественных" потребностей и желаний.

"Однажды все станет лучше — вот наша надежда", — декларировал Вольтер. Его декларация — не упование. Перед нами осмысленная программа "умного делания": по ходу разумных, просчитанных, обозримых акций достигается потребное, "естественно" планируемое. Разум в данной редакции, что очевидно, — онтологически творящая стихия: не формальный (объяснительный, обосновательный, интерпретативный, рефлектирующий) ресурс, а ресурс материальный — преображенческий. Не Маркс совершил переворот, сообщив философии пафос "преобразования". Это заслуга идеологов Просвещения, заменивших традиционную трактовку разума в модусе "интеллект" нетрадиционной

¹ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 227-228.

121

трактовкой его в модусе "действие". Именно здесь истоки безудержного насильственного экспериментирования над реальностью, именно здесь корень мобилизующего техноморфизма.

Теория сама в себе не включает ни положительного критерия, ни критерия положительного. Это, невзирая на принцип *cogito*, представлял себе Декарт, выдвигавший уравновешенное: а) не следует разрушать дома в городе с целью сделать улицы красивее;

б) неразумно "замышлять переустройство государства, изменяя и переворачивая все до основания, чтобы вновь его восстановить"¹³. В полной нашей власти наши мысли, но не мир.

Совершенно иначе, спустя недолгое время, рассуждал Вико, утверждая: "Гражданский мир целиком сотворен людьми по их разумению, ибо они не могли не искать и не найти, в конце концов, тех принципов, согласно которым меняется сам разум".

В Символе веры относительно "публичного" применения разума — сколько же тут ошибочного? Ошибочным на поверку оказывается буквально все — от допущения добропорядочности творимых (а не только мыслимых) реалий до допущения солидности доктринальных расчетов, эти творимые реалии вызывающих. Разум и реалии не идентичны. "Разум действует так, словно он свободен и на него возложена (кем, как? — *Авт.*) ответственность, но он существует в пустоте"¹⁴, — говорит Поульсен. Пустота символического комбинирования сущим влечет смерть — складываются фигуры нежизнеспособного, превращенного существования.

8. Превращенное существование. Бытие-к-смерти в превращенной реальности — подобие пребывания в "китайском саду". "С высоты разума, — высказывает Гете, — вся жизнь представляется злым недугом, а мир — сумасшедшим домом". В чем заветный выход? В гражданских, хозяйственных, политических, социальных трансформациях, которые под эгидой символического упорядочения реализуются как бездостижительные блуждания. Подобная практика — следствие первоисточного разбаланса проектов и позитивных итогов, замыслов и действительных претворений.

Во-первых, разум не мера всего сущего. Системы рационального символического и системы живого человеческого миров изначально не скорректированы. Абсолютно прав Бейль, сомневавшийся в добропорядочности рассчитанной по разуму, "естест-

¹³ Декарт Р. Соч. Т. 1. С. 257. Называть вещи своими именами. М., 1986. С. 435.

122

ВеННо^v спланированной реальности, так или иначе, — полагал он, — она окажется близорукой, ошибочной, недостаточной. Жизнь не следует символическому разуму, разум преследует несимволическую жизнь.

Во-вторых, упорядочивающие символические схемы, рецепты, понятия имеют тот изъян, что горько и тяжело изживаются. Лучший, ближайший способ вызвать кризис — начать непосредственно, прямо объективировать символические идеи (идеалы), которые не могут быть выражены действительностью.

Конструирование из наличного бытия того, что его превосходит, чревато осложнением: насколько потребное, превосходящее бытие отвечает сущему? Осложнение усугубляется полным пренебрежением имеющейся здесь капитальной темы, отметаемой вследствие просвещенческой самонадеянности, идущей от веры во всемогущество разума. Культ разума отменяет необходимость рефлексировать потенциал разума: Бог в Просвещении заменен Разумом, а Разум Богом; тождество одного и другого вводит единый образ совокупного техноморфного понимания (постижение мира, критическое избавление от суеверий, предрассудков) и действия (преобразование природы, творение истории, создание нового человека), равно заинтересованного и в духе системы, и в духе метода, и в субстанциальных и в функциональных инспирациях потребного.

Помысленное как потребное — да воплотится! — насколько данная, пропитанная пафосом титанизма (добавим — и инструментализма, механицизма) стратегия справедлива? Насколько оправданно из сферы символически предположительного переводить формы в сферу материально бесспорного?

Предваряя ответ, выскажемся однозначно критически относительно диалектики Просвещения, оказавшейся диалектикой обмирщения символов, а значит, диалектикой умерщвления жизни.

Смешное бывает великим — Дон Кихот, — но не наоборот. Великое бывает не смешным — ужасным. Трудно принять, однако же верно: рационально ("естественно")

устроенная жизнь не состоятельна. Справедливость сказанного оттеняют такие моменты.

1. Содержание персональной истории не покрывается "утверждением разума". Полагать обратное значит надевать на многомерного, живущего полнокровной жизнью человека ошейник с шипами. "Верить надо, верить, без веры нельзя", — выражает авторские убеждения толстовский герой из "И свет во тьме светит", но не верить в то, что говорят другие, а в то, к вере во что подводит ход мысли, в общем и по преимуществу

123

самое разум. Очень часто, однако, ход мысли, разум подводит к культурно отрицательным результатам, химеричным порядкам, адовым сочетаниям. Нельзя не признать: все это в полной мере довелось испытать Толстому. Как подчеркивает Шестов, если справедливо, что «разуму дано сближать и объединять, то очевидно, что над семьей Толстого, после его обращения, стало витать начало, разуму прямо враждебное. Все близкие возмутились против него, и в доводах, приводимых им в свою защиту и оправдание, никто не находил ни малейшей убедительности. Наоборот, все если не знали, то чувствовали, что за доводами притаилось то начало безумия, о котором рассказывает Толстой в "Записках сумасшедшего", и боролись с ним насколько могли — увещеваниями, просьбами, угрозами, даже силой»¹⁵. Тщетно. Не выдержав гнетущего разобщения с домашними, Толстой в безысходности покидает их.

2. Содержание социальной истории не выражается "утверждением разума". Перипатетики развивали логику доказательства. Бэкон, Декарт, систематики Пор-Рояля — логику открытия. Деятели Просвещения дают начало новой логике — логике нарочитого, тенденциозного, символического реформаторства — логике насилия.

Sancta superbia Просвещения — апология свобод, прав, достоинств, призваний человека. Центральный ее пункт — антропологическая акцентация: человек как индивид — сгусток ("машина") "естественных" потребностей, инстинктов, склонностей — вполне стандартен. Натуралистическая трафаретность, шаблонность человека имплицитно соответствует социальной акцентации: человек как личность — средоточие столь же "естественных" стандартных гражданских качеств. Доктринация "естественности" соматических и социальных ролей, функций, статусов человека венчается унификацией субъектов "публичной" жизни по тождественности, подобности, идентичности вовлечения, участия. Эксплуатируемая в системе совершенно определенных содержательных установок указанная доктринация обслуживает интересы активно растущих свобододобивных сил наций, стимулирует борьбу с привилегиями, выгодами по рождению за а) установление единообразного отношения опять же к "естественным законам"; б) отмену юридического (сословного) неравноправия, неравенства.

В духовной плоскости борьба Просвещения с "неестественным" волюнтарным феодальным истеблишментом протекала как

¹⁵ Шестов Л. Указ. соч. С. 115.

124

монументальная правовая эпопея — доктринация правосознания — идеология правопорядка, правозависимости, правоприменения, экспликация ни при каких обстоятельствах не отчуждаемых, "естественных" прав и свобод человека (учения об общественном договоре, естественной нравственности, естественном праве). В практической плоскости борьба Просвещения с феодализмом протекала как грандиозная гражданская эпопея отстаивания народного приоритета и суверенитета.

Непреходящие вехи этой борьбы — Манифесты 1776 и 1789 годов американского и французского народов. В Декларации прав, принятой представителями доброго народа, собравшимися в полном и свободном согласии в Вирджинии, говорится: "Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах, которые не могут быть ни отчуждены, ни отняты ни при каких условиях... а именно право на жизнь и собственность, право добиваться и достигать благополучия и безопасности". Более поздняя французская Декларация прав человека и гражданина, с незначительной редактурой, почти дословно

воспроизводящая статьи американской Декларации, в числе "естественных" прав упоминает свободу, равенство, собственность, безопасность, сопротивление угнетению.

Итак, "естественные" права и свободы обозначены. Как добиться их выполнения? В письме польскому королю Станиславу Руссо проясняет: инструментом разрушения причин зла (несоблюдение общественного договора, подрыв правопорядка, правозависимости, правоприменения) является революция — столь же ужасная, "как то зло, которое требуется исправить". Прояснение расставляет требуемые акценты. Духовный демарш против несообразностей влечет практическую концентрацию. В результате внимание поглощается не открытием истинного, а устранением ложного.

Terminus a quo Просвещения — "царство разума" через общественный договор, права человека, публичное благо. Terminus ad quem Просвещения — "норма справедливости" через революционный террор, деспотию, узурпацию, гражданскую резню, бойню.

Из Руссо, учит опыт истории, выходят якобинцы. Этим все сказано.

3. Устроение жизни "по разуму" насильственно, самовластно. Художник знает реальность по полету души, наитию. В выражении своего знания реальности художнику обычно мешают слова — их неточность, недостаточность, предзаданность: "О, если б без слова сказаться душой было можно!"; "людские так грубы слова"

125

(Фет). Проблема экспрессии решается либо словотворчеством, расширением запаса языка (у каждого нетривиального художника собственная, адаптированная к закреплению его экзальтации лексика), либо рифмотворчеством: упор на слово, которое вначале звучит, а потом значит, позволяет через словесную форму — ритм, метр, инструментовку, мелодику — задать адекватную смысловую настройку — что "не выразишь словами, звуком на душу навей". Проблема выражения впечатлительности у художника решается, следовательно, эксплуатацией впечатлительности.

Подлинная, искренняя впечатлительность (вплоть до эксцентричности), таким образом, востребована художником; в пределах его творчества, как таковая, она беспредельна.

"Для художника, — выводит Фет, — впечатление, вызвавшее произведение, дороже... вещи, вызвавшей... впечатление".

Ничто подобное не терпимо в науке, изгоняющей впечатлительность критичностью, демонстративностью, доказательностью. Из этого правила, как ни странно, абсолютно выпадает Просвещение, впечатляющая формула реальности которого не удовлетворяет реальности. Коллизия решается маневром, предусматривающим тенденциозный скачок из "мышления" в "бытие". Из получаемого во впечатлении предикативного "нечто", минуя экзистенциальное "нечто есть", Просвещение прямо берется за императивное "нечто должно быть". "Нечто" здесь — символический комплекс "полета души", экзальтированное "царство разума", насаждение коего требует наведения прямого моста от рациональной сферы символической мысли к нерациональной сфере несимволической жизни. Поражающие разумностью, отрешенные формальные штудии в такого рода наведении заменяются поражающими неразумностью, осязаемыми материальными действиями. Понятийная комбинаторика сворачивается, разворачивается зубодробительство; выпренная риторика вытесняется вакханалией революции.

4. Устроение жизни "по разуму" импульсивно, волюнтарно. Осмысление пружин преобразования мира, как утверждалось выше, Просвещение проводило в русле традиционной гносеологической рефлексии: рычаг устроения мира — разум. Между тем реформирующее действие опирается не столько на мысль, сколько на волю. Эта-то капиталнейшая сторона дела опрометчиво обойдена, упущена Просвещением, миропредставление которого при учете данного обстоятельства радикально не полно.

Воля, преодолевая наличное, создает потребное. Потребное — волевой проект,

актуализирующий чаемое. Чаемое "что"? Ответ на вопрос предполагает погружение в объемную тему "Какая сила

126

движет социальным обновлением". Более тщательная разработка ее (темы) влечет понимание: базис обновления — опредмечивание, обмирщение идеалов. Последнее — питательная среда одиозности, проявляющейся в двух отношениях. В отношении того, что идеалы не всеобщие. И в отношении того, что социальные воплощения идеалов не гуманистичны.

О храбрости говорят трусы, о благородстве прохвосты, из проповедей о равенстве людей вытекает жесточайшее неравенство, из пропаганды любви следуют злейшие войны, казни.

Иницирующий потенциал идеала вкупе с мобилизующим ресурсом воли в трансформации объективных реалий влечет деформацию сущего, обостряя объемную проблему гарантий. Ее обсуждением Просвещение себя не утруждает.

На шит поднимается "революционная целесообразность", промыслительность "верховных существ" — вождей, диктаторов. Незатейливый синтез вдохновения с бессовестностью, однако, обременяет волонтарно вызываемую жизнь опасной импровизацией. Называя вещи своими именами, допустимо определить: существование по своевольному импульсу есть негарантийное, а значит, превращенное, ложное существование — "удел беспокойства и гибели" (Шеллинг), синдром застарелой тяжелой болезни.

К чему же болеть, планируя "хрустальные дворцы", рассчитывая "календари" бытия и одновременно отводя человеку неприглядное место — место "органного штифтика", "фортепьянной клавиши" в до мозга костей "подпольной" реальности?

9. "Подпольная" реальность. Впечатлительные книжные люди, гелертеры, строящие жизнь "из реторты", возвращающие новых гомункулов "из пробирки", практикуя сомнительные скачки в трансцендентное (от мысли — к реальности, от разума — к воле), методами социальной инженерии, волонтарной механизации, правового нигилизма формируют откровенно "подпольную" реальность. "Подпольная" реальность — подполье — отлагающийся, выбивающийся из объективности, самоизолирующийся тип бытия складывается через сознательный выход из реалий. Последний — вариант протестного поведения, возмущенного непривлекательностью словно писанной суровыми рембрандтовскими краскам*и жизни. Оскорбленность сознания носителей символически, разумно, идеально высокого вследствие их неудовлетворенности сущим возбуждает будирующую интенцию преодолеть, исключить непотребное. Способами выражения этой интенции служат две линии поведения: а) капсулизация самости — обретение удовлетворения вне гнетущих позитивных

127

явлений — эгоцентризм; б) революционный зуд — репрессивное созидание чаемого — техноморфизм.

Первая линия исчерпывающе фиксирована Достоевским. Вторая линия — предмет предстоящей фиксации.

Тактика поведения в подполье детерминирована стратегией обретения подполья, именно тем, что подполье — среда самая отвлеченная, умышленная, нарочитая. Шиболеты подполья:

— проектизм: подполье — сфера расчетная, экспериментальная, образуется посредством символических интервенций в реалии — горстка носителей, выразителей "разумного", "добротного", "вечного", предписывает природе законы, устанавливает истории пределы, диктует правила избавления от душевной качки человеку, она сеет в миру "идеальное";

— примитивизм: сценарий бытия идеального, с одной стороны, посыпающий прахом наличное, а с другой — несущий его родимые пятна, ввиду недостатка авторской

впечатлительности безнадежно элементарен, безмерно убог;

— деспотизм: транслитерация с языка разума на язык жизни по определению репрессивна; гарантия долговременности устанавливаемого преобразованного порядка, на который ввиду его символичности рано или поздно ополчается реальный порядок, — такое же принуждение, каторга;

— парадоксализм: культивация благодатной почвы, дающей надежду страждущим, счастье отчаявшимся, спроецирована на нивелированных граждан, типологичных "общечеловеков"; она не приспособлена к учету запросов конкретных людей. По этой причине подполье антиномично. На поверку оно — сочетание несочетаемого: счастья и несчастья, высокого и низкого, мечты и действительности, вселенского прекрасного будущего и пасквильного личностного настоящего, "хрустального дворца" и "курытника", роскоши и нищеты, красоты и безобразия, свободы и подчинения, героев и толпы, хозяев мира и рабов, "социальных пауков" и "расчетных единиц" человечества;

— волюнтаризм: в инкорпорации идеалов в "человеческий муравейник" нет заветной логики, все здесь — сплошной порыв, досадный сбой, флуктуация. Иного не дано. Нельзя быть застрахованным от казусов, эксцессов спорадичной динамики впечатлительности, не исключающей, что где-нибудь, когда-нибудь, как-нибудь, в очередной раз придет какой-нибудь кто-нибудь, "упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом"¹⁶;

¹⁶Достоевский Ф.М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1975. С. 113. 128

— герметизм: подполье устроено по герметичным принципам: а) "что вверх, то и вниз". Вверх — впечатляющий символизм — рациональные схемы реальности; вниз — символическая впечатленность — реальность рациональных схем в личинах феодальных типов вкупе с человеческим подножием — материалом для экспериментирования; б) "рокировки событий". Начало подполья — апокалиптическое мгновение просветления. Далее — полет впечатленной мечты, творение неправомерных форм, где удел человеческой жизни — "лишения, горе, плач, мука" (Шопенгауэр). И — безрадостный, но неотвратимый конец — апокалиптическое мгновение смерти.

Несомненно, подполье — сложный переплет признаков, свойств, отношений, пронизанных тем не менее, точно молнией, сквозной антиномией символ — мир, мечта — реальность. Попытка из топоса символической мечты рассчитанным волевым броском переместиться в топос мировой реальности, преодолев ненавистный предел, перебраться в предел обетованный, разумеется, сопровождается и обмельчанием символа, и посрамлением мечты, однако много важнее и неприятнее то, что она разыгрывает партию революции.

10. Партия революции. Экзальтированные символические системщики Просвещения, они не отдавали себе отчета в том, что чистый разум не обладает суверенностью по отношению к миру. Модус человеческого существования не модус чистого разума — это модус жизни, к чистому разуму не сводимый. Ждать просветления, что жизнь — не поле символических инкарнаций, пришлось долго. В его же отсутствие миннезингеры разума — деятели Просвещения, не проводившие различия монолога Фигаро о свободе слова со свободой слова, с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, принялись за пересадку полных условностей фигур разума на безусловно значимые фигуры жизни. Пересадка обернулась трагедией революции.

"Вся наша европейская культура... как бы направляется к катастрофе"¹⁷, — сетовал Ницше. В силу чего? В силу злокачественности техноморфизма.

Противоположность мышления и бытия, подчеркивалось выше, безболезненно снимается в Боге: помысленное Им прямо сбывается в Его воле. Далека от этого схема ситуации в случае человека, неспособного непосредственно в воле совместить проект и реализацию. Бог безграничен, всемогущ; человек ограничен, немощен.

¹⁷Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1910. С. 3.

Просвещенческая идентификация Разума с Богом и Человека с Разумом, ответственная за пресловутое обожествление человека, вызвала складывание двух болезненных комплексов: комплекса Прометея и комплекса Зевса. Один инициирует тенденцию дерзать. Другой — тенденцию властвовать. Комбинация этих комплексов создает критическую массу замороженных, возбужденных людей, готовых выбивать естественные опоры из-под объективных природных, исторических, жизненных реалий. Последние воспринимаются под углом зрения потребных перемен — рациональных привнесений разума.

Почему европейская культура стала именно такой, какой стала, — культурой, "исполненной послушания, рациональных форм господства, полезности и расчета" (Фуко)? Вопрос имеет однозначный и притом очевидный ответ: потому что нагружена комплексами Прометея и Зевса — утилитаристско-манипуляторскими, панлогистскими, сциентистскими маниями насаждать, конструировать и через это потреблять, властвовать.

Такая система, такой тип сознания, именуемый миротворением, оставляет человека без отстраненной, загадочной, заколдованной реальности. Реальность, подмененная идеей — проектом реальности, разгадывается, расколдовывается, превращается в компендиум азбучных испарений. Содержание жизни исчерпывает производство артеактов и артефактов. Содержание существования исчерпывает наращивание аппарата комфорта. Бескомпромиссный, всесторонний, всеобъемлющий суд разума, следовательно, закрепляя техноморфизм, трансформирует бытие в постав, существование в аппликатуру.

Добрые старые времена, когда природа, история пребывали в доразумном состоянии (в своей позитивной наличности, перво-зданности), дискредитируются как предыстория. Они идут удобрением на вершение "подлинной" разумной истории, не требующей никаких предпосылочных оснований. Просвещенческая философия миропонимания откровенна и пряма: неразумное — недействительно, недействительное — неразумно. Стержень мирового процесса — утверждение разума.

Если это так, спрашивается: а) каков носитель разумного? б) в какой форме утверждение разумного протекает? Тематизация данных, не посторонних вопросов выполняется в традициях жесткого нормативизма. Платформа Просвещения предельно ригористична:

— носитель разумного — ассоциированный интеллект просвещенной элиты (системщиков-доктринеров), предошущающей магистрали потребного прогрессивного исторического развития;

130

⁻¹ оплот разумного в истории — естественные законы, сообщающие жизни гражданскую правомерность. Торжество последней — идеальное, в действительности не достигаемое состояние, блокируемое суетой сует, стадным бесцельным бегом. "Страсти государей", "долготерпение народов", "лесть придворных", — выводит в "Персидских письмах" Монтескье, — подтачивают законосообразность существования. Способ его восстановления, уточняет Гольбах, — вооруженный бунт: "Если народы доведены до отчаяния и совершенно несчастны, то у них есть последнее средство — оружие; и с риском гибели они могут попытаться положить конец своим страданиям".

В сказанном заслуживает подчеркивания прагматический элемент: привнесение разумного в жизнь толкуется не как духовная, а как практическая задача; утрируется политическое — не нравственное освобождение.

"Дух разрушающий есть дух созидующий" (Бакунин) — самая короткая и точная формула просвещенческого духа, вдохновляемого комплексами Прометея и Зевса.

Ограничься мы констатацией этого, наше безусловно верное суждение страдало бы неполнотой. Суть в том, что инициирующие тенденции дерзать и властвовать дополняются в Просвещении характерной тенденцией отождествлять идеал и реальность. Так складывается своеобразный комплекс Пигмалиона, индуцирующий позицию

беспредпосылочности, прозрачности, неопосредованности связей символов (идей, идеалов) с действительностью.

Воля дерзать, воля властвовать, воля отождествлять — комбинация трех этих волей и соответственных комплексов Прометея, Зевса, Пигмалиона дает отвечающую полноте картину, позволяющую воссоздать социальную диссеминацию Просвещения.

"Разум, — выносит вердикт Ницше, — опасная, подкапывающаяся под жизнь сила"¹⁸. Почему? Потому что в социотехническом чудотворчестве по объективации идеалов (в сочетании трех волей и трех комплексов) не оставляет камня на камне от жизни.

Bis dat qui cito dat, — говорили древние римляне. Не везде, не всегда, не во всем. Как мы теперь представляем, скорый дар не только не ценен, но крайне опасен в вопросах социального устройства. Тем более он опасен в социальном устройстве, замышляемом рабами передовых идей — отстраняющимися от массы представителями "размышляющей публики", всякого рода

¹⁸ Ницше Ф. *Ессе Homo*. М., 1911. С. 72.

131

прогрессистами, авангардистами, системщиками-символистами — носителями идеалов, которые выдвигаются на авансцену событий вначале как доктринеры, потом как индоктринеры, затем... Затем — слушай, смотри, молчи. Наступают новейшие времена, необычайные отрезки истории, где всякому уготовано по его доле. О, если б эти времена были докторальными!

Прихотливая вязь символических впечатлений (рациональных условностей, утопий, вымыслов), скрещенная с неразвитым вкусом толпы, вызывает гражданскую детонацию. Следует приготовиться. Каждый становится участником непосредственного миротворения.

Революции истинны как цели, тенденции и ложны как результаты, воплощения. Это общее убеждение неизменно укрепляет опыт любой революции, демонстрирующей завидную восприимчивость к неразумной стихии зла. Не является исключением и подготовленная Просвещением Великая французская революция, задуманная как торжество "дня разумного мира", а завершенная как торжество "дня неразумного гнева", обратившего мир в пепел.

Смысловая реконструкция протекания революций позволяет выявить некую присущую им логику:

1. Назревание гражданского кризиса: социальный кризис, вызванный разбалансированием жизневоспроизводительных укладов, технологий устройства, способов обмена деятельностью, обеспечения выживания¹⁹. Это обычно: государственные банкротства, неурожай, торгово-промышленные сбои, бедствия, обуславливающие резкое усиление гражданской активности народа, пытающегося получить гарантии жизнеобеспечения. Форма заявления народной воли здесь — стихийный протест: голодный бунт, демонстрация, предполагающие привлечь внимание властей к бедственному положению демоса (ср. с выступлениями шахтеров, работников бюджетной сферы, ликвидаторов Чернобыля, контрактников, жителей Приморья в современной России). Если власть оперативно и удовлетворительно реагирует на нужды населения, народ улучшает существование, протестная активность снижается, жизнь входит в ламинарное состояние. В противном случае — в случае игнорирования властями требований (вполне естественных) народа, вмешательства отягощающих, дестабилизирующих факторов (пропаганда, агитация, под-

¹⁹ Подробнее см.: Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности*. М., 2000. С. 18—20.

132

рывная работа политических оппонентов) — турбуленция нарастает.

2. Гражданский кризис: перерастание социального кризиса в политический. Неудовлетворенный протест народа входит в фазу антиправительственных выступлений с

требованиями отставки властей, изменения политического *строя*, *смены* режима. Воля народа заявляется здесь как в легитимной (при наличии политической трибуны), так и нелегитимной (восстание, вооруженный мятеж) форме.

3. Разрешение гражданского кризиса: политическая трансформация с последующей социальной модернизацией. Сама по себе поливариантна, реализуется в диапазоне: инволюция (реставрация) — эволюция (ненасильственная реформация) — революция (насильственная инновация).

Через призму этой схемы посмотрим на динамику буржуазно-демократической революции во Франции 1789—1794 гг.

(I). Вполне стандартная фаза социального кризиса, спровоцированного государственным банкротством, финансовым, торгово-промышленным ступором 1787—1789 гг., усиленным неурожаем 1788 г. Заявление воли *доведенного до отчаяния, стремящегося* получить необходимые гарантии жизнеобеспечения народа вылилось в череду голодных бунтов, крестьянских, плебейских восстаний. Перспективу урегулирования обстановки законная власть (король Людовик XVI) в 1787 г. связывает с собранием нотаблей (потомственная, должностная аристократия, олигархия); по провалу мероприятия — с высшим сословно-представительным учреждением *страны* — Генеральными штатами, решение о созыве которых принимается в августе 1788 г.

Неспособность короны оперативно отреагировать на нужды крестьянства и городской бедноты усиливает политическую активность масс: выступление демоса в Марселе, Тулоне, Орлеане, потрясшее устои кровопролитное восстание в Сент-Антуанском предместье Парижа. Власть утрачивает кредит доверия народа. События из ламинарной фазы *социального кризиса переходят* в турбулентную фазу гражданского противостояния.

(2). 5 мая 1789 г. открываются Генеральные штаты, деятельность которых, однако, демпфируется процедурными экивоками. Не выдержав формальной рутины, 17 июня собрание депутатов третьего сословия провозглашает Генеральные штаты Национальным, а 9 июля Учредительным собранием — высшим представительным и законодательным органом страны, призванным выработать Конституцию. Попытка правительства разогнать собрание инициирует развертывание антимонархической (антиаб-

133

солютистской) революции. Основные вехи ее таковы. 1789 г. — взятие Бастилии; принятие Учредительным собранием Декларации прав человека и гражданина. 1791 г. — введение цензовой Конституции. Период с 1789 г. по 1791 г. отмечен активной законотворческой деятельностью Учредительного собрания *по* реформированию социально-политических устоев. Заслуживают внимания акции по отмене сословного деления, конфискации церковных земель, переходу к новому административно-территориальному районированию, уничтожению внутренних пошлин, упразднению правительственного регламентирования производства. Одновременно для укрепления гражданского порядка, канализации протестных движений приняты документы сдерживающего порядка: октябрьский 1789 г. закон, разрешающий в борьбе с народными восстаниями применять военную силу; июньский декрет 1791 г., запрещающий рабочим проводить стачки, объединяться в союзы. Все — стандартно.

Изменчивая тень борьбы и условий (исторической конкретики), однако, по своему редактирует ток событий. Возникает отягчающее обстоятельство: Вареннский кризис. Старая власть (корона) в надежде восстановить трансформированный *status quo* ставит на контрреволюционный переворот, иностранную интервенцию. Для новой власти (Учредительное собрание) возникает дилемма: либо сохранить, либо ликвидировать монархию. Поскольку нашлись сторонники как одного, так и другого, политическая элита раскалывается. Складываются группировки фелья-нов (конституционалисты-монархисты) и кордильеров (противники монархии). Раскол, незамедлительная сшибка фрагментов

новой политической элиты исключают возможность действенного управления. В сентябре 1791 г. Учредительное собрание расходуется, уступая место избранному по цензовой системе Законодательному собранию.

Политико-гражданская поляризация нового управленческого органа (фельяны — консерваторы-олигархи; жирондисты — либерал-буржуазия; монтаньяры — ради кал-демократы) также препятствует налаживанию эффективного курса реформ. Социально-политический кризис углубляется: производство падает, безработица увеличивается, цены растут, народ голодает, аграрный вопрос не решается, феодально-абсолютистские, компрадорские слои активизируются.

События переходят в эфазу: противоречия в политической элите перерастают в открытый конфликт якобинцев с жирондистами; роялисты во главе с королем, вступая в сговор с иностран-

134

ными интервентами, откровенно изменяют Отечеству; Законодательное собрание дискредитируется бездействием.

Далее — череда стремительных непредусмотримых изменений, фиксируемых нами в языке исторических протоколов. 1792 г.: 10 августа — низвержение монархии; 20 сентября — открытие национального Конвента; ноябрь — изгнание войск иностранных захватчиков. 1793 г.: 21 января — казнь Людовика XVI; весна — война с коалицией европейских держав (Англия, Австрия, Пруссия, Голландия, Испания, Сардиния и др.); углубление экономического кризиса и, как следствие, — обострение политической борьбы; парижское народное восстание 31 мая — 2 июня — установление революционно-демократической диктатуры якобинцев; принятие новой Конституции, новой Декларации прав человека и гражданина (основными правами человека объявлены свобода, равенство, безопасность, собственность; в качестве основной цели общества провозглашено "всеобщее счастье"); практический отказ от соблюдения Конституции, введение жесткого центрально-административного регулирования (реквизиции, карточный режим распределения, закон о "максимуме"); развертывание массовых репрессий в подавлении контрреволюции (сентябрьский закон о "подозрительных"); введение революционного террора. 1794 г.: вантозские декреты; ликвидация гласной оппозиции (разгром дантонистов, эбертистов); кризис якобинской диктатуры; 8 июня — внедрение культа "верховного существа" (первосвященство Робеспьера).

Ошибался Ленин, полагая, будто историческое величие якобинцев состояло в том, что они были "с народом". Ничего подобного. С народом якобинцы не были. Они не жили его нуждами, не выражали его ценностей. Ко всему прочему якобинцы не улучшили, а определенно ухудшили материальное положение масс.

Что революции "созидают" — является одним из расхожих заблуждений, устойчивость которых (лучше сказать, безнаказанность) объясняется игнорированием одного принципиального обстоятельства, а именно революции являют вариант выдохшегося социального оптимизма, не способного на большее, нежели установление темного, мрачного подпольного существования, где жизнь не только падает в цене, но натурально обесценивается. Поскольку жизнь есть самоцельное повышение ценности жизни, постольку обесценение ее и *порочно, и недопустимо*. Но это разоблачает революцию как ресурс "созидания".

(3). Великая французская революция началась одухотворенной борьбой за высокие начала свободы, демократии, равенства,

135

завершилась же погромом. 9 термидора произошел контрреволюционный переворот, прервавший цепь революционного, ничем не скованного насилия. Гражданский кризис разрешился термидорианской реакцией.

Кто не помнит прошлого, вынужден его повторять. Печальный опыт кровавой французской революции учит: гуманитарные ценности не могут отстаиваться

негуманитарно. На красный террор якобинцев жирондисты ответили белым террором. В августе 1795 г. Конвент принимает очередную Конституцию. Устанавливается диктатура Директории. 18 брюмера 1799 г. ей на смену идет единоличная диктатура Наполеона. Демократическая революция подытожилась самовластьем.

Разум бессилен перед мечом, вынутым из ножен с одной целью — чтобы убивать, подчеркивает Камю. Пикантность в том, однако, что в определенных условиях, поощряя обнажение мечей, разум сам проявляет себя как грозная, убойная сила. О каких условиях речь? Об условиях непосредственного обмирщения разумных порядков, правил, предписаний.

Исходная аподиктичность системного, символического, отвлеченного, построенного по закону достаточного основания разума предопределяет его репрессивную догматичность и дидактичность в отношении жизни: созданный для учительства, чистый разум не приемлет ее несистемного, несимволического, не-отвлеченного строя. Возникающий "естественный" соблазн сблизить, а то и подчинить "неразумные" жизненные реалии реалиям разумным, но не жизненным, высвобождает колоссальную энергию преобразования. Символическое воодушевление вздымает грудь. Утрачивающие налет нарочитости под флагом оразумления жизни формулы разума вбрасываются в жизнь, практику. Хрупкая, "насквозь неразумная" жизнь ломается. Намечается пассивное, но по мере усиления натиска становящееся все более активным сопротивление. Его кульминация — гражданский конфликт с демаркацией: кто не с нами ("адептами разума"), тот против нас. Идейное учительство выказывает себя социальным мучительством; в системщиках разума просыпается талант подпольщиков революции. Что бывает дальше, мы знаем.

Осмысление сказанного обременяет пониманием:

- чистый разум — не воплощение жизненного благодетельства;
- аподиктизм, дидактизм, догматизм ума, систематичность знания хороши в учительстве, но не в устройтельстве, путеводительстве;
- гражданские вопросы организации, обустройства, упорядочения жизни — технические;

136

- политика ищет не истину ("разумное всестороннее воззрение на предмет"), а баланс интересов.

Старт революции, утверждалось выше, — вызываемый лишениями, неурядицами, провалами, бедствиями социальный кризис, обязывающий власть повернуться лицом к народному вопросу. По большей части преимущественно народный вопрос — это вопрос аграрный, владельческий, собственнический. Его возможно решать сверху — октроированные реформы, модернизации, инновации (права, свободы, полномочия, участие, представительство, законы, конституции), позволяющие сохранять власть. Если бы Людовик XVI, роялисты в решении народного вопроса проявили осмотрительность, дальновидность, Великой французской революции скорее всего не было бы.

Так или иначе, этого не случилось. Собственный вопрос народ оказался вынужденным решать самостоятельно, при полном безучастии власти. Чем руководствуется народ в устройтельной деятельности? Не отрешенными принципами, символическими программами, какими бы завораживающими они ни были, а реальными запросами бытия насущного, укладывающимися во вполне обозримую прозаическую логику гарантийного жизнеобеспечения. Народу нужны жизненные гарантии во имя и на благо гарантийной жизни. Подчеркиваем: нужда народа — жизнь через решение социальных, а не политических вопросов.

Руководствуясь сказанным, равно как чувством исторической акрибии, выведем: на начальном фазисе социального обострения необходимости в политической революции во Франции не было. Минуя хорошо известные детали, также утвердим: на рубеже 90-х гг. XVIII в. в стране разложилась, дереализовалась власть, чем не преминули воспользоваться

ее гражданские противники. Началась форсированная раскачка народа, нацеленная на решение не народного, а властного вопроса. Фикс-пункт революций — власть. Оттого решение социальных, народных вопросов заслоняется в революциях решением вопросов политических. Решение же последних, как правило, идет за счет народов и в ущерб народам.

Второй фазис революций, следовательно, всегда конъюнктурный, обслуживающий интересы борющихся политических элит. Сумеет старая элита реабилитироваться в глазах народа, она пролонгирует свою власть, не сумеет — на смену ей придет оппозиционная власть, являющаяся ставленницей новой элиты. В хитром деле монтирования политических кулис народ — непременно разменная, копеечная, жертвенная монета. Жонглировать ею,

137

пускать по рукам, обменивать на вождельный продукт власти — одно удовольствие: она конвертируема.

Нет прилагательных для определения антинародной природы свершенных в истории революций. Дабы не быть голословными, восстановим реперы якобинской платформы "спасения" народа. Ее эвристическими комплексами, несущими идейными опорами выступают:

— идея народа как аморфной толпы. "Друг народа" Марат в "Цепях рабства", содрогаясь от экзальтации, уточняет: в организации дела народа нужен "выдающийся ум, подчиняющий себе умы, мудрец, способный руководить действиями необузданной и непостоянной толпы". (Вопросы: кто *он*? как руководить? от чьего имени? по каким санкциям? — не снимаются);

— идея деспотического правления. Робеспьер: "Революционное правление — это деспотизм свободы против тирании". (Вопросы: почему свободы? сколь продолжителен деспотизм? — не снимаются);

— идея всеобщего, ничем не ограниченного насилия. Марат: "Никто не питает большего омерзения к пролитию крови, чем я, но чтобы помешать пролитию потоков (в прошлом. — *Авт.*), я настаиваю на пролитии нескольких ее капель". Насчет капель — заблуждение (лучше вспомнить о слезинке ребенка), в революцию льются не капли — океаны крови. (Вопросы: цена идеала? плата за идеал? — не снимаются);

— идея террора. Робеспьер: террор — "следствие общего принципа демократии". Очень странно. Демократия не вырастает ни из террора, ни на терроре. Право силы, правовой нигилизм отменяют демократию в принципе. "Несколько своевременно отрубленных голов" (Марат) на целые столетия не избавляют от бедствий и нищеты, не приближают торжества народовластия;

— идея произвола. Революция есть война свободы против ее врагов (Робеспьер). Кто они? Противники мероприятий революции, оппозиционеры. Но не только. Это — и носители "безнравственного", "неблагоразумного", "растленного". (Вопросы: то есть все-таки кто? как их вычислить? — не снимаются);

— идея бесправия. В революции не действуют конституционные нормы, республиканские принципы, права человека, народный суверенитет, власть никак, ничем не стеснена в полномочиях. От чьего имени проводится политический курс? От имени народа? Для его блага? (например, для блага крестьян, которым не близка линия уравнительности?). Сомнительно. Что является залогом адекватного действия властей — "честность", "чистота вождей революции" (Робеспьер). (Вопрос: надежен ли критерий? — не снимается);

138

— идея авторитарного вождизма. Революционная диктатура — личная власть вождя (культового, "верховного существа"). Чем вождь отличается от рядовых граждан? Умом, волей, новаторством, решительностью? Кто дает санкции на его действия? Никто.

Кто контролирует выработку им решений? Никто. Кто ручается за целесообразность им предпринятого? Никто. Что движет руководством вождя? Стратегия борьбы диктатуры с "изменниками и заговорщиками" (Робеспьер), круг которых очерчивается произвольно? (Вопросы: как избежать волонтарных расправ, неоправданных жертв, деспотизма свободой, счастья репрессией, одобренных одним человеком, — не снимаются).

Истинное искусство — умение скрывать искусство. Истинное искусство революций — умение скрывать антинародную сущность. Революции обладают одним даром — даром делать все ничтожным. В первую очередь — жизнь народную. Главная жертва революционной борьбы — народ. Снимая меры какого бы то ни было предупреждения конфликтности, разъединяя общественные слои трещиной взаимного отчуждения, неприязни, ненависти, революции ввергают в пучину всемерного хаоса. Апогей революций — дни окаянные.

Поскольку пребывание в социально беспорядочной, негарантированной, нерегулируемой, окаянной среде противоестественно и невозможно, под влиянием народной воли революционной бесчинной политике террора, максимума, конфискации реквизиции, регламентации, экспроприации кладется предел. После 10 термидора, когда объявленные вне закона предводители якобинского правительства гильотинируются, пришедшая к власти новая сила озабочивается нормализацией обстановки. С ликвидации чрезвычайщины отсчитывается третий фазис революции — разрешение гражданского, а с ним — социального кризиса. С чего начали тем завершили. Властный вопрос решен, политическая элита трансформирована, все возвратилось на круги своя: власть сталкивается с необходимостью снятия исходного народного вопроса.

Финиш революции воспроизводит обстоятельства ее старта: подобное социальное оборотничество поставляет проблемы: стоило ли браться за оружие (как не вспомнить Плеханова, продумывавшего итоги русской революции 1905—1907 гг.)? кто выиграл? какой ценой? Откладывая до времени обсуждение этих первостепенных проблем, в порядке некоего предварительного итога примем:

— революции, революционеры не способны созидать, они лишены социально ответственного продуктивного потенциала — в этом их порок;

139

— ни одна из прокламируемых целей революции не находит воплощения. Общественный строй, новое государство, способы их построения, выработанные Великой французской революцией, не отличались ни разумностью, ни человечностью ни по облику, ни по сути;

— "царство разума" не установимо в революции не вследствие субъективных просчетов революционеров, но в силу объективной невозможности его установления. По разумным схемам строят тюрьмы, кладбища, казармы, но не "разумно несхематизируемую" жизнь;

— революция не озабочивается решением народного вопроса (его решением озабочивается продуманная реформа); она погрязает в решении вопроса властного; вследствие революции трансформируется статус политических элит; статус многострадальных, неизменно, неизбежно продолжающих страдать народов (понимаемых как проинтегрированное большинство, "толпа") не трансформируется;

— революция заменяема здоровой реформой. Революции протекают по сценарию: а) предреволюционная ситуация (социальный кризис) — неурожай, торгово-промышленные сбои, разорение мелких собственников, обнищание населения, банкротство казны; б) революционная ситуация (гражданский кризис) — пропагандистская инициация доведенного до отчаяния народа, зачастую не понимающего, что, как, во имя чего делать; в) постреволюционная ситуация (социальный кризис) — инновация политической элиты, реставрация бедствий народа. Тупик обходится тем, что с начальной стадии (а) рядом проникающих, решительных мероприятий возможно

остановить развертывание революции.

Народ требует улучшения материального положения. Он прав. Комплексом санирующих акций следует расширить внутренний рынок, обеспечить свободу производителям, внедрить прогрессивный налог, дать кредит, наладить протекционизм. Народ требует демократизации вовлечения и участия. Он прав. Комплексом санирующих акций следует уничтожить социальные, должностные, политические привилегии, бонусы, раздробить полномочия, пересмотреть прерогативы, обновить регламент представительства. Все это подвластно реформе, исключая псевдоморфизм революции;

— революция от "разумного идеала" учиняет ненавистную, нежизнеспособную среду обитания. Здесь заслуживает быть отмеченным ряд обстоятельств:

140

а) человек еще далеко не приучился поступать так, как ему разум указывает²⁰. В том смысле, что человек будучи существом комплексным — средоточием чувства, сознания, бессознания, — не может ни рассчитать, ни быть заложником чьих бы то ни было расчетов своих действий;

б) не ощущая себя винтиком, однозначно планируемой единицей, человек "устроен комически". В том смысле, что живет не по энциклопедическим лексиконам, где все так точно исчислено и обозначено, что исключает возможность поступков и приключений²¹. Действительно, если "дважды два четыре — превосходная вещь", то и "дважды два пять — премилая иногда вещь"²². Почему бы и нет;

в) в человеке, указывает Кант, есть незаполненные места души, заставляющие нас "искать в причудливом, или в пустяках, или же в мечтательстве видимость занятия, а в сущности развлечение, чтобы заглушить обременяющий зов разума"²³;

г) всяческие "лазейки" (Фихте), изъятия из "разумного инстинкта" провоцируют битвы за персональный каприз — за то, чтоб он был при надобности гарантирован²⁴;

д) от обозначенного недалеко до жизни по одной "глупой воле своей" без логарифмов, с соответствующим вольным и свободным хотением, своей фантазией, раздраженной иногда хотя бы даже до сумасшествия²⁵. Порой человеку требуется одного только "самостоятельного хотения", чего бы оно ни стоило и к чему бы ни привело²⁶.

Принимая во внимание сказанное, революционного построения по "разумному идеалу" такого здания, которому "можно было бы и не выставлять языка", до сих пор не находится²⁷. Ничего подобного не понимали в России, где всегда, во все времена такого рода здание воздвигали.

11. Тегге-а-терге. Революции зачинались по мировым (Свобода! Равенство! Братство! Собственность!), а не животрепещущим вопросам, и всегда саморазоблачались, входя в соприкосновение с последними. Животрепещущие вопросы существования — во-

См.: *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 5. С. 112.

²¹ Там же. С. 113.

²² Там же. С. 119;

²³ *Кант И.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Кн. 1. М., 1964. С. 207. ²⁴ См.: *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 119.

²⁵ Там же. С. 113.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 120.

141

просы жизнеподдержания, жизнеобеспечения, жизневоспроизводства — имеют две стороны: социальную и экзистенциальную. Западная революция в общем и преимущественно сосредоточивается на первой, российская революция — на второй.

Смысл социальных трансформаций — добиться большей эффективности общественного вовлечения и участия с конечным повышением уровня жизни. Хотя, как

мы не устаем повторять, такого рода проблемы революциями не решаются и революциями не решимы (революции решают властный, а не социальный вопрос; социальный вопрос — сверхзадача реформы), на Западе есть интенция связывать одно с другим. Ничего схожего не просматривается в России. Развертывание революции здесь поглощается собственным своим развертыванием. До актуализации социального (народного) вопроса — поиска, нахождения эффективных форм вовлечения и участия, повышения качества жизни — не доходит. Обращение к Богу подменяется отнесением к дьяволу. Последнее обслуживает демаркация, разделяющая граждан на овец и козлищ, со всеми вытекающими отсюда скороспелыми оргвыводами. В городе Глупове, не терпя "дурных страстей", внедряют новую религию "начальственного послушания". В городе Градове, не терпя тех же страстей, внедряют новую религию "революционного долга". Если крепостничество — то на дворе, если коммунизм — то в сердце, если перестройка — то в голове, если либерально-рыночная демократия — то в душе. (Как будто другим жить нечем.) И для острастки, недопущения бунта против оригинала, обретения молитвенной покорности, то бишь бодрости духа, каждого — в струну, бараний рог, ежовую рукавицу. Знай и принимай: кто не с нами, весь до остатка, тот не наш.

Будем же тверды и искренни, скажем: подобная трактовка модернизации — не социологическая, а подпольно-сектантская. Напомним, подпольные (революционные) сектанты: а) сторонятся реальности, бегут от мира, располагаются вне подлинной бытовой жизни — в мире призраков, мечтаний; б) погружаются в метафизическое выполнение личного назначения; в) в реализации своей миссии "высших существ" (самозванцев) делают тиранами и повелителями, палачами и висельниками, мародерами и карателями, диктаторами и авантюристами, деспотами и гонителями. В налаживании действительности их пово имеющие значение "всемства" сверхчеловеки по принципу "чем гуще трава, тем легче ее косить" развязывают не ведущую ни к чему бессмысленную активность. Страшно, если объектом ее оказывается мир повседневной будничности. Тут мы попали в точку. Драматическую изнанку российской революции — в отличие от западной —

142

составляет специфическая тенденция: изменение общественных устоев увязывать с пересозданием частных порядков — повседневно-будничного. Такого рода увязывание и порождает сверхразрушительный эффект — революция пьет и не может насытиться, жизнь по всем швам трещит, превращаясь в уродство, приковывающее крепче всякой цепи.

Воистину хорошо прожил тот, кто хорошо утаился. Столь далеко в тенета рукотворения революционных заповедников Запад не заходил (исключение — фашизм, единственный в западной культуре покусившийся на пересоздание повседневно-будничного).

Чем выше шансы подлинности (всеохватности) революции, тем выше возможности краха жизни. Действительно. Как устраивать существование человеку, которому предлагают протягивать ноги по длине одеяла — в противном случае их рубят.

Самое страшное — не принадлежать себе, не иметь сознания самодостаточности самости, не сметь распоряжаться собой в малом мире — повседневно-будничном бытовании.

Пароксизмы революционного — нединамичного, катастрофического — державного шага России — от безалаберных, неделикатных интервенций большой социальности в малую, от безапелляционных разрушений просточеловеческих, частных локалов (вспомним навязчивые директивы Швондера). Отечественная история лишена трепетного отношения к обыденности, в ней явный дефицит лояльности к хрупкому повседневно-обыденному.

12. Апология обыденности. Задумаемся: против чего по приезде домой с такой нетерпимостью, ожесточенностью восстает Одиссей? Ситуация, в общем, предельно

проста, даже банальна. В отсутствие мужчины женщина вправе делать выбор, устраивать личную жизнь. (Сами себя спросим: сколько в принципе можно поддерживать чувство, сохранять верность? Любовь — отношение в чем-то субстанциональное: субстанционально мы любим родителей, детей, братьев, Родину, дело; а в чем-то релятивное: релятивно (оперативно) мы любим женщин, друзей, оказывающихся нам близкими. Субстанциональная любовь при определенных условиях может быть релятивизирована, скажем, введением соответствующей системы отсчета, временной дельты. Проблематизируем твердость взаимной верности. Человек, наверное, сохранит верность в любви в течение часа, дня, недели. Не будем томить душу — ну а в течение ста лет? Вопрос, скорее всего, подведет черту. Обходя феномены легендарные, достойные одических воплощений и потому нереальные, признаем, что в рутинном жизненном самотеке верность в интервалах, сопоставимых с челове-

143

ческим веком, не хранят. Люди созданы друг для друга, и человек, на протяжении длительного времени не нашедший своей половины, в чем-то неполноценен.) Вернемся к нашим баранам. Одинокая, в меру свободная (практически утратившая надежду на возвращение супруга) женщина производить жизненный выбор вправе. Ничего необыкновенного в этом нет. (Не жил же в самом деле все это время Одиссей жизнью постника.) Так чем объяснить оголтелую реакцию возвратившегося мужа, не выдворяющего домогателей Пенелопы (что было бы понятно и естественно), а устраивающего жестокий самосуд, учиняющего кровавую бойню?

На поверхности неоправданно резкие действия Одиссея объясняются сущностным смыслом борьбы. Одиссей воюет не с соперниками-претендентами на относительно свободную женщину, а с ворами, пытавшимися украсть у него его мир, созданный им собственными руками. Дороже своего мира, который можно ощущать, которого можно касаться, к которому можно припадать в будничности, — не существует. И отнимать его, вторгаться в него никто не волен. Покушаться на него означает покушаться на его автора.

Пережить нашествие в страну возможно. Пережить нашествие в дом невозможно. Захват державы (как ни кощунственно это звучит) позволяет сохранить себя. Захват дома сделать подобного не позволяет. Оккупация очага влечет безысходность: утратившему самость лицу деться некуда. Отсюда — безутешный протест: самый отчаянный, самый последний бой — за порог своего дома. Где ты, хозяин своей судьбы, где ты устраиваешь жизнь по своей воле.

Бытие, бывание, быт, обывательство, обывание — ряд гомологичных фигур, передающих капитальные модусы существования. В качестве таковых первые два лично выхолощены, тогда как вторые три персонально выражены. Удаленность — близость лицу специфицирует бытие, диверсифицируя его качественно. Бытие "в себе", "само по себе" — человеческому безучастно; бытие "для меня" — человеческому причастно. Одиссей и воюет за бытие "для себя", выдворяя из него не столько домогателей Пенелопы, сколько пришлых, чуждых захватчиков, посягавших на строй его частного бытия, им заведенный уклад. Каждое лицо имеет право на самоутверждение по "своим целям", борьба за которое осмыслена и понятна. Такова схема ситуации в случае гомеровского героя. Но не такова схема ситуации в случае российского народа.

144

Социальные революции, перевороты в России протекают как агрессивная интервенция в частную жизнь. Пришел Петр, обложил налогами. Возник Сталин, провел раскулачивание. Появился Хрущев, произвел изъятие приусадебных земель. Дал Брежнев 6 соток, обусловил владение. Так во всем. Преображения не для человека, а за счет человека. Всякий шаг обставляется. Не опосредованно, а непосредственно. Не в большой социальности, а в малой.

Случай — "мощное, мгновенное орудие Провидения", высказывает Пушкин. Череда случаев, т.е. вмешательство самого Провидения, не позволяет России обрести себя. Не позволяет потому, что подрывает "просточеловека", к которому время от времени захаживает невесть кто, *невесть по* какому праву и изымает то семенной фонд, то птицу, то скотину, то землю, то его самого... Бесконечные беспардонные вмешательства в малый мир лишают лицо и богатства, и собственности, и достатка — безусловно. Но и, много важнее, — самоорганизованности, продуктивности, инициативности. В качестве печального резюме — неспособность 1/6 или 1/8 планетарной суши накормить себя, производственная апатия, иждивенчество, низкая адаптивность. При наличии колоссального потенциала — невиданных сил — не абсурдно ли прозябать? Абсурдно. Однако состояние абсурда вынужденно: пока человека не раскрепостить в буднично-обыденном, малом мире, никакими потугами его жизнь не наладить.

Апология обыденности, таким образом, индуцирует крайне важные и, без сомнения, всеобщие, применительно к российским реалиям, модернизационные смыслы:

— предпосылка налаживания жизни в России — фронтальная реабилитация повседневно-обыденного, "просточеловеческого" мира (где человек максимально самоорганизован, рационален — не в просвещенческом доктринальном смысле, а в смысле причастности к житейскому "обывательскому" здравомыслию), органично запускающего механизмы инициативы на базе устроительной энергии масс (ср. столыпинские реформы, нэп);

— устроительные проекты поднимают статус малой социальности (значимость лица, живущего обозримыми, естественными — не в просвещенческом смысле — "медленными" трудами), она святая святых человечности, все трагедии от ее деформации;

— восстанавливается в правах "мещанство". Пора ясно представить себе полное значение слов. Мещане не те, кто по духовной своей бедности отметають абсолютные ценности, злобствуют против благородной культуры, гениев и творцов, религии, фи-

145

лософии, эстетики²⁸. Ничего подобного мещане в отличие от деятелей контркультуры делать себе не позволяют. Мещане — это люди, внимание которых поглощено несколько иным — не дальними (абстрактными относительно рутинного жизнетока), а ближними ценностями, центрирующими временное вопреки вечному. Здесь — конкретные заботы по благоустройству, устроению быта, обихожению царства мира сего, поддержанию домочадцев. Ничего порочного, предосудительного в стремлении к крепкой жизни нет. На мещанах — продуктивных, крепких хозяевах — издревле стоял мир. С этой точки зрения, если угодно, типичный мещанин — Одиссей, поставивший крепость своего локала выше (многих) человеческих жизней;

— поражаются в правах разрушители продуктивно-личностного Швондеры — Шариковы. Данная пара — зависимые друг от друга близнецы-братья, выступают не в качестве самодостаточных индивидов. Они — зловеще типическое явление, опасное для перспектив налаживания российского мира. С социально-исторической арены Отечества их надлежит выдворить.

Говоря односложно, пафос сказанного — в открытии значения "личности на почве значения массы" (Короленко); открытие это, надо думать, позволит России сделать верный выбор.

13. Выбор России. Так мало сделано — так много предстоит сделать. Основное же — перед тем, как делать, — сделать правильный, адекватный выбор. В России теперь — разного рода кризисы: духовный, культурный, хозяйственный, национальный. Вместе они единятся в совокупный державный кризис. Какие антикризисные возможности обсуждаются? Так как державное положение незавидно, просматриваемые возможности скудны. Фигурируют линии:

— религиозное возрождение: вытекающий из веховско-толс-товской программы проект "религиозно общественного" (Мережковский) спасения России.

Неперспективность платформы обусловлена игнорированием: а) поликонфессиональности страны, исключаяющей религиозную вражду, вероисповедные войны;

б) отстаивания православием (количественно наиболее представительной религией) мирской, а не трудовой аскезы (с сильными традициями внеэкономической — нестяжательской мотивации);

в) сильных влияний светской культуры; г) отсутствия былых хозяйственных носителей "религиозного духа" в лице толстовских и старообрядческих общин и коммун, раскассированных (в качест-

См.: *Бердяев Н.А.* Революция и культура // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 152.

146

ве живого укора волонтарно сбиваемым антипроизводительным колхозам и совхозам) в самом начале коллективизации; д) невозможности оформления в сколь-нибудь значимых масштабах тоу-хидной экономики (опора на мусульманство);

— почвенничество: акцент самобытной державно-хозяйственной организации, оставляющей втуне определенность институционально-воспроизводственных механизмов жизнеобеспечения (которые, кстати, и не выказали в веках своей предпочтительности)²⁹;

— западничество: далеко идущая культивация институтов либерально-рыночной демократии. Издержки проекта: а) социальная цена инноваций (перед лицом депопуляции, резкого снижения качества жизни, развала исконно действенных, отработанных систем образования, здравоохранения, социального обеспечения); б) близорукая ставка на челноков как субъектов-носителей производительно нового. Во-первых, челноки не генераторы, а трансляторы ценностей; во-вторых, они не удовлетворяют потребностей населения 1/8 планетарной суши; в-третьих, они не содействуют национальному производительному подъему;

— коммунизм: реанимация социалистического пути. Наше принципиальное возражение платформе — не уточняется как содержание, так и форма реставрации бывшего в социалистическом прошлом, что не избавляет от кошмара времен минувших. Как мы теперь знаем, нельзя социальную бедность превращать в социальное богатство; путем накопления зла нельзя создавать общество справедливости; посредством развязывания революционной или плановой стихии нельзя строить организацию;

— оседлание криминала: ставка на теневую политическую и хозяйственную инфраструктуру. Расцветшие пышным пустоцветом в наличной высокодезорганизованной российской жизни преступные элементы, мафиозные группы олицетворяют откровенно тривиальную в производительном отношении перераспределительную систему. Ни "паханы", ни "шестерки" не имеют навыков продуктивно-созидательного труда, чувства гражданской ответственности за делаемое.

"Жизнь надо или прожить, или в книгу вложить", — говорит Пиранделло. Судьбу России можно связывать с претворением доктринально удостоверяемых идеалов. Это опробованный национальной историей просвещенческий метод ментора. Как тако-

Подробнее об этом см.: *Ильин В.В., Лхвезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности.

147

вой, по-нашему, он должен стать нерестаблируемым достоянием прошлого.

Наш взгляд: России требуется оценить себя, свои перспективы на фоне иной — непросвещенческой — веры. С позиций заявленного нами уровня понимания национальную судьбу следует связывать не с идеалом, а с интересом. Обустройство России не может в очередной раз стать жертвой просвещенческих раритетов. Последнее предопределяет предпосылочный поворот от идеала к интересу, от схематичной доктрины к полнокровной жизни. Жизненная судьба России самоценна: обуславливая все, она не может быть обуславливаема никакими "более фундаментальными" ценностями. Цель обновления России — Россия: держава, народ, ответственное гражданское лицо; остальное — средство, хотя бы и влекущее к себе, как Екклесиаст, Евангелие.

На стезе земной полнोजизненности уместно выказать холодный нигилизм просвещенческой бумажной философии. По этой причине предпосылочный поворот ориентирует на ряд смежных поворотов. Коль скоро кризис в современной России ценностный, перспектива выхода из него просматривается в переходе на иную ценностную платформу существования.

Выбор России, следовательно, состоит в череде ценностных поворотов:

— от вселенского к национальному: Россия оставляет про-мыслительный мессианизм и миссионизм. Отказываясь от выражения, проведения всеобщего интереса, она живет интересом частным — народным, национальным;

— от державного к личностному: люди, строящие, укрепляющие сильную государственность (империю) в России, наступали на человека, отчего личного, индивидуального, самодельного, вольного в России не выработано³⁰. С этого момента империостроение более не корреспондирует с зажимом свободы: созидание народной империи предполагает полную реализацию личностного начала³¹;

— от большой социальности к малой социальности: на фоне апологии повседневно-обыденного, комплексной реабилитации малых, медленных трудов осуществляется адресная поддержка "просточеловеческого" мира.

Триединый ценностный поворот позволяет:

³⁰ См. также: *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1897-1907. Т. 3. Стлб. 884-885.

³¹ См. также: *Ильин ВВ., Ахиезер А.С.* Указ. соч.

148

— высвободить естественную энергию самоорганизации и самоадаптации низового уровня — наиболее эффективный вид деятельной силы в вопросах ненасильственного эволюционного развития;

— преодолеть порочное, терзающее влияние вирулентных комплексов Пигмалиона, Прометея, Зевса.

Комплекс Пигмалиона демпфируется разрушением панлогизма: повороты к национальному, личностному, "просточело-веческому", дистанцируя замысел и воплощение, обязывают проводить тщательный гуманитарный обсчет инновационной деятельности.

Комплекс Прометея нейтрализуется санацией "пламенной революционности": жизнь по интересу в сбережении нации, лица, малого мира отмечает импульсивный энтузиазм безосновного преобразования.

Комплекс Зевса блокируется граждански развитыми антиавторитарными, антитоталитарными, антимонопольными процедурами, подвигающими корректировать желания, а не порядок мира, побеждать себя, а не судьбу, в претензиях бюрократически-волюнтарно вершить жизнь, творить историю.

ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ

1. Созидание жизненной реальности. Прошлые интерпретируют, будущее созидают. Предмет сознательного выбора, конструктивных решений — грядущее. Мир человека — дело его рук. Это вселяет оптимизм, заряжает энергией. Энергией творческого порыва, самодельности. Вдохновленным верой в собственное могущество людям не остается ничего другого, как идти вперед. Правда, как и куда — не ясно.

XX век начался прозрением: "Умер Бог, остался человек". XX век кончился прозрением: "Остался Бог, умер человек". Человек согнулся под бременем обретенной власти, самоисчерпался, истощился. Не вынес собственной слабости. Поиски разрушили надежды. Две мировые войны, несчетные конфликты, распри, раздоры, споры подвели к неизбежному. Божеский ум незаменим человеческим разумом. "Чем полнее господство разума, — говорит Поульсен, — тем ближе мы к тотальной дегуманизации существования". Устроитель мира — не разум. Итог: перед лицом невиданной ответственности — паралич воли, — слишком много тлетворного сделано, слишком безотраден исход. Действительность создается с благословения высокого, а в качестве

воплощений мирообразов — жалкие недолжные состояния. Чем объяснять люфт между правдой идеалов, ценностей и неправдой, ничтожностью осуществлений?

Объяснять сие можно несовпадением двух времен: малого (локального) и большого (вечности). Суть в том, что в разные времена положительно верно разное. На это, уясняя статус антиномического сознания, пожалуй, впервые обращал внимание Августин. Настоящая внутренняя правда, подчеркивал он, "всегда во всяком месте и во всякое время одна и та же", но время, которым "она управляет, протекает разное: это ведь время"¹. Люди, по обстоятельствам, могут быть и толпой и народом. Откуда следует: одно и то же в разных темпоральных кон-

¹ *Августин. Исповедь. М., 1989. С. 35—36.*

150

текстах проявляется различно; одно и то же применительно к ним квалифицируется противоположно.

В творимой истории мы причастны малому времени (уровень локальных интересов); общий же смысл творимого обнажается задним числом — при вписании его в большое время (уровень глобальных значений). Люфт между императивами малого и большого времени обуславливает зазор между правдой жизни и идеала.

С одной стороны, важно не дорожить "любовию народной" — не допускать растворения полета мысли и души в бранных занятиях черни. С другой стороны — важно признавать укоризненную участливость жизни — жизнь в виде мудрых законов жизни выше творчества.

Избранных творцов мало. Жизнь единит, покрывает, уравнивает всех своими неотменяемыми порядками. В противном случае — не мог

И мир существовать: никто б не стал Заботиться о нуждах низкой жизни; Все предались бы вольному искусству.

"Шти с приварком" — не вредность, но за малую кражу "можно попасть под суд". Попытка заключить жизнь в оболочку понятий (идеалов) приводит к альтернативе: либо жизнь обречена, либо оболочка тлетворна.

Так как придать миру форму? Наш ответ: глубокомыслием, а не использованием мира как материала.

2. Конструирование мира. Конструирование мира есть идейное конструирование возможных миров, не предполагающее преобразование наличного мира. Если допустить, что жизнь человеческая может управляться идеей, то уничтожится возможность жизни². Господство разумных идей абсолютно в стремлении к власти, означает "расщепление души", "приблизительность" ее существования (Поульсен). Разум, следовательно, угрожает "приблизительностью" существования, сказывающейся двояко: мироправительная роль разумных идей (идеалов) применительно к душе — освобождает человека от угрызений совести (что, кстати, акцентировал Ламетри); применительно к миру — развязывает практику социальной механизации.

Триумф разума сопряжен с вынужденной капитуляцией жизни. Понимание этого, сообщая поборникам разума сознание собственного величия, влекло неоправданно завышенные само-

² См.: *Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М., 1958. С. 250.*

151

оценки. Кант полагал, будто произвел "коперниканский переворот"; Фихте сопоставлял сделанное им в мысли со сделанным французскими комиссарами в жизни; Гегель заключал, что его абсолютный идеализм дал человечеству "абсолютную истину". В чем дело?

В том, что революция в духе является прологом революции в мире. Французский исторический отклик на просвещенческий переворот — Великая французская революция 1789 г. Германский социальный отклик на собственный идейный прорыв — революции 1830 г. (Саксония, Брауншвейг, Гессен, Бавария); 1833 г. (Франкфурт-на-Майне), 1844 г.

(Силезия); 1848 г.; 1849 г. (майское восстание).

Чистый разум, таким образом, наставляет практический разум. Будируя волевое начало — способность "создавать предметы, соответствующие представлениям" (Кант), — он направляет намерения, действия на созидание реалий по идеалам.

Идеал в роли индуктора социотворчества, насколько добропорядочен? В подмене истины утопией, знания идеологией, жизни сюрсом опасность есть. Настолько, что перед лицом специализированной индустрии производства мифов ставится задача мыслить согласно жизни, а не устраивать жизнь согласно мысли.

Волюнтарная техника социотворчества от субъективных мифов как жизненная стратегия нетерпима. В искусстве "Я" может быть причиной вещей. В политике "Ячество" в роли устроительной стихии недопустимо. Так как конструировать мир, исключая призраки, не уводя раздумья к дальним горизонтам, избегая коловращения в порочной фигуре: творческий взлет — выросшая на пустом месте фантазия — душевная расхристанность — волевой импульс — насилие? С хорошо предсказуемым итогом:

Солнце, сожги настоящее Во имя грядущего.

Попробуем разобраться.

Кариатиды, венчающие своды арки, именуемой "культура", — наука и искусство. Каково взаимоотношение между ними? Представляя различные типы духовного освоения действительности, ориентированные на специфические ценности, нормы, эталоны, императивы, в каком-то смысле они противостоят друг другу. Противостояние определяется целью, средством, результатом "производства идей" в одном и другом случае. Так, очевидны диады: истина — идеал, познание — творение, знание — произведение.

Категориально-логичная, аналитичная наука нацелена на постижение объективного порядка вещей, как он существует не-

152

зависимо *от* человека. Представленчески-образное, синтетичное искусство предназначено для воплощения эстетических сущностей согласно законам художественного. Ему присуща неустранимость индивидуального начала, что сказывается в восприятии, оценке продуктов творчества в соответствии с благоприобретенным персональным опытом; многозначность — произведения искусства свободны *от точности, строгости, — смысл, значимость* порождаются здесь в неменьшей мере звучанием, чем рассудочно заданным значением входящих в произведение семантических единиц, не столько их связью, сколько их соположением; поли-номность прогресса — вопрос: являются ли последующие фазы в развитии искусства прогрессивными сравнительно с предшествующим? *во многом лишен смысла, — имеет место* непреходящность, самооценность результатов, отсутствие снятия прошлых этапов в настоящем, предшествующее и последующее общаются как бы на равных, обретая вес в зависимости от близости их субъекту (консонанс или диссонанс, открытость или закрытость по отношению к художественному материалу) и т.д.

Тем не менее при всех различиях наука и искусство — не закрытые для диалога явления; их взаимопроникновение реализуется непосредственно в творческом процессе ученого и художника, природу деятельности которых характеризует много общего. Главное — в наличии изобретательности, конструктивности.

Там, где требуется ум, нужна и фантазия; лишенное ассоциативности познание утрачивает эвристичность, вырождается в схоластику. Там, где нужна фантазия, требуется и ум; развитие способностей, навыков к художественной деятельности возможно в ходе целенаправленной подготовки, обеспечивающей профессионализм мастерства. Общность науки и искусства — это, следовательно, общность творческого производительного труда, в котором сочетаются знание и ассоциация и который ведет к раскрытию и проявлению человеческих продуктивных возможностей на уровне духовного.

Дух реален, "как ваше тело, только бесконечно сильнее его" (Н. Гумилев). Сила

духа во вдохновении, возбуждении, побуждении преодолевать злободневное, сиюминутное, случайное. Носитель высокодуховного "под одеждою временного имеет в виду только вечные свойства"; и тем всегда глубже и прочнее действие духовного, "чем независимее оно от временных и, следовательно, скоро преходящих интересов"³. Являясь олицетворением высокодуховного, наука и искусство по своему гражданскому

³ *Боткин В.П. Соч. СПб., 189). Т. I. С. 367.*

153

пафосу между собой не расходятся. В конце концов, человека над животным поднимает "не палка, а музыка: неотразимость безоружной истины, притягательность ее примера" (М. Булгаков).

Не расходятся они между собой и по своему происхождению и ассоциативности. Как наука, так и искусство выстраивают "чистый" мир, не важно какой — понятийный ли, образный — главное — символический. Ведомые чутьем, внутренним голосом, наитием и художник, и ученый создают условно значимые, "фиктивные" типы реальностей, не являющиеся прямыми коррелятами *status rerum*. Размышление, воображение, выступая в роли креативной стихии, оказываются по обстоятельствам то упорядочивающей, то творящей силой.

Первый случай — систематизация, типизация обстоятельств, выстраивание образов, понятий в ракурсе презумпции "соответствия действительности". Истинность, глубина, реалистичность, правдивость в воссоздании сущего задается развернутой сеткой критериев, предписаний, обязательств. В науке это — требования "корреспонденции". В искусстве — требования "художественности". Даже у сюрреалистов пробиваются некие сдерживающие воплотительные вето, от чего, скажем, испытывал дискомфорт Дали, изображавший Ленина с лирическим аппендиксом и ягодичей трехметровой длины, подпираемой костылем.

Второй случай — инициация, инспирация обстоятельств, выстраивание действительности сообразно образам, понятиям в ракурсе презумпции "соответствия идеалу". Перекрывание отстраненности понятий, образов от действительности плодит а) недоразумения отождествления героев с прототипами (исполнители ролей ментов — менты, принятые "как свои" в профессиональной среде); б) трагедии революционного техноморфизма.

Caritas et рах несет науке, искусству первый случай. Второй — подтягивание сущего под должное, регламентирующее, манипулирующее, нивелирующее влияние — представляет схему, внутренняя несостоятельность которой обрекает на неудачу весь человеческий креативный проект. И наука, и искусство изъясняются языком символического. "Вы говорите мне о невидимой планетарной системе, где электроны вращаются вокруг ядра, — замечает Камю. — Тем самым вы объясняете... мир с помощью образа. Я вынужден констатировать, что вы заговорили на языке поэзии". Практически о том же — у Поульсена: "Научная мысль полагала себя чистой, не имеющей предпосылок, и, когда обнаружила их, стала метафизической. Это открылось в спекулятивных системах, таких, как теория относительности и теория атомного ядра. Сомнение в абсолютной пригодности метода, подобно

154

песчинке, проникает в науку, которая облекает сомнение в метафизические теории, чтобы ничто не мешало ее развитию. Если рассматривать проблему психологически, то научная метафизика служит аналогом символизма в поэзии".

Наука, искусство удаляются от реалий: искусство в сферу перцептуальных, наука в сферу концептуальных конструкций. Искусство берет мир как невозможный случай — у пропасти, у последней черты — пред ликом бездны, судьбы, Господа — и получает героя. Наука берет мир как возможный, предельный случай — фикцию — и получает теорию. Коллизия искусства: должное не сбывается; сбывающееся — не должно. Коллизия науки: действительное не теориейно; теориейное — не действительно. Глобально коллизии не

снимаются; локально они снимаются введением мер и отношений условности, влекущих сознание, что изображение не документальный коллаж; моделирование не непосредственная коагуляция данных. (Позитивистская интенция на сближение науки, искусства с миром через гиперболизацию "факта" и в художественном и в понятийном опыте парируется однотипной негативной grimасой "романа фактов".)

Наука, искусство движутся в образах, говорят на модельном (символическом) языке, выводят героев, но не обязывают их действовать. Исправление мира даже в нравственном смысле не их задача. Свою благородную гуманитарную миссию они выполняют посредством очищающего воздействия на массы авторитетом достигнутого, плодами творчества, высоким примером, позицией. Но не прямой интервенцией в жизнь. На сей счет — шутки в сторону. Возьмем в союзники

— Гете: "Вполне возможно, что произведение искусства имеет нравственные последствия, но требовать от художника, чтобы он ставил перед собой какие-то нравственные цели и задачи, — это значит портить его работу";

— Т. Манна: "...художник "исправляет" мир не с помощью уроков морали, а совсем по-иному — тем, что закрепляет в слове, в образе, в мысли свою жизнь, а через нее и жизнь вообще, осмысляет ее, придает ей форму и помогает духу... постигнуть сущность явлений";

— Бехера: "Художника оценивают... по тому, насколько последовательно он как создатель человеческих образов оказывает сопротивление античеловеческим, варварским тенденциям своего времени";

— Эйнштейна: "Моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для... всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения".

155

Наука, искусство не погрязают в производстве "милых безделушек" — пустопорожних символических форм; продукты их усилий солидны, возвышенны. Однако не прагматичны. Сила культуры — сила духа: воспевая достоинство человека, она не вправе возбуждать социальные дразги. Назначение художника, ученого — дать "определение действительности", но в качестве понятийной, образной модели, концептуальной проработки, идеальной конструкции. Не вызывает уважения тенденция к отсутствию тенденции. Тенденция в творчестве быть *должна*. В пропаганде своих идеалов следует идти так далеко, как позволяет талант, создавая "литературу руин" (Белль), издавая памфлеты, пускаясь в публицистику, обнародуя презрение к тупой, нечистой власти ("Я обвиняю" — Золя; "Не могу молчать" — Толстой), проявляя отважную гуманность, жертвуя выгодой ради правды, но не переходя на позицию союза мечты и действия, не слагая науку оставлять после себя пустыню.

Наука, искусство символически закрепляют стратегии развития. Какую же из стратегий избрать, как, в какой *связи*, — не их дело.

Сверхсимволическое значение научного, художественного творчества удостоверяется гражданским образом, актами экзистенциального выбора, манифестирующими практическое отношение к символическому конструированию мира.

3. Стихия самости. Идеал — должное, закрепляющее отстраненную от сущего систему обстоятельств, получает в науке, искусстве символическое (образное, понятийное) воплощение. Какова реакция на идеал? Соловьев декларировал ее всеобщий, необходимый, обязательный характер. Он писал: носитель высшей истины, приобщенный к совершенному, "может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра, из одного уважения к долгу или нравственному закону"⁴. Прав ли он? Вряд ли. Его декларация корреспондирует стилю жизни избранных, понятному малой группе попутчиков. Таковым, к слову, был оклеветанный дьяволом праведник Иов, испытавший великие муки, но не оставивший веры. Общеизвестен ли казус Иова? Едва ли.

Идеалы не доказуемы; формы практического духа не получают оправдания в границах науки. Истины, ценности утверждаются в острой борьбе, зачастую с

применением силы. Для их публичного вменения организуются общества, учреждаются партии. Гамильтон создал ассоциацию в поддержку кватернионов;

⁴ *Соловьев ВС* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1С. 114.

156

якобинцы, кордельеры основали клубы друзей конституции, прав человека и гражданина; имеются партии революции и контрреволюции, реформ и контрреформ.

Идеалы частичны.

"Если моя вера ведет меня к росту, жизненному творчеству, то кому и зачем нужны доказательства моей веры?" — вопрошает Унамуно, проблематизируя всеобщность всякой ценности, любой истины. Идеал в экзистенции — все то, что так или иначе заставляет самоутверждаться, действовать, преодолевать. Универсализация идеалов, снижая значимость индивидов, делает из них послушные инструменты чьих-то проектов, обнажает темный корень бытия принудительного.

Счастье мое не в тебе, а во мне самом. Представление этого ограничивает далеко идущие претензии на игрище промысл и-тельных, пастырских ролей в обновлении, спасении, путеводи-тельстве.

Акты ценностного выбора обнажают меру подлинности, вовлеченности, отстраненности человека.

Абстрагируясь от роли центрального тела, кинематика допускает принятие за систему отсчета любого космического объекта. Подобно Гиппарху, Птолемею, за систему отсчета можно принять Землю и получить геоцентризм. Подобно Аристарху Самосскому, Копернику, за систему *отсчета можно* принять *Солнце* и получить гелиоцентризм. Подобно Гераклиду Понтийскому, Тихо Браге, за систему отсчета можно принять Солнце (центр планетной системы) и Землю (центр "Солнечной системы") и получить кентаврический гео-гелиоцентризм. Подчеркиваем, кинематически названные модельные описания равноправны, эквивалентны. Как к ним подходить экзистенциально?

Идеолог Бруно во имя символа приносит на алтарь жизнь; в упрочении модели он видит высшую ценность, цель собственного существования. Ученый Галилей во имя жизни от символа отступает. Планетарная модель для него не экзистенциальная ценность, а конструкт (понятийная условность, фикция), состоятельность которого удостоверяется не жертвой, но обоснованием. В границах экзистенциального кредо мы сталкиваемся с наличием или отсутствием свободы выбора. Так — в отношении лиц. А народов?

Как утверждалось, историю в некоем генеральном смысле вершит народ. Исторический оперативный выбор за народ делает политическая элита. Так как элита а) складывается стихийно (непредсказуемо); б) действует импульсивно, подчас безответственно, эгоистически, шкурно, буквально прикидывая на ладонях вес решений, слов,

157

— исторический выбор за народ зачастую производится вопреки воле народа (весенний общенародный референдум 1991 г. о судьбах СССР и летний беловежский сговор);

— народу время от времени адресуются разные, порой диаметрально противоположные программные идеалы.

Одно дело контрадикция идеалов (самых резко очерченных, как, скажем, у Кортасара: набор симпатий — Минотавр, детство, фантазия, бунт, стихия, поэзия, революция; набор антипатий — Тезей, стабильность, рассудок, система, благополучие, наука, тоталитаризм) в кругу сознания лица, делающая его более ярким, оригинальным. Другое дело скандальная обстановка смены "эпохальных предрассудков", сравнимая с ситуацией эле-атских апорий, для народа.

Перевороты вверху — потрясения внизу, влекущие неожиданное, непредвиденное, — данная картина донельзя правдиво рисует отечественный изодромный тип социального движения, характеризуемый заходом в крайние, предельные,

взаимоисключающие состояния — точки. Такова, к примеру, пульсация начал общинного — фермерского (цензового) в национальной истории.

Указ 1803 г. о свободных (вольных) хлебопашцах, Манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права — Указы 1881, 1886 гг. о переводе временнообязанных и государственных крестьян на выкупные платежи, законы 1893 г. об усилении общинных начал. Консервация общины при Александре II — реформы Столыпина по укреплению цензового элемента при Николае II. Прерванное Первой мировой и Гражданской Войнами развитие фермерства — политика военного коммунизма (нетоварный прямой продуктообмен). Военный коммунизм — его хозяйственный антипод НЭП. Собственнический, товарный НЭП — коллективизация. Огосударствление собственности при коллективизации — разгосударствление собственности при фермеризации (реформы с 1991 г.).

"Моя свобода творчества в том, чтобы не... становиться рабом той или иной системы версификации", (читай идеала) — говорит Арагон. Чему же следовать? Природе? Но "никогда еще не бывало, чтобы природа дала нечто сверх положенного", — констатирует Г. Манн. Если не природе, то — чему?

Castia omnia casta. Усвоенный властью просвещенческий ответ — разумному духу! Поднимая бунт против природы — ее медлительности, суровости, властно уполномоченный разумный дух стремительно, мгновенно дарует "небеса". Через доктринерство, резонерство, прожектерство вначале в символически мысленном. Затем через фабрикацию, узурпацию, институционали-

158

зацию, выстраивание существования по конкретным формам отражения — идеалам — в природно реальном.

Предпочтение идейного жизненному вполне понятно. Оно от потуги разумно духовной власти с минимумом издержек добиться максимума желательного: посредством комплексов Прометея, Зевса, Пигмалиона достичь состояния регулярного, сиречь выверенного, подконтрольного, планомерно организованного, схематичного существования.

Пусть добродетельная, но глупость, оборачивается преступлением, — торжество чистых идей при их внесении в жизнь отмечено печатью деструктивной, бесчеловечной, расчетливой, аморальной практики.

Вызов самим звездам бросали футуристы, вклад которых в культуру, отдавая должное развитию технических приемов, однако, более чем скромнен. Честолюбивые замыслы по "передвижению границ реальности" вынашивали сюрреалисты, но не смогли этого сделать даже в литературе. Структурализм выродил изящную словесность в неизящный "текст", формальную комбинаторику фигур выразительных.

Правда — тяжесть XX века. Будем искренни, признаем очевидное: освободиться от бремени логики, преобразовывать мир "как угодно" допустимо в духовных, но не практических сферах. Реальное — мрачнее воображаемого.

Художник укореняет идеал высотой. Ученый — глубиной. Властитель обязан утверждать идеал легитимностью. Иначе — универсализация бонтемпеллевского "законы писаны не для нас" с одиозной абсурдизацией мира, приправляемой бюрократически-волонтарным насилием.

Нет богов, есть сверхчеловеки — всезнающие, непогрешимые, перстующие, — символические грезы которых хотят быть не свидетелями, а демиургами, героями своего времени. Между тем идеи сражаются не идейно. Кроме того есть отличие неумеренных в модерновой запальчивости манифестов духовных авангардистов от преобразовательных программ политических авантюристов. Одно дело образный эпатаж, другое дело обязывающие жизненные эскерции.

Можно ли подгонять универсум под образ? Можно ли на весах фантазии уравнивать войну?

Что конкретно противопоставлять уступкам двусмысленности, хаосу варварства и

бедствий? Что предпринимать для очищения купели политики от зловония?

В этическом смысле ступени истинного, экзистенциально выверенного олицетворяют справедливость и милосердие, — что обеспечивает их практически — духовно?

159

Мораль. Бытие и благо обратимы, — замечали схоласты. В каком случае? В случае воплощения в мироустроительной инициативе "благородной простоты и спокойного величия" (Винкель-ман), адекватных высокой морали. Для прагматика, однако, мораль есть "только теория"⁵.

Искомое симбиоза власти с моралью пытался достичь Гольбах, выдвигая идеал моральной политики. Им воодушевился Кант, выведший адвокатов безнравственного за черту политического: истинная политика, — настаивал он, — "не может сделать шага, заранее не отдав должного морали".

Платформа "чистой" морали, центрирующая гуманитарные хилиазмы безотносительно к степени сбыточности, — отчасти условность, отчасти выдумка. Моральность в стихии позитивной жизни перекрывается, заслоняется потребностью, страстью, выгодой, пользой; она здесь — пускай назойливый, но периферический, фоновый фактор, которым жертвует расчетливое сознание.

"Собственное совершенство и чужое счастье" — не основоположения существования; скорее, наоборот: "собственное счастье и чужое совершенство". В жизни силен эгоизм, прагматизм, эвдемонизм. Человек есть цель для себя, а не для других, часто уподобляемых средству. В действительности люди утверждаются не по всеобщим установлениям — императивам, а по максимам — частным субъективным принципам воления. Склонение к поступкам зачастую детерминировано не нравственностью, а давлением обстоятельств, неотвратимостью кары. По этой причине мораль как остов благонамеренных политических действий призрачна.

Добрая воля. "...Искусство, родившись от жизни, снова идет к ней, но не как грошовый поденщик, не как сварливый брюзга, а как равный к равному"⁶, — констатирует Гумилев.

Аналогично и даже более претенциозно, идя от идеала к жизни, поступает политика, обостряя проблему полномочий, прерогатив, подчиняющих жизнь идеалу.

Враз очистить бытие от скверны и провести людей за руку к чаемому — опасная утопия, с которой в России от Достоевского до Плеханова боролись многие, ставившие под сомнение добропорядочность усилий "регулярных" социотехников (общественных коновалов), в качестве ассоциированных типов наделенных чертами романтиков, титанов, бунтарей одновременно. Сочетание свободы, неумной энергии дерзать, идейной просветлен-

⁵ Кант И. Соч. Т. 6. С. 302.

⁶ Гумилев Н. Жизнь стиха // Аполлон. 1910. № 7. С. 13.

160

ности (комплексы Прометея, Зевса, Пигмалиона) представляет гремучую смесь, взрывающуюся при выходе на открытый политический (властный) фарватер "новых", "рациональных" людей, "высших" существ, знающих все досконально. Все... кроме жизни.

У социоконструкторов — "регулярных" устроителей существования, — по меткому наблюдению А. Белого, — небезопасный изъян: кричит особенность зрения — "один глаз дальнзорук, другой близорук, один отдаляет, другой приближает, один телескоп, другой микроскоп". Деформации зрения (сквозь призму символических форм — идеалов) — искажения реалий: многоразличные гиперболы, трансформации пропорций, отношений, связей, уродование масштабов, объемов, контуров. С последующим дохождением до последней черты в поисках правды.

Демонизм всезнания и вседозволенности преобразования составляет специфический фон вырождения живых идей в догмы, революционности в терроризм,

обихожения в насилие. Становясь подпольными тварями, новоиспеченные лжепророки и инквизиторы — кроты истории — принимаются за вершение тлетворного дела всеобщего порабощения, угнетения.

Кому дано право распоряжаться судьбой человека, державы, нации и как именно? Книжным, просвещенным, рациональным, "регулярным", "новым", а на деле "подпольным" людям, которые сами никем и ничем не могут сделаться: ни злыми, ни добрыми, ни подлецами, ни честными, ни героями, ни насекомыми⁷, этим стилизаторам, усвоителям трафаретов, становящимся постоянным источником горести? Высокопарным, самонадеянным ложноклассическим фигурантам истории типа Николая II, Керенского, большевиков, перестройщиков, "чикагских мальчиков"?

Булгаковский Иешуа проблематизирует мнимое самодовольное могущество прокуратора, предлагая согласиться, что "перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил". Решивший судьбу мессии наперекор и вопреки Пилат тем не менее демонстрирует: идущая в ущерб жизни "политическая целесообразность", ведущая к пропасти "властная правда" побеждает, лишний раз подтверждая несопряженность линий рационального и экзистенциального мира.

Если не всем им вместе взятым, тогда — кому? Возможный ответ — обладателям доброй воли.

⁷ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: Т. 5. М., 1975. С. 100.

161

Определяемая моральным законом, выражающая внутреннее величие человека добрая воля означает способность поступать согласно нравственному идеалу, профессиональному долгу. Сколько в политической истории лиц, деятельность которых удовлетворяет основоположениям гуманитарно высокого? Махатма Ганди, Улоф Пальме, Мартин Лютер Кинг... Пересчитать — хватит пальцев.

Пока стержнем существования является интерес, прагматическая позиция, личная склонность, предпочтение, до доброй воли как высшего регулятива политики далеко. На фоне засилья корыстных поведенческих фигур благоволения, благодеяния, благотворения, добродетель в обхождении, приятность в обществе — редкость. По всем этим причинам искомого синтеза вдохновения с совестью на пути "доброй воли" не достигается.

Целерациональное профессиональное действие. Насквозь рациональное должностное фактическое действие в реальности, свойственное просвещенной бюрократии. Такие понятия, как "чиновничество", "бюрократия", "администрация", используя мысль Вебера, «обозначают для социологии, вообще говоря, категории определенного рода совместных действий людей, и задача социологии состоит... в том, чтобы свести их к "понятым" действиям, то есть без исключения к действиям отдельных участников»⁸.

Сравнительное изучение с соответствующей детализацией, персонификацией, индивидуализацией мотивации действий чиновничества представляло бы интересную задачу эмпирической социологии. С позиций принятых нами более широких установок, систем отсчета, замыкающихся не на частный, а на совокупный опыт (в первую очередь богатую российскую традицию), правомерно высказаться о значимости неких поведенческих определений не в отношении отдельных лиц, а в отношении общественных институтов. Допустимо, следовательно, обозреть "чиновничество", "бюрократию", "администрацию" суммарно и по существу и в качестве концептов, явлений наделить их правами гражданства.

Касание к миру реалистического (в методологическом смысле) позволяет учесть в модели целерационального профессионального действия идеальный случай. Действует ли управленческий штаб, реализуя легальное господство, формально рационально? Вебер полагал — да: бюрократия технически выступает чистым типом компетентного легального господства. Он писал: "Совокупность штаба управления... состоит из отдельных чинов-

ников, которые: 1) лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу; 2) имеют устойчивую служебную иерархию; 3) имеют твердо определенную служебную компетенцию; 4) работают в силу контракта... принципиально на основе свободного выбора; 5) в соответствии со специальной квалификацией; 6) вознаграждаются постоянными денежными окладами; 7) рассматривают свою службу как единственную или главную профессию; 8) предвидят свою карьеру; "повышение" или в соответствии со старшинством по службе, или в соответствии со способностями, независимо от суждения начальника; 9) работают в полном "отрыве от средств управления и без присвоения служебных мест; 10) подлежат строгой единой служебной дисциплине и контролю"⁹.

Представляется, что модель машинерии управления, бюрократической механизации и реалистична (в методологическом смысле) и утопична. Еще Гегель квалифицировал как крайний наив наделять чиновников привычкой "к всеобщим интересам, взглядам и делам"¹⁰.

Идеалы разума, сердца, добродетели в чиновной среде, как правило, проявляются в виде "пустого чванства" (Гегель). Невзирая на "интересы дела", функционеры сообразуются с хорошо осознаваемыми "шкурными интересами".

Общечеловеческие ценности. Сам созидающий свою мечту, выступающий с умопостигаемой схемой истории Соловьев декларировал: "Благочестие, справедливость и милосердие, чуждые всякой зависти и всякому соперничеству, должны образовать устойчивую и нерасторжимую связь между тремя основными действующими силами социального и исторического человечества, между представителями его прошлого единства, его настоящей множественности и его будущей целостности"; и далее: "Истинная будущность человечества, над которой... надлежит потрудиться, есть вселенское братство, исходящее от вселенского отчества через непрестанное и социальное сыновство"¹¹.

Мир стал больше человека, но не стал общечеловеческим. Фаза экзальтации гуманитарного космополитизма пройдена. Очарование предрассудков наднациональной идентичности изжито. К воссоединению народов на нравственной (не христианско-теократической, как полагал Соловьев) основе призывают ценности выживания, звучащие призывно, высоконравственно импера-

⁹ Weber M. *Wirtschaft und GeseUschaftl.* B. 2. Köln; Berlin, 1964. S. 162—163.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. Т. 7. С. 319.

¹¹ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 240.

тивы коэволюции человека и природы, достижения экотовзаимо-действия, экокоммуникации, ограничения национального партикуляризма, эгоизма, автономизма. Дефицит человечности, действительно, нетерпим в человеческом обществе (к которому в настоящем мы продвинулись ближе, чем во времена Соловьева), однако материализации традиций добролюбия, милосердия, сострадания, ответственности перед будущим не просматривается. Препятствуют тому

— расчлененность человечества по национально-государственному признаку: историческая общность, лишенная державно-географических пределов, — фикция. Формой объединения людей, сознающих себя наследниками, т.е. имеющими историческое восприятие, несущими семена, переданные предками, является национальное государство — нация, утрирующая частный национальный интерес существования (заблуждался Соловьев, полагая, будто, "церковь... осудит доктрину, утверждающую, что нет ничего выше национальных интересов, это новое язычество, творящее себе из нации верховное божество..."¹². Ничего подобного себе патриотично настроенная церковь не позволяет);

— дискордантность лиц, счастьем которых, как говаривал Гоголь, мешает то

природа, то рядом стоящий человек (глубоко симптоматична в данной связи мощная сюжетная линия, выдающая душевную болезнь за проявление нравственного здоровья. Про это — "Доктор Крупов", "Палата № 6", "Мастер и Маргарита". Ну, и так далее).

Самоотверженность. "Изменить жизнь", — далеко идущая формула Рембо, за которую хватались сюрреалисты, видевшие пользу от трудов, миром отвергаемых. Разбитые мечты, одиночество — амуниция генераторов идеалов, обычно видящих их воплощение, минуя технологическую оснастку. Не таковы подвижники, страдальцы, боговдохновенные пророки, по призванию и убеждению утверждающие верховную правду трудами мученическими, страстотерпческими, героическими.

Восхищение и тоска, страсть сбывающейся мечты, жажда преображения — в жертвенном жизнетворении форм, связанных с преисподней исканиях объяснений, касаниях к сферам таинственного. Невыразимая склонность пылать "упоительной жизнью огня" (Н. Гумилев), искать отважно испытаний пробуждает чувство восхождения на великие высоты к предчувствуемо-прозреваемому.

¹² Там же. С. 241.

164

Свидетельства духа — не привилегия школы. До конца претерпевшие не только спасаются, но и спасают. В основе дедикации — чистой, честной обители благородства — духоподъемные, обнажающие меру подлинности человека акты выбора, превращающие случайное в себе в язык общего, стимулирующие становление смыслов, символов.

Какая сила удержит кровь пробитого сердца? Спокойно, высоко умны, назидательны сплывающие в неприятии несправедливости, небезупречные в своей правоте, но бесконечно дорогие дон-кихоты.

Все имеет предел, самоотверженность не имеет предела, ведя за собой массы, которые "всегда следуют за тем, кто, не обращая внимание ни на насмешки большинства, ни на преследования, твердо идет вперед, не опуская глаз с цели, которая видна, быть может, ему одному. Дон-кихоты идут, падают, снова поднимаются и в конце концов достигают"¹³. Достигают, уча толерантности, не пытаясь утвердить свою исключительность.

Влияние дон-кихотов на двигающих историю лиц и глубоко и прочно. Однако, отмечая это, следует признать: они ставят свою многозначительную мечту на позднейшие, скорее, душевные, нежели политические обретения. Естественно, одно с другим связано, но не прямо. Вероятно, по этой причине роман Сервантеса адресован "неиспорченным", олицетворением коих, по его мысли, являются дети и мудрецы.

Право. В идеале норма, закон, императив, установление имеет статус природной зависимости. Семантическая эволюция здесь не выходит за пределы поведенческой традиции. Так, в средневековье, если замечали петуха, несущего яйца, его через суд приговаривали к казни посредством сожжения. Неестественное, необщезначимое, неправовое лишалось натурального существования, подобно чему лишалось социального существования преступное.

Подчеркиваем: закон природы и норма права пребывала в балансе, что практике социального общения позволяло формироваться номотетически. Вместе с тем, как во всяком глубоком вопросе, тут есть вариации и реализации. Следует с большой осторожностью относиться к движениям от идеальных состояний к реальным: зависимость поведения от норм права не узувальна. Во-первых, в обществе зачастую верховенствуют не законы, а призванные соблюдать их (или свои интересы) люди. Во-вторых, исполнение права обусловлено не кодексами, а правосознанием.

¹³ Кротошкин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 389.

165

нием, дефицит которого во все времена очевиден. В-третьих, отсутствует ясная иерархия приоритетов прав и свобод в контексте велений, правоустановлении, управомочивании, запрещений в системе "индивид — группа — общество". Что считать

первостепенным из прав — права человека, этноса, нации (государства)? Располагаясь в коллизийной плоскости, вопрос, как минимум, не имеет общего решения, нагоняя шквал громких скандалов.

Бессмысленно по-профессорски возмущаться безгарантийной статью обозреваемых практически-духовных комплексов, не убагаживающих от удушья застенка в контуре "идеал — политика — насилие". Претерпевающий до конца, быть может, спасается, но как избежать "претерпения"? Достаточно ли святости, долга, добродетели, совести, достоинства для придания бытию "архитектонической стройности" (Федотов), непревращения истории в "растрепанную импровизацию" (Герцен)? Скорее всего, нет.

И герои могут быть смотрящими внутрь себя, "зажмурившимися". И мессий может не хватать для указания путей к спасению. (К чему тогда адепты, апостолы, гении?)

Множество разумных существ лишено доброй воли как основания поступать по моральному закону, общечеловеческому долгу ("долг", кстати, специфицируется в привязке к эмпирическим обстоятельствам типа "долг перед...", "присяга на...", разваливая понятие "универсального долга"), обнаруживая не автономный, а гетерономный строй данных установлений, зависимость их от внешних, "легальных" обусловливающих.

Ближе к долгу — ближе к святости. Величаво спокойная жизнь по самоопределяемой нравственной воле — вещь диковинная, причудливая, странная. С одной стороны, жизнь может быть оправданна, если в ней есть место чуду. С другой стороны — жизнь исключает возможность чудес. Великомученики, жертвенники, страстотерпцы — не лицедеи истории; морально-политические герои трагедийны.

Внутренне, нормосообразно человек не приобщен к некоему "верному" образу действия; ему не дано знать его "должное". На пути высоких чувств, нравственной необходимости поступать так, а не иначе, оказывается вдруг нечто призрачное; какой-нибудь "комод" (Зощенко), "научно обоснованная" вседозволенность, политическая целесообразность "нашими мириться головами", говорить "одну правду", а не "всю правду".

Права, возможности, горизонты, личная ответственность человека — последнее, с чем считается власть. По этой причине исторического освобождения человечества в форме многозначи-

166

тельного перемещения из "царства законов" в "царство нравов", как предвещал Руссо, не последовало.

Однако достоинства человека определяются глубиной его души. Чему доверяет ни во что не верующий? Вечная тяга к "идеальному", вечное желание высшего, совершенного с новой силой обостряют вопрос: как творить историю, какими принципами в том руководствоваться?

В положении "перед лицом судьбы" высшей и последней целью человеческого разума в согласии с просвещенческими традициями заставлять жить то, что не существует, объявляется инкарнация идеала.

4. Инкарнация идеала. Рафинированные просвещенческие изыски регламента подчинения жизни разуму, фундирующие *summa humanistica* нового типа, подверглись фронтальной рефлексии в немецкой философской классике, озабочившейся выявлением содержания, границ, возможностей разума в деле руководства жизни. В качестве не предсказанного резюме грандиозных интеллектуальных штудий были повторены избитые, *стертые* просвещенческие слова о конгруэнтности универсума истории универсуму разума (Кант, Фихте, Гегель). Известное исключение составил Шеллинг, квалифицировавший немецкий философский рационализм "негативным" и дополнивший его доктриной иррациональной воли как творящей стихии сущего. Однако успеха его ход, вырождавший философию в теософию и мистику, в интеллектуальной среде не имел. Вершиной спекулятивной категориально-логической археологии действительности оказывалось гегельянство, рациональный порядок мира конституирующее панлогистским

кредо: "Все действительное разумно; все разумное действительно".

Эта итожащая эволюцию нововременной просвещенческой метафизики формула, узаконивающая схему рациональной необходимости сущего, предстала предметом всесторонней критики. Оппонентов и справа, и слева не устраивали отрешенность, догматичность, созерцательность, "чистота" рефлексии мира, ее безразличность, невосприимчивость к "фактам" жизни. Отход и отказ *от* спекулятивности выразились в смене ориентации творческого процесса: абстрактно-логическое категориальное конструирование действительности вытеснилось приземленным ее проектированием. Радикальную субституцию метода спекулятивных абсолютов почти одновременно провели Фейербах, Кьеркегор, Маркс, за личиной "принципиальных" сущностей соответствен-

167

но обнаружившие чувственную, жизненную, предметно-практическую, т.е. вполне мирскую основу существования.

Немецкое классическое философское продумывание Просвещения, подводившее к бесхитроустному выводу: идеал, мечта, находя воплощение в себе, претворяются в реальность посредством прогрессивного животворящего развития духа, — оставляло непроясненным: как именно? Киммерийски беспросветной по этой причине выглядела платформа, по которой практический разум действует в согласии с собой по им же учрежденным законам (Кант), самоопределениям (Фихте), причастностям к мировому духу (Гегель). Понимать, воспринимать, постигать жизнь, людей издалека, как герои Стриндберга, не вдохновляло уже Шеллинга, ощутившего недостаточность немецкого классического философского подхода, но его не преодолевшего. Просвещенческий рационализм не снимается рефлексивным трансцендентализмом, — именно эту мораль из эпопеи предшественников вынесли их критические последователи, наметившие направления ревизии просветительско-трансценденталистской философии символических форм под знаменем антропологизма, экзистенциализма, социального активизма.

Перекрытие жизнеотрешенности просвещенческой рационалистической философской классики намечалось

— фейербахианством — посредством фигур индивидуальной жизни в чувственном опыте;

— экзистенциализмом — посредством комплексов персонального опыта трансцендирования в пограничных ситуациях;

— марксизмом — посредством преобразовательных усилий коллективного опыта в социально-революционных трансформациях.

Состоялось ли "перекрытие"? Смотря на вещи настолько беспристрастно, насколько позволяет временная дистанция, скажем: не состоялось. Не состоялось, оттого что способами организации, упорядочения мира оказывались идеалы. Правда, в противовес Просвещению формулировались они в терминах не рациональных, а чувственных (антропологизм), судьбических (экзистенциализм), революционно-поведенческих (марксизм), однако же, как и в Просвещении, — доктринальных — от мира и жизни оторванных, нарочитых (последнее справедливо и для марксизма, выказавшего как теоретическую, так и практическую утопичность).

Искусство заявляет идеал высотой, глубиной. Наука — истинностью, обоснованностью. Инициация поведения в искусстве, науке, — гуманитарное зодчество, самовозвышение. Политика

168

заявляет идеал популизмом, насилием. Пафос политического идеала — поведенческие реакции.

Рефлектируя чистый и практический разум (духовные и практически-духовные формы), философия от Аристотеля до Просвещения исключительно строилась как "первая философия" — символическая доктринация идеалов. Просвещение оборвало традицию,

перешло на платформу "последней философии" — философии обмирщения идеалов. Осмыслить существо подобного перехода пыталась немецкая философская классика, восстановившая традиционную схему примата "первой философии": мир, жизнь являются ее воплощениями (воплощениями практического разума в форме свободы). Отсутствие технологии культивации потребного бытия в наличном, однако, подорвало значимость этой линии. Последующее критическое преодоление немецкой классической точки зрения на фоне неизбежной для такого явления палеоскопии реставрировало просвещенческую методологию идеальной терапии существования. Углубив жанровые тяготения, реставрация новыми гранями высветила просвещенческий символизм, который, не рассматриваясь более в качестве особого вида интеллектуального (идеального) осуществления, превратился в штюрмерство, стал альфой и омегой политического практицизма, опорой "бури и натиска" в некоем *sensu cosmico*.

Человек — деятель в мире, — такое в рефлексивистской парадигме спрягается с индивидом — садовником эгогенеза, устроителем персональной судьбы. Именно в подобной плоскости об искусстве возделывания размышляют:

— Шекспир: "Каждый из нас сад, а садовник в нем воля. Расти в нас крапиве, салату, иссопу, тмину, чему-нибудь одному или многому, загдохнуть ли без ухода или пышно разрастись — всему этому мы сами господа";

— Достоевский: "Жизнь есть целое искусство... жить значит сделать художественное произведение на самого себя";

— С. Булгаков, высказывающийся о святых подвижниках, кто "самую жизнь свою делает художественным произведением".

Человек — делатель мира, — такое в активистской парадигме спрягается с индивидом — садовником космо- и социогенеза, организатором коллективной судьбы. В подобной плоскости об артистизме как руководящем жизнеобеспечении размышляют создатели энигматических идеалов существования:

— Н. Федоров: "Наша жизнь есть акт эстетического творчества";

— Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, Н. Евреинов: идея театрализации мира;

— Скрябин: идея игрового мироотношения;

169

— Гастев: идея перспективного достижения сверхколлективизма, превращающего человечество в невиданный социальный автомат;

— Троцкий: идея революционно-бытового порядка борьбы за организацию нового контингентированного (ср. с бабуизмом) общества.

Человек — деятель, человек — делатель. Какая пропасть между ними! Первый трансформирует себя. Второй деформирует действительность. Первый связан диспозициями, согласованием идеалов с жизнью. Второй связан санкциями, согласованием жизни с идеалами. Один нацелен на самовозвышение, внутренний рост. Другой — на миссионерское внешнее воплощение.

"Природа и наши сознательные... умы действуют по одним и тем же законам", — полагает Джинс. Ничуть не бывало. Умы искажают, извращают, навязывают природе законы. Прекрасно отдавая себе в этом отчет, Чаадаев заявляет приоритетность эстетической стороны миротворчества: "мысль разрушила бы нашу историю, кистью одной ее можно создать"¹⁴. Ему вторит Бакунин, выдавая индульгенцию на социально-историческую импровизацию: "Сравнивая народы, творящие собственную историю, с художниками, мы могли бы спросить: разве великие поэты ждали какого-нибудь открытия наукой законов поэтического творчества для создания своих шедевров"¹⁵. Метод полета мечты в искусстве навевает мотив исторической режиссуры: трактовку истории в качестве театрально-фарсового сочинительства.

Доктрина артистизма в истории вызывает самые решительные возражения. Озаботимся: чем руководствуется художник в создании шедевров? Чувством меры, гармонии, такта, пропорциональности, законами красоты, императивами высокого, глубо-

кого, духоподъемного. Даже если последние в чем-то не соблюдены, при всех возможных издержках социальный эффект этого ввиду "отрешенного", недеятельного характера духовного производства мизерный.

Иная схема ситуации в случае истории, социума. Подрыв чувства меры, "пропорциональности", осмотрительности, склонность к импульсу, импровизации в действии чреваты насилием, истреблением, разрушением. От эстетического творчества тут можно прийти к боевому порядку трудовых армий и практике организации ревзаповедников.

Отчего так? От возможного разрыва эстетического с этическим, доктринального с экзистенциальным в конструировании

¹⁴ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. Л., 1989. С. 268. Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 51.

170

мира. Подобный разрыв уже трудно терпим в сфере духовного опыта, где вводятся ограничения, запреты на свободу "создания шедевров" (отповедь проповеди недостойного); тем более нетерпим в сфере опыта социально-исторического.

Жизнеустроительное зодчество не совпадает с эстетическим творчеством. В рамках своего таланта художник безграничен, независим. Ему пристало жить идеалами, претворять их. Гармония художественного идеала с миром есть, она представляет тайну. В рамках своих компетенций, полномочных функций политик ограничен, зависим. Ему не пристало жить идеалами, претворять их. Гармонии политического идеала с миром нет, потуга добиться ее представляет бойню.

Жизнь благоговеет перед пророком в искусстве и жизнь переступает через пророка в политике. Актер в миру — мизантроп, провокатор.

Демонизм в социотворчестве, связанный с исключительным правом воплощать сконструированные смыслы, идеалы, разоблачает себя в создании миротрагических произведений под революционно нигилистическими аншлагами "рабство всех и свобода одного", "все дозволено". Соразмерность претензий и исполнения в политике — раритет.

Оттого эkkлeсиология, софиология, имяславие, мистерио-логия, ревелация, идеалология — не почва жизни, истории. Источник роковой ошибки считать, будто идеалы — стандарты, модули, меры, имеющие онтологическую силу.

История — не театр символов; политика — не деятельность-ный ресурс отношения к реальности как материалу, подлежащему идеальному преодолению. Событийная существенность не поддается ваянию, формотворчеству. Мир существует для людей, живущих не идеалом, но интересом.

Сказанное не обламывает острие вопроса: в чем отрада в отстаивании мечты, почему "не жалко жизни целых поколений ради одной искры пламенной идеи" (Г. Манн)?

Cadit quaestio при учете следующего.

1. Тираноборство, богоподобность: интенция на сверхпори-док, который, как отмечает Г.Брох, "не относится к сфере практики и не может быть понят с ее точки зрения, но который... осознается". (Комплекс Прометея.)

2. Мессианиззм, миссионизм: интенция на безраздельное господство (сорт наиболее вожеленной, чаемой власти¹⁶) над умами, душами. (Комплекс Зевса.)

¹⁶См.: Философия власти. М, 1993.

171

3. Разволшебствование мира: интенция на перескакивание действительности идеальным броском, перекрытие границ допустимого художественно-артистическим космотворчеством. (Комплекс Пигмалиона).

Радость развертываемых разумом идеальных далей мобилизует творцов, одержимых дать полную наслаждений и почестей жизнь зависимым от них креатурам. Исчерпывающе об этом — у Бальзака: «...я вернул вас к жизни, вы принадлежите мне, как творение принадлежит творцу, как тело душе!.. Вы будете блистать, покуда я... буду

закладывать основание великолепного здания вашего счастья. Я люблю вас ради власти! Я буду наслаждаться вашими наслаждениями, запретными для меня. Я перевоплощусь в вас... Я хочу любить в вас свое творение, создать вас по образу и подобию своему я буду любить вас, как отец любит сына. Мой мальчик, я буду радоваться твоим успехам, как своим собственным, и говорить: "Этот молодой красавец — я сам! Маркиз дю Рюампре создан мною: его величие — творение моих рук..."»

Любить в ком-то свое творение — старая как мир привычка делать из человека всадника посредством лошади.

Там хорошо, где нас нет. Именно: в Беловодье — сказочном месте, где молочные реки окаймлены кисельными берегами. Как достигается Беловодье? Говоря односложно, приемом мениппо-вой сатиры в духе *tour de force*. По захватывающе-жизнеподобной логике умирания. Старое плохо, новое завораживает. Тайная мысль — хуже, чем в настоящем, не будет. Пробуждение воли. Мобилизация духа — не эфирного призрака, витающего где-то "в небесах, пока жизнь убого ковыляет по грешной земле" (Г. Манн), а творца новой жизни. Вселение в народ, у которого кровь закипает в жилах, как только разум доказывает, что порядок, власть должны быть ниспровергнуты. Благородное безрассудство, когда справедливость идет в ущерб жизни, правда ведет к пропасти. И гордая жертва ради духа, дабы другие могли стать лучше: пусть, едва закончив освободительную борьбу, народ попадет в новые цепи, пусть свобода отступит назад, пусть царство разума отсрочится с последним дыханием его защитников, — они продемонстрировали величие идеала, у которого есть свои воины.

Итак, разум — ничто без воинов; дух — сама жизнь; людям "недостает дара ваятеля, который мог бы придать жизни форму, согласно велениям духа" (Г. Манн). Однако же *facta loquuntur* об обратном.

— Есть предел легитимного проникновения внешней позиции в индивидуальную независимость, и это — экзистенция; де-

172

вальвация индивида в коллективизации, этатизации в конце концов приходит к выводу, что "нельзя осуществить великие цели маленькими людьми, и совершенный механизм, которому все принесено в жертву, ни для чего больше не годится именно в силу отсутствия витального духа, подавленного для ускорения движений самого механизма" (Милль).

— В нормальные периоды общественного развития власть должна принадлежать не людям, а законам, иерархия которых отдает приоритет соблюдению прав человека, считающихся священными.

— Принципиальные эффекты, разнообразные контрастные направления социально устроительной деятельности не просчитываемы; природа рациональности такова, что разумные цели могут вызывать неразумные результаты. "Чтоб взвесить и оценить участие и результаты... деятельности в развитии объективного порядка дел и вещей, — указывает Кавелин, — мало указать на ее непосредственные, ближайшие результаты: надо проследить их далее, до конца; только полная картина всего, что произошло вследствие такой или другой деятельности... дает *возможность* сделать правильный вывод, а такая картина редко бывает у нас перед глазами"¹⁷.

— Рационально-революционная установка на "всеобщее благо" от Монтескье до Маркса и далее в корне своем фиктивна. Во-первых, освещенная разумным расчетом земля "сияет светом триумфального поражения" (Хоркхаймер, Адорно). Во-вторых, рационализация служит какой угодно цели — порочной или благой: она — инструмент социальных действий; устанавливать цели, нормы ей не дано, — цели, нормы устанавливаются другими. Ratio, следовательно, «уже не ищет объективных и универсальных истин, чтобы сориентироваться на них, а имеет дело с инструментами для уже данных целей... все решает "система", иначе говоря, — власть» (Хоркхаймер). В-третьих, реальность не покрывается "рациональной революционностью". Революционные броски

вперед как технология обмирщения идеалов и затратны, и порочны: "революция — прогресс, — подчеркивает Мерло-Понти, — когда настоящее сравнивается с прошлым, но она разочаровывает, если сравнивать достигнутое с якобы предугаданным, а затем задушенным будущим". Последовательным, полномасштабным неприятием рационально-революционной просвещенческой методологии социального устройства оказыва-

¹⁷ Кавелин К.Д. Задачи этики // Философские науки. 1990. № 11. С. 93.

173

ются столь глубокие протестные движения XX в., как революция потребления, сексуальная революция, авангард.

— Учение Руссо о суверенитете народа, углубленное Фихте принципиальным выводом: "народ действительно и по праву есть высшая власть", — нейтрализуется нереалистичностью отправления власти большинством *на* практике. Как высказывал Платон и поддерживавший его в этом Кант, лучшими выразителями народной воли являются понимающие жизнь глубокие философы. Так возникла активно эксплуатируемая модель обремененных знанием исторических ("объективных") тенденций вождей, лидеров, предводителей. В наши дни — перед лицом многотрудных судьбоносных испытаний — пользоваться данной моделью невозможно. Народ более не может позволять себе иметь столь великих людей. Как настаивает Г. Манн, "народ не может теперь допустить, чтобы они лишали его собственной воли, чтобы они развращали или заражали его". Стезя поводыря, путеводителя в отношении народа — мнимая, себя изжившая.

— Абсолютизация полномочий разума по заявлению идеалов искажает, извращает мир. Постулат разумности мироустройства, управляемого необходимыми законами, всеобщими идеалами, навевает иллюзию достижимости универсального блага (через практику стандартизирующего поставляющего производства), предопределяет складывание легальной тотальности. Между тем жизненный опыт открыт не схематичным, а витальным началам. В стихии позитивного самотека рутинного существования скорее нам нужен не контроль, а участие, не единообразие, а разнообразие, не унификация, а понимание, не внушение, а доверие. Мы добиваемся не однозначности, а отзывчивости, теплоты, взаимности. В соответствии со своей собственной правдой мы отдаем предпочтение "однажды", нежели "всегда". Согласие в мире жизни не может поддерживаться репрессивной социоинженерией. По этой причине а) идеалы хороши, когда прячут над вещами, их не затрагивая; б) политика в старом субстанциальном карательном смысле едва ли возможна, — мы нуждаемся в техническом инструментальном овладении жизненным пространством, прежде всего ясном, точном различении того, где возможна свобода и где она невозможна.

— Утопизм рационального идеала соседствует с фанатизмом его воплощения, вызывая недоумение: почему мечты, упования, чаяния требуют человеческих жертв; что означает воевать за разум; отчего за разум надо воевать? В плане выработки ответов на вопросы выделим две плоскости.

174

1. Полномочия, прерогативы носителей идеала. Искусство, наука проводят идеал образностью (демонстрация, экспозиция), политика — *деятельностью* (деспотия, диктатура). В науке, искусстве вводить идеалы, выступать от их имени дает право талант. В политике — подпольное самозванство. Индульгенций, санкций на двусмысленные карательные мероприятия по обмирщению идеалов политикам не выдает никто. Социотехническое, техноморфное чудотворство политика разворачивает спорадически — на свой страх и риск. Что видно из революционного подполья, кроме излишеств, претензий, притязаний? Ничего. Путь намечаемый оттуда, — кровавый, жертвенный (и, прямо скажем, — непрозрачный для самих системщиков разума — подпольщиков революции. Вспомним парадоксалиста Достоевского: я и сам "знаю, как дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого

никак не найду"¹⁸).

2. Отношение жизни к идеалу. За разумно обоснованный, имплантируемый в жизнь идеал требуется воевать потому, что жизнь и ее устройство идут не по разуму, а по интересу. Интерес же вводится, заявляется эмпирически-экзистенциально и никогда доктринально-рационально.

— *Вечность духа, осиянность идеала*, взыскав мобилизации людей на воплощение мечты, требуют жертв. Это потому, что природа вещей, обеспечивая жизнь, не сообщает свободы, справедливости, достоинства, совершенства. Экзальтация в художественном, научном творчестве протекает как символическая борьба за чаемое. Экзальтация в политическом, социальном, историческом творчестве протекает как судьбоносная борьба за него. Вспомним декартовское: посредством усилий разума стать господами и владетелями природы. И если бы только ее. Архипелаг рационально-революционного сознания и инспирированного им действия гораздо шире — включает и общество, и человека.

Недовольство жизнью у художника, ученого выражается в разработке идеала. Недовольство жизнью у политика, властителя выражается в социальной мелиорации. Не по высоте образа, глубине мысли, а произвольному захватному, кулачному праву.

Вопросы: чем мы должны быть, куда мы должны стремиться? — вопросы не доктринального, а экзистенциального выбора. Выбора нечаянного, идущего вразрез с рациональным методом. Однако нашего. Выбора, который за нас никто не волен делать.

Достоевский Ф.М. Цит. соч. Т. 5. С. 121.

175

Покусительство на будничного, "воспроизводящего" человека — от экзальтированной политической героики, пытающейся превзойти творчеством случайность, к царству которой относится повседневность¹⁹, воспарить над переменчивой, точно "форма облаков" (Дьюи) злобой дня, достичь устойчиво идеального.

Жизнетворчество не по малым, медленным трудам, а идеалам, соответствуя интересам разума, спекулятивным и практическим, забирает у человека мир, действительность, давая взамен "идею". "Идея — это старость души", — заявляют братья Гонкуры, подразумевая усталое отношение к действительности через призму символических обобщений, иносказаний, парабол образов, разъединяющих инстинкты и мысль, стихию и сознание трещиной взаимного отчуждения.

Концентрированная ненависть к чувственно-позитивным реалиям воплощается в ненавистном типе разумного их погромщика. Homo sapiens примеряет тогу Homo credens: он додумался до небытия и жаждет его претворения. Хорошо если, желая жить, народ не спрашивает о том, как он живет. Ну, а если начнет спрашивать, увлечется "нелепым" стремлением соответствовать "требованиям дня", найдет своего демона, будет послушен ему в ткани нити своей жизни²⁰. Что тогда? Тогда проявление совести воспринимается как моральное разложение. За всяким несогласным становится виден прицел наведенной винтовки. Настает реванш Пифона — злобной, грубой силы. Во имя духа, разума, идеала народ приносится в жертву.

Гуманитарная цена идеала... Эту проблему поднимал Достоевский. Если реализация идеи требует уничтожения одного человека, она не годна. Так почему годна идея, требующая уничтожения миллионов?

Уничтожать все и вся можно требовать в манифестах художественных (что в избытке присутствует в декларациях футуристов, дадаистов, ташистов, фовистов, ультраистов, абстракционистов), но не политических. Пещерные порывы здесь принимают форму не отрешенных дум lotus eaters, а чревобесия мечей социальных коновалов.

Между тем никому не дано право губить массу "невинных цветов" (Гегель). Непомерные амбиции, радикализм, максимализм, как-то терпимые в символическом опыте, должны быть надежно исключены из опыта социально-исторического. К чело-

веческой гармонии, устойчивости гарантийного существования

¹⁹См.: Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. С. 32.

²⁰См.: Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 735.

176

нельзя идти через насилие, прессинг, пытку, капитуляцию, жертвоприношение, идолопоклонство, через рациональную пропись для эпигонов, подменяющую реалии.

— Уподобление богам питается небесспорной дихотомией "великие люди — ничтожные, миметические массы". Насколько оправдана дихотомия?

1. Самый великий человек, именно самый великий, —отмечает Г.Манн, — "велик лишь в те часы, когда он творит". Непосредственный плодоносный миг креативности сближает нас с богом. За пределами акта творчества великие люди — банальные обыватели. В подтверждение довода апеллируем к тому же Г.Манну: "Сколько мертвого времени в жизни великого человека, когда он чувствует себя опустошенным и маленьким! Сколько лжи и насилия над собой требуется для того, чтобы изо дня в день казаться таким, каким бываешь очень редко"; Валери: мы забываем об истоках, скрываем происхождение трудов — "Мы боимся, что они *заурядны*; мы даже опасаемся, что они окажутся естественными"²¹; Руссо: кто может сказать о себе — я лучше этого человека; Камю: "Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение".

2. Тип борьбы за высокое, совершенное, потребное, идеальное у просвещенца и простолюдина различный. Первый требует жертв. Второй — осмотрительности. Через убогую схоластику и жестокую теологию (как выясняется *post factum*) один навязывает одному ему ведомые ценности. Другой оберегает ценности привычные, извечные. Один берет в союзники технологическую рациональность — индустриализм, бюрократизм, популизм, бонапартизм. Другой — жизненную укорененность, логику традиционного выживания.

Оставляя сопоставления, и переходя к выводам, спросим: кто из них более мудр, основателен? Нечто, что предшествует всем теоретическим ответам, состоит в императивах

— человеку надо иметь жизнь, мир, действительность;

— человеку нужно жить, не *жертвуя жизнью*;

— нельзя жертвовать другим человеком; жертвовать можно только собой.

Данные императивы разоблачают демагогов с рационально-революционной (консервативной или либеральной) фразеологией. Человеческое бытие не подлежит разрушению. Даже экстремисты в искусстве не теряют социальной весомости, человеческой полноценности. Пределом отрицания наличных реалий

²¹ Валера П. Об искусстве. М., 1976. С 32.

177

для Сартра, Ортеги выступает нетрансцендентность, для футуристов — скорость, динамизм, милитаризм, для каталонцев (авторов "антихудожественного Манифеста") — посттехническое состояние духа (кинематограф, бокс, стадионы), для Дали — бытовой комфорт (от унитаза до граммофона). Засасывающая "трясина" обыденности сказывается.

Излет XX в. означает конец веры в вождей, как он обозначает конец веры в плодоносность, точно лоно девы непорочной, рациональных жизнеустроительных проектов. (Напомним: просвещенческая рациональная революция завершилась гильотиной.)

Человечество мудреет. Утопии рациональной революции оно начинает предпочитать жизненный реализм текущей истории. Оно опрометчиво не бросается более практически-обыденными святынями — иметь сердце, иметь душу и только вследствие того быть человеком.

Булгаковский Мастер, не заслужив света, получил лишь покой. Почему? В чем его ошибка? В слабодушии. Отказе от борьбы за высокое — истину, чувство.

Лишь тот, кем бой за жизнь изведен. Жизнь и свободу заслужил.

"В жизни нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души", — высказывает Чехов. Фаустовской сделки Мастер избежал. Однако не отверг помощь. Достиг потребного "при посредстве".

Как же дойти до света? Через борьбу? Ведь если нет, то — примирение с несообразимым. Потворство свинству. Если да, то как обойти "фурию уничтожения" (Гегель), когда день протеста становится днем гибели?

Как угнетенным заявлять волю? Говорит же Руссо о праве народа на восстание. Г.Манн о часе инициации, когда нельзя принять жизни, о неприглядности которой даже нет возможности безнаказанно размышлять.

Заявленный предмет трудно обсуждать в небольшой работе, не прибегая к предельно высокому уровню абстракции. Опасная утрата критериев жизненной состоятельности, по-нашему, заключается в превращении фактов истории в факты внечеловеческого суда при развитии программ существования из чуждого идеального ядра.

Жизнь не рассчитана на вознесения и сошествия, молниезарные картины, вдохновенные импровизации. Ей противопоказан резкий, суровый тон Златоуста. Но это и демонстрирует, что

178

социально-политическое устройство не может двигаться внепрагматическими идеальными принципами. К политике вообще пора начать относиться не как к сакральному, а как к техническому ресурсу, нацеленному на достижение баланса интересов.

Мечта Руссо о рационально устроенной жизни в национальном государстве — плод сомнительной, едва не больной фантазии. Заслуга Руссо в анонсе понятия потребного. И только. К самому же потребному в жизни лично он, развивавший теорию педагогики, но отдавший собственного ребенка в приют, враждовавший с привилегиями, но их добивавшийся, никакого отношения не имел. Тем более не имели к нему никакого отношения вышедшие из Руссо и просвещенческого гуманизма штурмующие поколения французских комиссаров и коммунаров и далее — марксистов-большевиков, "реформаторов-демократов", развязывавших массовый террор, практиковавших уничтожение собственного народа.

Облака надежд и почва жизни. Сближение их в устройении носит волевой и метафизический характер. В результате — ситуация свечи, подожженной с обоих концов; пророк оказывается в той же яме, что и бредущий за ним историк.

Заветный выход — в отказе от склонения символических просвещенческих формул. Содержание исторического процесса — не утверждение разума, а "самотворчество человека в мире" (С.Булгаков). В духе апологии человека в мире и следует развивать философию истории. Ее следует развивать, таким образом, как философию жизни. Вникнем в суждения

— Толстого: "Если допускать, что жизнь человеческая может управляться разумом, то уничтожится возможность жизни"²²;

— Вебера: "...возрастающая интеллектуализация и рационализация не означает роста знаний о жизненных условиях, в каких приходится существовать"²³;

— Гуссерля: "В нашей жизненной нужде... науке нечего нам сказать. Она... принципиально исключает те вопросы, которые являются жгучими для обесцененных людей в наше бездушное время судьбоносных переворотов: вопросы о смысле или бессмысленности всего нашего человеческого бытия... Только они касаются людей как свободно себя определяющих в своих отношениях к человеческому и вне человеческого миру, как свободных в своих возможностях... формировать себя и свой окружающий мир"²⁴.

²² Толстой Л.Н. Цит. соч. Т. 7. С. 250.

²³ Вебер М. Цит. соч. С. 713.

О чем речь? О крахе сциентизма как замещающей жизнь духовной формы современного общества, который никогда и не был "подлинной культурой, а являлся ее чудовищной деформацией"²⁵.

Кризис рациональной науки не в научности, а в гиперболизации значения науки для жизни. Со времен Коперника, Галилея, Декарта утвердилось монополия физикалистского, объективистского взгляда на природу вещей как соподчиненного действительности мира формул. Усиленный обильной риторикой Просвещения взгляд этот обрел плоть мощнейшей, влиятельнейшей институционально-бюрократической, социотехнической парадигмы *production of order*. Преобразования через манипуляцию, технологическую фабрикацию стали нормой социальной практики вплоть до выведения абсолютно конформного "нового человека" — идеального элемента идеально организованного общества.

От фиктивных жизневыхолощенных конструкторов к идеальному "организованному" обществу, — таков закономерный путь от символического универсума ученых к "рациональному" универсуму политиков. В силу чего? В силу незнания, непонимания, игнорирования подчиненности науки, политики жизни.

5. Фундаментальность жизни. Универсальное самоосмысление, задуманное Гуссерлем как феноменологическая критика потерявшей мир позитивной науки с соответственным приданием ей жизнесмысловой направленности, на наш взгляд, верно по замыслу, но не по разработке. Быть может, по этой причине у Гуссерля есть исследователи, но нет последователей (в данном вопросе).

В чем упрекает Гуссерль нововременную науку?

- В остаточности — нечувствительности к ценностно-этической проблематике;
- в частичности — утрате целостного взгляда на универсум;
- в физикалистичности — выработке искусственного, формульного, схематичного взгляда на природу;
- в потере наглядности — дискредитация чувственного опыта, перцептивных воплощений в выстраивании "чистым" мышлением "чистой" теории;
- в дидактичности — объективировании визуального мира, выхолащивании индивидуально-конкретного; подмене предмета методом, расчетной техникой.

Мы не хотели бы вступать в область, которая расценивается нами как слишком тонкий лед, однако скажем прямо: упреки —

Mondin B. Una nuova cultura per una nuova società. Milano, 1980. P. 197.

странные. *In sensu stricto* традиционная нововременная классическая и сменяющая ее, унаследующая от своей предшественницы дух условности неклассическая наука в воссоздании вещных реалий языком теории действовать иначе не могут. С Коперника, Галилея, Декарта — развертывания новоевропейской интеллектуальной революции — наука как знание искореняет

- наглядность;
- вытесняет докатегориальное, непредикативное;
- лишается полномочий на тематизацию экзистенциальных вопросов (цели, ценности, идеалы).

Наука складывается как колоссальная ноогенная машина, ориентированная на получение знания о безличных, слепых, репродуктивных, самоопределяющихся бытийных автоматизмах, возникающих между механически (натуралистически, каузально) взаимодействующими объектами²⁶. Принципиальный способ их (подобных объектов) изучения (постижения) — генерализация, математизация, идеализация, критика чувственности, рациональная индукция, гипотетико-дедуктивная репрезентация, позволяющая добраться до сверхчувственного (преодолеть визуальность), выражаемого в

пустотной механике через набор конструктов, умозрительных фикций.

Все это, повторяем, общее место научного сознания, не рассчитанного на освоение проблематики жизненного мира (смысл и бессмысленность всего человеческого). Что предлагает Гуссерль? Развернуть науку в сторону жизненного мира, понять человека как неотчуждаемую от него инстанцию, лишенную "геометрической идеальности". Вперед назад к чистой субъективности связанных с жизненным миром специфических чувственных качеств, — вычурная платформа, к которой (в особенности с учетом сказанного об аристотелевском наивном реализме) должно относиться с большим скепсисом. Говоря кратко, она (платформа) разрушает и мир, и науку. Науку, потому что в результате усилий Коперника, Галилея, Декарта знание отстранилось от мира, что позволило ему стать систематическим, тео-рийным. Мир, потому что структуры, отношения жизнесферы не конституируются наукой. Программа Гуссерля, следовательно, призрачна, невыполнима.

Положительное суждение, опирающееся на ряд симптоматичных моментов, которое выдвигаем мы, заключается в двусоставной мысли

— никакой поворот науки (тем более фундаментальной) к жизни не нужен и не возможен;

² Также см.: Науковедение и история культуры. Ростов, 1968. С. 78.

181

— нельзя устраивать жизнь по идущим от науки доктринальным рецептам.

Гуссерлевская критика науки, как представляется, требует редакции.

Наука есть эффективный, изоциренный органон выстраивания абстрактных, логически возможных типов реальностей, опосредованно связанных с объективной реальностью и берущих ее в "недуховном", "нечеловеческом" измерении, в отвлечении от судьбоносных "смысловых формаций". Испытывать идиосинкразию по этому поводу беспочвенно, недопустимо: наука не имеет дело с подлинной человечностью.

Науку следует критиковать не за "бесчеловечность", а за формальность, недальновидность, с какой она, угождая политике, позволяет устраивать мир по знанию, губительным для жизни "всесторонне обоснованным" предписаниям. Оказывается: объект критики — не удаленная от жизни положительная ткань знания (которая *ex definitio* не может быть жизнеориентированной); объект критики — попустительство, когда наука выдает индульгенции власти на якобы просвещенное (фундированное теорией) рациональное верховодительство — жизнью, миром, судьбой, человеком.

Под зримой оболочкой фетишизации науки просматривается глубинный архимотив "стать господами и владетелями", оправдывающий выстраивание тлетворной цепочки: рационализация — схематизация — институционализация — бюрократизация — политизация — фабрикация — манипуляция — механизация. С "новым" человеком-винтиком рационально устроенного ревзаповедника.

Интеллектуальная рационализация в качестве конформного отображения на социум имеет гуманитарную механизацию. Разум обслуживает резню: он призван сказку сделать пылью. Подъем духа и изничтожение, — в этом, именно в этом гибельное и губительное противоречие просвещенческого ратоборства. Устранимо ли оно? По-нашему — да. Но не поворотом науки к жизни, а апологией жизни.

Используя мысль Дюрренматта, скажем: картина мира в науке есть точное выражение того, как мало мы знаем о жизни. Комбинирующая "предельными случаями", "идеальными выражениями" наука с жизнью не сопряжена. Ее и не требуется сопрягать с жизнью. Главное — не допускать превращения формального и формульного универсализма знания в технологический универсализм политики. Требуется запрета доктринальный научно-теоретический способ расчета целей и ценностей жизни,

182

ставящий инструментальные идеалы над человеком, превращающий бытие в автоматизированное существование, безликую, бездушную организацию.

Вопрос Маркузе: возможна ли нерепрессивная цивилизация на пути фетишизации научно-технического (доктринального) *ratio* как средства устройства жизни? — имеет предрешенный ответ: на таком пути нерепрессивная цивилизация невозможна. Перспективы нерепрессивной цивилизации пробиваются на ином пути — демаркации науки и жизни. Суть в плюрализации, диверсификации типов продуктивной деятельности, легализации жизненно-значимых смыслов за пределами знания на базе внерациональных потребностей, запросов созидательных активностей, субъектов жизни и их ассоциаций.

Содержательный абрис науки задан коперниканским переворотом, галилеевой парадигмой, картезианской революцией, вводящими аналитическую, дедуктивную, условную, систематичную культуру знания. Ее гиперболизация, сопровождаемая столь негативными политическими эффектами, как калькуляция, массивификация, стандартизация, расчеловечение, ответственна за ускорение волевыми рефлексиями хода истории, пропитанными интенциями обмирщать рационально (доктринально) выведенные идеалы. Отсюда — деспотический абсолютизм, индустрия жертвенности, дисциплинарный энтузиазм, волевые интервенции в повседневность "человека массы", этатизм. В качестве рефлексивной проекции — антисциентистская убежденность, что все рациональное противожизненно (Унамуно); не разум, а воля созидает мир.

Отдавая должное критике деформации человеческого бытия вследствие фетишизации *ratio*, с радикальными выводами в ключе Унамуно мы позволим себе не согласиться. Человеческая жизнь строится и по воле, и по разуму, и по многим другим тонким началам. Дело не в этом, а в том, что в любом случае она не строится по доктринальному (чистому, научному) разуму. В жизни — иные правила, фигуры, стандарты, типы удостоверения значимого, к выражению которого приспособлена не стандартная нововременная, а нестандартная некоперниканская, не-галилеева, некартезианская методология.

Некоперниканская парадигма. Центральное положение человека в мире — изначальная данность, подтверждений нетребующая. Человек — средоточие Вселенной, персонально разворачиваемой в горизонте собственного жизненного проекта. Последний — сгусток земной полноты, недопускающий отлагательства реализации. Поскольку время в такой проекции — не

183

вечность, а ускользание наличного "Я" (мы перестаем умирать, когда прекращаем жить), ради кал издается статус значимых точек — моментов существования (исключающих ситуацию, когда количество переходит в некачество).

Все мгновенно, все пройдет. Что пройдет, то будет мило.

Радость жизни, воспринимаемая как неприносимая в жертву полнота бытия, тематизируется антропоморфной философией моментализма (субъективная эпопея, центростремительный роман). Говоря языком режиссуры, сверхзадача существования здесь — добиться мига, когда "слышна вся еще ненаписанная симфония" (Моцарт). Такое случается в пограничных обстоятельствах *carpe diem*.

Живи беспечен, равнодушен! До капли наслажденье пей! Мгновенью жизни будь послушен. Будь молод в юности твоей!

Негалилеев подход. Безусловный, качественный залог, устанавливающий позитивно конкретное отношение к жизненной реальности. Пафос платформы — в эвристике:

- человек есть его опыт — то, что случилось и случилось с ним;
- мир есть животворная, воодушевляющая среда, разомкнут: ни один компендиум фактов относительно мира не полон, ни одно обобщение не окончательно, фальсификация открыта;
- принадлежность к родовой форме, типу — конец человека;
- база витальности — непредсказуемость, спонтанность, непреднамеренность;
- наука дает человечеству то, без чего нельзя осуществлять согласованное

извлечение пользы в коллективном общежитии, — символ и закон; экзистенция в пределах элегического тире между началом и концом в преддверии вопросов жизни, смерти, любви, высвечивая единство дефинитивного и аксиологического, сообщает человеку опору его приватного существования — благоговение перед жизнью.

Маневренность сознания, непрестанная температура позиций, чудесное совмещение простейших слов-понятий с реалиями подводят к пониманию — "вечные вопросы ходят по улице" (Ницше), придающему бытию дополнительную пикантность,

184

Смерть и Время царят на земле, — Ты владыками их не зови; Все, кружась исчезает во мгле, Неподвижно лишь солнце любви.

Некартезианская платформа. Безрефлективный тип укорененного в бытийную почву интеллекта, некогитальная познавательная культура "искать, стена", в обход логоцентризма, аналитизма, трансцендентализма подводящая к просветленной, собранной, неспорченно чистой истине.

Высшее бытие слагается в предчувствиях, где истина сама себя несет, — здесь ей не нужно никаких оснований: «последняя истина, то, чего ищет философия, что для живых людей является самым важным, — приходит "вдруг". Она сама не знает принуждения и никого ни к чему не принуждает»²⁷.

Истины жизненного мира, возникая, минуя шаговую мысль, трансцендентальные, висящие в воздухе штудии, словесные нагромождения, "в минуты роковые", осеняют. Такова резиньяция Николая И: "У меня более чем предчувствие, что я обречен на страшные испытания и что я не буду вознагражден за них на этом свете". И далее: "Сколько раз я применял к себе слова св. Иова, ибо ужасное, чего я ужасаюсь, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне".

Картине, намеченной нами, быть может, не хватает широты, но ей нельзя отказать в справедливости. Гегелевская оценка Просвещения как поверхностного, скучного, абстрактного понятия ни о чем шокирующая, однако верна. С одной поправкой: не "ни о чем", а "о разрушении сущего". В отношении Просвещения, по-нашему, ввиду этого правильна любая сколь угодно резкая негативная мысль, отрицательная оценка.

Вся новоевропейская история, начиная с Великой французской революции, идет под знаком просвещенческой интенции прямым преобразовательно-социальным действием обмирщать рационально выведенные идеалы. Гибель целых народов не расхолаживала тех, кто верил в возможность людей "стать господами и владельцами", мастерами и творцами, созидателями и учредителями нового мира, в практическом откровении уравниваться с всевышним, проявить, выказать божественную статью.

Окрыленные порывом призывной мечты, Драйзер, Фейхтвангер воспевали опыт строительства чаемого в СССР, Кортасар — на Кубе. "Тоска по идеалу" (Белинский) заставляла изыскивать и находить монументальный стиль в ничтожных формах.

²⁷ Шестов Л. Соч.-. В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 402.

185

Надо дойти до глубинного истолкования Просвещения, чтобы постичь его амбивалентность.

Открывая страницу гражданско-политического бестиализма мировой истории, Просвещение стоит у истоков изощренно антигуманистической, рационально бесчеловечной социальности. Заждающееся на идолатрии разума, выстраивающее жизнь по конкретным символическим формам отражения Просвещение глубоко порочно в части

— схематизации человека: всесторонняя унификация лица по отредактированным когитальным, трансцендентальным формулам;

— инициации социального радикализма — затратная, жертвенная, кровопролитная, разрушительная методология действия;

— перевода лица, народа, нации на положение заложников волюнтарных, дисциплинарных, чуждых миру решений;

- нацеливания на деструктивное преодоление наличных реалий, исходя из жесткой, нереалистичной деонтологии;
- преступно узкого толкования жизненно-исторической практики как аппликации разума;
- подмены социального устройства насильственно-террористическими, революционными интервенциями в бизнесферу.

Сказанного довольно для далеко идущих критических квалификаций.

В который раз акцентируем: желанна не любая жизнь, а жизнь гарантийная. Гарантийность. Весь вопрос в ней. Наполняя существование безответственными, слепыми, подчиненными, насильственными началами, возвеличивая инструментальные ценности господства над природой, людьми, укореняя подконтрольный production of order, Просвещение разрушает гарантийный строй жизни, преследуемый и сопровождаемый, точно Дюреров всадник, назойливыми комплексами

- Прометея: отвращение к малой, обозримо-выверенной, операциональной политике (вспомним: "Я наших планов люблю громадь, размах шага сажень");

- Зевса: холодно-репрессивный нигилизм в отношении несогласных ("Кто не с нами..."), перерождающийся в деспотическую социальную мелиорацию;

- Пигмалиона: подмена мира идеально-символической конструкцией, превращение средств в цели (реификация того же "обобществления").

Народ принимал просвещенческую практику обмирщения чистых идей без соотнесения их с жизненными возможностями с

186

громким протестом, то откровенно борясь с надутым перстукату-ющим (властным, правительственным) ничтожеством, то выходя из государственного порядка. Тем не менее просвещенческие иллюзии относительно субстанциональной состоятельности рациональных видов доктринального осуществления сохранялись.

XX век жестокой практикой прямых объективации идеалов подорвал их, разрушил сомнительные надежды на рационально рассчитанное мироустройство. Вобрав печальный опыт большевистского, нацистского, фундаменталистского холокоста, он обострил булгаковский вопрос: как дойти до света?

Наш однозначный и односложный ответ на него состоит в утверждении: санацией политики на базе введения экзистенциального императива — власть, управление должны быть ориентированы на соблюдение, поддержание жизненной гармонии, бережное, осмотнительное, сбалансированное отношение к перспективам обеспечения судьбы, выживания всех единиц социальности начиная с индивида, популяции, этноса и кончая народом, нацией, цивилизацией в целом.

Руководствуясь сказанным, критика Просвещения проводится в терминах уважения к гуманитарному как таковому с позиций апологии гарантийной жизни, исключения затратных турбулентных технологий миростроения.

Сверхзадача — благополучие всех на основе благополучия каждого. Как она решается? Блокированием интенций развития на идеал, минуя обсчет достижительных влияний, воздействий. Порочная, скороспелая революция предотвращается продуманной выверенной реформой

- отменяющей торжество чистых несопряженных с жизнью идей;
- связывающей радикальность, масштабность, необозримость преобразований;
- вводящей мелиористские, эволюционистские, консенсу-альные расчеты потребного.

Пришло время, наконец, понять: в политике утверждаются не идеалы, а интересы. Утверждаются не силой, а легитимной доброй народной волей. Возможность ее заявления, учета — в расширении социального регламента вовлечения и участия, предполагающем легализацию диверсифицированных собственнических и гражданских форм. Сомнительному production of order противопоставляется демассификация,

дестандартизация, политический, владельческий *плюрализм*, гарантии его обеспечения.

В России слишком высок уровень ценностных притязаний и слишком низок уровень гуманитарного их наполнения. По этой

187

причине — своеобразный параллелизм состояний падкой на импульсивные импровизации модернизационной элиты и состояний замученного, затравленного инновациями "массового человека".

Народ кидал грязью не только в гонимых по этапу декабристов, но и в продолжателей их революционно-преобразовательного дела — народников, большевиков, либерал-реформаторов. Зловещую роль в России играло и продолжает играть господство уничтожающей содержание идеальной формы, не вскрывающей свойства, заложенные в материале, а рациональным броском перекрывающей их.

Как говаривал чеховский профессор Серебряков: "Надо, господа, дело делать". По произвольно смонтированным императивным потребностям объявляется судьбоносный *dies irae*: достаются полинявшие декорации насилия; непростительно, непоправимо для нападения на реалии используется всякий предлог — то недостаток коллективизма, то избыток централизованности; за отсутствием способности воздействовать на ум и сердце приводятся в изумление глаза и уши; стройка превращается в ломку; жизнь становится бурлящим кратером борьбы...

С любознательностью постороннего наблюдать за состоянием российской души в час эпохального перелома более не хватает ни сил, ни средств, ни совести. Что же нужно? Как утверждал в "Бывших людях" Горький, нужен очистительный ливень, смывающий всю грязь с нашей несчастной, измученной, печальной земли.

6. Жизнь и разум. "Наука не учит ни о ценностях, ни о целях", — свобода от последних, составляющая пафос стандартной социальной теории (СТ), формирует влиятельную интенцию на толкование феноменов социосферы как чисто "природных явлений". Оформление теоретической социологии, в духе соответствующих директив, рассуждает Л.Гумплович, оплачивается ясной ценой — выдворением из рассмотрения индивида. В фокусе внимания СТ — не напряжение участков мировых линий человека, а динамика групп, удовлетворяющая законам натурального мира²⁸. Аналогична позиция Дюркгейма, всей объективистской школы, поднимающей на щит "типы", "факторы", "коллективы" и гиперболизирующей редукционистские методики фиксации материала.

Апелляция к "натурализму", "объективизму" навеяна тенденцией использовать в рассуждениях приемы точных наук, дабы

" *Gumpłowicz L. Das Wesen der Soziologie // Ausgewählte Werke. V. 4. Innsbruck. 1928. S. 191-192.*

188

строить, получать каноническую теорию. Однако: теорию чего? Общества без жизнедействующей личности? Полноценной модели (онтологии) подобного общества (истории, цивилизации, государства) задать невозможно. Естественный предел редукционизму (в лице натурализма, объективизма) полагает двойственное движение: от параметров предметной среды, сопротивляющейся деперсонализации, и от способов рефлексии Я-содержащей, субъектнесущей реальности. Каждый умирает в одиночку. Оттого социология смерти невозможна (есть хронология смерти). Жить в одиночку нельзя. Оттого социология жизни возможна. Вопрос в том, как ее развертывать в качестве теоретичной и одновременно смысложизненной. Стандартная СТ достижением такого единства не озабочивается. Выбор делается в пользу "теории" с конструированием *чего-то действительности чуждого*, к ней не причастного. В принципе: стоит ли страшиться фиктивных конструкций? Фиктивность — общее и непреодолимое место теории. Та же механика изучает не реальные события-вещи, а поведение искусственного объекта — материальной точки.

Допустима ли аналогия для искомой социологии? Однозначно нет: социальная

среда личностна, персоналистична и как таковая должна находить адекватное рефлексивное воплощение. Если социальная жизнь складывается из "самости", "жизни" и "жизни самости", то данные слагаемые не подлежат устранению из теории.

Возвращаясь к сказанному, понимаешь, как ошибался Гум-плович, утверждая, будто, скажем, образование государства — "природный процесс", результат животной борьбы за выживание²⁹. Подобная этатогенетика, конечно, возможна, но что в ней глубокого? Метафизика социальности должна отвечать глубине осмысливаемой в ее горизонтах предметности.

Дьявол скрывается в мелочах. "Нога познающего неохотно вступает в воду познания не тогда, когда та грязна, но тогда, когда она мелка", — точно высказывает Ницше. Мелководье стандартной СТ проявляется в задании узкой фундаментальной схемы, вводящей как гипотезы существования, онтологические допущения, так и "пункты сосредоточения" мысли, системы отсчета интерпретативной деятельности.

Одномерность онтологии сказывается в элементаризации социальной реальности. Из множества факторов, участвующих во взаимодействии, выпячивается на поверхности лежащая группа причин, которая наделяется исключительностью. К примеру,

Gumpłowicz L. Rasse und Staat. Wien, 1875.

189

истоки олигархии выводятся из количественной определенности социального вещества: когда численность организации превышает фиксированный уровень (возрастает с 1000 до 10 000 единиц), начинает-де действовать "железный закон" концентрации власти Михельса. Теоретикам невдомек, что в том же количественном интервале способна материализоваться не олигархия, а демократия, отменяющая близлежащую идею "давление власти на землю — камертон истории". Нечто сходное уместно адресовать марксовой мысли изоморфности способов производства и народонаселения: каждому "исторически особенному способу производства... свойственны... особые законы народонаселения"³⁰. Откуда вытекает: относительное перенаселение при капитализме обуславливается спецификой капиталистического накопления — пролетариат, "производя накопления капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения"³¹. Тогда как при социализме, где якобы полная, оптимальная занятость, получаемая в качестве следствия рационального ведения хозяйства, достигается благоприятная динамика численности населения. Нет и еще раз нет. Законы народонаселения не изоморфны характеру производства. Хорошо известно, что в слаборазвитых странах рождаемость выше, так же, как выше детская смертность (в бывших социалистических странах оба показателя были выше, чем в странах капитализма). Кроме того, имеются демографически разреженные ареалы (Россия), а есть перенаселенные области (Фергана), государства (Китай, Индия), регионы (Европа).

Одноколейность интерпретативного процесса просматривается в презумции "рациональности" организации мира. Как уточняет Фома, "человеческий закон имеет характер истинного закона в той мере, в какой он соответствует разуму: при подобном подходе он с очевидностью выводится из вечных законов". Идея разумности устройства оправдана по части общего противопоставления общества природе: в первом в отличие от второго действует не стихия, а порядок, закон, регулярность.

Владыки! Вам *венец* и трон Дает Закон — а не природа.

Отсюда соблазн прямой импликации применительно к нашей отечественной ситуации. Помните:

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 646.

³¹ Там же. С. 645-646.

190

Послушайте, ребята Что вам расскажет дед. Земля наша богата. Порядка в ней

лишь нет.

Введи порядок, регулирай, все и устроишься, образумишься. Так ли?

Допущение рациональности мироздания встречает три возражения.

Общее — отрицание разумности исторического универсума. Выразил его Гуссерль: "поскольку вера в абсолютный разум, придающий смысл миру, рухнула, постольку рухнула и вера в смысл истории, в смысл человечества"³².

Особенное — отрицание разумности российского исторического космоса. Сформулировал его Белинский: "...все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта"³³.

Единичное — отрицание разумности социальности через противопоставление логизма эстетизму истории. Провел его Герцен: "я не верю, чтоб судьбы мира оставались надолго в руках немцев и Гогенцоллернов. Это... противно исторической эстетике"³⁴; а также: "горе бедному духом и тощому художественным смыслом перевероту"³⁵.

Итак, "жизнь имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диалектикой чистого разума"³⁶. Saltus mentis от "жизни" к "рациональной жизни" несостоятелен. Предпосылка "разумно организованной истории" проходит по такому уровню абстракции, который исключает эмпирическую критику.

Означает ли сказанное, что есть "жизнь" и отрешенная от нее "рациональная организация" жизни? Недвусмысленно и определенно мы готовы признать: означает. Если исключить полулегендарные прецеденты вечаемого непосредственно демократического процесса, выражающего ценности живущих людей и достигаемого на узком плацдарме полиса, несомненно, нигде не найдешь примеров жизнеориентированной политики. Имманентной страховки от генерации жизненных аномалий политика (государственная, институциональная, социальная, словом — публичная

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 142.

³³*Белинский В.Г. Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 386.* ³⁴*Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 11. М., 1957. С. 482.* ³⁵*Там же. Т. 20. С. 592.* ³⁶*Там же. Т. 6. С. 29.*

191

III

сфера) не имеет. Тот же Аденауэр победил на выборах под лозунгом "Достаточно экспериментов!".

От одного общественного урочища к другому мы идем не выверенно, конвульсивно. Связность разума и сущего (мира) — капитальнейшая тема, упаковывающаяся в вопрос: в чем скрытая телеология социального (публичного) состояния? Человек разумен. Так. Но строит жизнь не по ratio. Несовпадение одного (жизни) и другого (ratio) давно и откровенно выявлено в понимании. Сошлемся лишь на Канта: "Проблема создания государства разрешима, как бы шокирующе это ни звучало, даже для дьяволов, если только они обладают рассудком"³⁷; и Менделеева: "Боюсь больше всего преобладания между членами Государственной думы теоретиков, будут ли они из либералов или из консерваторов, и боюсь потому, что, любя свои созревшие мысли более всего окружающего, они должны предпочесть идейное жизненному, а в законах... (да и не в них одних. — *Авт.*) это вредно и допустимо лишь в малой дозе"³⁸.

Зазор между жизнью и ratio. Имея рассудок, возможно создать государство, но как добиться, чтобы не было государства дьяволов. Имея мужей ученых, возможно наводнить ими институты, но как добиться их (институтов) жизнеспособности, а не отрешенной деятельности. Гарантии. Проблема в них.

Для уяснения путей самоопределения деятельности в мире по созиданию приемлемых фигур жизни очертим круг полномочий ratio в обеспечении *salus populi*. Оперативный простор применения ratio составляет трехмерное пространство с осями: постановка задачи (1 измерение) — разработка решения (2 измерение) — преобразование реальности (3 измерение). Присмотримся к ним пристальнее.

1 измерение: поскольку восприятие действительности окутано облаком нерациональных пресуппозиций — нерефлектируемых пред-усмотрений, пред-мнений, веровательных интенций, идеально-хилиастических схем, полноценное проявление ratio здесь невозможно.

2 измерение: ratio поведенчески двойствен, он — субстанционален и функционален. Получив задание, он постигает сущность и формулирует технологию воздействия на познанную природу вещей.

3 измерение: внедрение технологии сообразно расстановке сил, влиянию событий, игре случайностей, балансу условий.

³⁷ Кант И. Соч. Т. 6. М., 1965. С. 285.

^Менделеев Д.И. Заветные мысли. СПб., 1903-1904. С. 64.

192

1 измерение внерационально по генезису, 3 измерение нерационально по конъюнктурному статусу. До-действие и собственно действие с реверансами в область пред-действия и после-дей-ствия — за пределами ratio: по крупному счету они вне компетенции теории, научной мысли. Стихия ratio — не цель (1 измерение) и не ценность (3 измерение), а промежуток, связывающий цель с ценностью через субстанциальную технологию, фундированный проект деятельности. Цели и ценности (1 и 3 точки) — выбор демона, не без некоторого сарказма акцентировал Вебер. Язва в том, что, подобно двум мертвым крайним точкам в движении маятника, не описываемым аппаратом механики (неинтересным ей как теории), в предельном выражении цель и ценность — такие же мертвые для теории точки. В триаде "цель — средство -ценность (результат)" наука поглощена опосредованием — средством. "Начала" и "концы" не подвластны науке. Она занята "серединой". (Хороша традукция с современной космогонией, в качестве отправной точки космической эволюции допускающей экзотическую "сингулярность", далее — отработанный аппарат модели Большого взрыва с разбеганием галактик (эффект Доплера), наконец, — фактический отказ от тематизации "конечного пункта" расширения.)

Некритическое раздвижение сферы полномочий ratio с приданием ему статуса главного агента устройства посторонних для него областей повлекли крайне опасную практику расколдования мира, жизни сугубо рациональными рычагами науки, техники, бюрократии. Метафизической апологией универсальности ratio как инструмента творения жизни выступил гегелевский панлогизм, объявивший государство (монополиста на институциональную побудительную и принудительную инициативу в социуме) концентратом разумного. С этого момента социальное устройство замысливалось и протекало как разумно-государственное устройство. Разумное, ибо шло по накатанной колее субстанциально-функциональных проектов. Государственное, ибо шло по этатистским методикам активного государственного участия. Возвеличение ratio неожиданно обернулось превращенной практикой социального насилия от имени ratio.

Без всяких нарочитых мазков и предвзятых красок — разум и насилие оказываются на одной доске, бок о бок; они принадлежат друг другу. Основания для столь вызывающей мысли поставляют сокрушительные свидетельства самой жизни. Взять Руссо с его идеей допустимости принуждения к свободе от имени постиг-нутости условий ее воплощения. Посылки Summum bonum отчуждаются от человека. Носителем их становится не он сам, не

193

бог, а приходящий некто. Задается новая сценическая постановка для драмы жизни с непривычным декором — к рампе выдвигается полномочный герой, от имени "научно обоснованного" всеведения насильно тянущий куда-то в "светлое грядущее". Немудрено, что из гуманиста Руссо произрастает Сен-Жюст, мародер и висельник по поручению чаемого, желанного, идеального будущего.

Позиция "извне" относительно жизни кощунственна, на-сильна, питает всегда затратную программу "мирового скотопри-гоньевска" с жестким распределением ролей массы, толпы, стада и поводырей, бестий, вперед смотрящего, всезнающего, просвещенного авангарда. Проект репрессивного облагодетельствован ия человечества не фантазмагория, это — трагедия нашего времени, трагедия жизни, в которую вносят мечту, как "весь мир содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте". А итог? Итог — хор давящего кошмара, тот же символ — знамя, только смоченное собственной кровью.

Нельзя от высоты идеала "есть друг друга и не конфузиться". Нельзя в погоне за совершенным утрачивать "тонкое, великолепное чутье — к боли вообще". Требования идеала духоподъемны, и характер их исполнения не может быть жалким. Встречу с желанным не может сопровождать чувство "только-то!".

Идеал самоценен постановкой. Он располагается в плоскости не идеологии прямого действия, а идеологии будирования. "В то, что есть, не нужно верить, но то, во что верят, должно быть", — говорит Гегель. Что значит "должно"? Как именно? Наш ответ — не через действие, а его инициацию.

Как действовать от имени идеала — неведомо. Сверхзадача — ставить и ставить вопрос, побуждать. Нужно адресоваться к нему каждый день, каждый час, каждое мгновение. Нужно, чтобы он не давал покоя. Тогда мечта сбудется, намеченное достигнется. Иначе — не живопись, а "фабрикация украшений", не труд любви и правды, а практика исторических коновалов.

Непонимание регулятивной природы идеала, некритическая его онтологизация породили чудовищную культуру горячечного социального трансформизма. Один и тот же удар по одному и тому же ранимому месту — удар по естественному самотеку народной жизни, — вот, что дала культура неумного (идеалом инспирированного) преобразовательства. Для иллюстрации довода произвольно, почти наугад возьмем несколько случаев отечественной истории.

1921 год. Оболваненная большевистской пропагандой Красная Армия (КА) начала революционно-завоевательный поход

194

против Европы. Под лозунгами "Даешь Варшаву! Даешь Берлин!", "Германский молот и русский серп победят весь мир" пошел натиск на старое, прошлое. Под польской столицей, однако, КА разгромлена. 18 марта между Россией, Украиной, Польшей подписан Рижский мирный договор, по которому Россия уступала Польше Западную Украину, Западную Белоруссию, выплачивала контрибуцию в 30 млн золотых рублей.

1921 год. Признание Ленина: "Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение. Если мы эту задачу пробовали решить прямым... лобовой атакой, то потерпели неудачу"³⁹.

1931 год. Директива Сталина: «Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все "объективные" возможности... Пора нам научиться использовать эти возможности. Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все»⁴⁰.

Каков принцип сущностных революционных вмешательств в жизнь?

Французская революция "обогастила" социальную технику гильотиной и тройками ОСО, успешно перенятыми большевиками. Ленин теоретически подводил под социалистическое строительство базу диктатуры — ничем не ограниченной, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненной, непосредственно на насилие опирающейся власти⁴¹. В концепционных штудиях, правда, имелся разброс: то диктатуру осуществляет партия, руководимая дальнзорким ЦК из 19 человек⁴², то волю класса-гегемона проводит диктатор, который "иногда один более сделает и часто более необходим"⁴³. Предел неопределенности положил Сталин, подведший фундамент

диктатуры лица под строительство социализма на практике. Получилось, как у Платонова: грамм наслаждения на одном конце уравновешивался тонной могильной земли на другом.

"Золотое правило" революционного устройства жизни — террор, репрессии, высокий потенциал насилия.

⁶⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 165.

⁴⁰ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 41.

⁴¹ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 383. ⁴² См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 30. ⁴³ Там же. Т. 40. С. 272.

195

"Буржуазия убивает отдельных революционеров, — наставлял Зиновьев, — мы уничтожим целые классы". 9 августа 1918 г. вышел декрет Совнаркома с указанием: "Всех подозрительных в концлагеря". 30 августа того же года начался массовый расстрел заложников. В рекомендациях Минюсту Курскому глава правительства проводит мысль "открыто выставить принципиальное и политически правдивое... положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость... Суд должен не устранить террор... а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас"⁴⁴.

Насильственное устройство не может не прибегать к карательным действиям госмашины, — какова связь вывода с задачами аксиологии, функциями *ratio*, метафизикой истории, назначением государства? Связь одного с другим самая непосредственная, прямая: деятельность обслуживающих жизнь инстанций не может идти под девизом "жизнь в том, что она исчезает". В этом суть. Острый вопрос — как этого добиться? На уровне абстрактных решений есть ответ в виде императива: искомое социальное состояние (демократия, свобода, парламентаризм, конституционность, права человека и т.п.) реализуется там, где за ним "решительная воля нации не дать править собой как стадом баранов"⁴⁵. Следовательно, счастье народа в руках его. Между тем ввиду нередкости раскола государства и народа, окрашивающего цвет жизни последнего в тона трагической обреченности, всплывает поставленная выше проблема гарантий: народу, дабы заявлять волю, нужно создать для того соответствующие (легитимные, институционные, процессуальные и т.д.) условия. Народ говорит тогда, когда его слышат и слушают.

Признание люфта в соприкасании государственной и народной воли наводит на необходимость фронтальной рефлексии — что вообще делают и призваны делать государство и народ в тка-нии материи позитивной жизни.

В жизни нужно поддерживать жизнь, а не реализацию схемы (обмирщение программы, реформы). "Наши души развратились по мере того, как шли к совершенству... науки и искусства"⁴⁶, — констатировал Руссо. Развратились. Почему? Потому что за инструментальностью одного и другого утратилась, исчезла жизнь. Предметом упований стало безоглядное "улучшение" исходного, изменение по научным, но не утвержденным жизнью методам.

⁴⁷ Там же. Т. 45. С. 190.

⁴⁵ Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социс. 1992. № 3. С. 131.

⁴⁶ Руссо Ж.Ж. Трактаты. М, 1969. С. 14.

196

Прозорливый выбор никогда не был так необходим, как сегодня. Выбор не в смысле ставки на отдельный компонент диады "наука — жизнь", а в смысле сомнения относительно состоятельности опекуинства по поводу жизни. Мир артефактов и артеактов переродил человека. Человек умеет сейчас лишь заводить машины. А там они идут дальше сами — "идут, идут и давят человека"⁴⁷.

Дерево приносит плоды, когда не болеет. Жизнь счастлива, когда не искажена *ratio*. "Только правильное разумение жизни, — отмечает Л.Толстой, — дает должное значение и направление науке... Не то, что мы называем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой. И потому для того, чтобы

наука была наукой, должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука и что не есть наука, а для этого должно быть уяснено понятие о жизни"⁴⁸.

Жизнь не духовное подполье, не беззаконничество, не бунтарство. Жизнь есть воспроизводство самой жизни (вследствие ее самоценности и самоцельности) в медленных и наиболее добротных компактных и миниатюрных трудах по содержанию дома, поддержанию потомства, выживанию. Жизнь есть самотек существования в повседневной самоочевидной рутинности малой социальности. Вторгаться туда нельзя. Всяк живет, как может, по своему разумению приоритетов. И имеет на то права, данные ему природой (раз он живет) и цивилизацией (раз он живет в специфичном социально-историческом, политико-государственном локале). Мудрость государства, институтов — не мешать, не нарушая естественного тока "медленной", "малой" жизни, сдерживать скоропалительную инициативу. (Вспомним запоздалое прозрение "Не смей командовать!", оказавшееся не востребуемым.) Говоря грубо, любая внешняя (государственная) инициатива для *просточеловека* не только не понятна, но и вредна — связана с покусительством на размеренный, налаженный, подкупающий привычностью стиль жизни. Любой реформатор в глазах лица из народа — прожектор, добывающийся то невозможного, то своекорыстного. Как у А.К. Толстого:

... России предстоит ч Соединив прошедшее с грядущим, Создать, коль смею выразиться, вид, Который называется присущим Всем временам...

⁴⁷ Шкловский В. Избранные сочинения. М., 1980. Т. 1. С. 187.

⁴⁸ Толстой Л.Н. О жизни. Мысли о новом жизнепонимании. М., 1911. С. 14.

197

Таким образом, первый случай — волюнтаристские посягательства на жизнь (малую социальность), плодящие зло. Модель самодержавной (кратократической) верховной власти трагична. Тяготеющий к ней Борис признается у Толстого:

От зла лишь зло родится — все едино:

Себе ль мы им служить хотим иль царству —

Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!

Самовластная кара — распаденья общего (малой и большой социальности) исход. Трагическая вина Иоанна, по Толстому, — "попранье им всех человеческих прав в пользу государственной власти" (малая социальность приносится в жертву большой)⁴⁹. Конфронтация двух типов социальности, как отмечалось, в державной плоскости дает неустойчивую фигуру. Трагическая вина Федора — "исполнение власти при совершенном нравственном бессилии"⁵⁰. Вариант, когда оснастка представителя малой социальности не достигает до понятия репрезентанта социальности большой. "Умирай вовремя", — советует Ницше. В государстве (большая социальность) страшен не демон, а серость, убожество. Облачаясь в тогу носителя ответственности, верховной власти, представитель малой социальности берет на себя функции выразителя социальности большой (роль государственного мужа). Это под силу далеко не всякому. Об И.П. Шуйском Толстой говорит: "Такие люди могут приобрести восторженную любовь своих сограждан, но они не созданы осуществлять перевороты в истории. На это нужны не Шуйские, а Годуновы"⁵¹. Борис Годунов личность сильная, достойная выступать от имени большой социальности, но не настолько, чтобы отрешиться от непродуманных интервенций в историю (соблазн перестройки мира по своему "разумному" плану). Побеждает не "бремя долга, но радость игры" (Савинков). И это печально.

Второй случай — предсказуемость поведения властной организации на базе отказа от "научно обоснованных" интервенций в историю, жизнь при соответствии личностных качеств представителя малой социальности требованиям к ставленнику социальности большой. Это — раритет власти, носитель которой, избегая вопрошаний: "Я царь или не царь?", подводит действия под цензуру жизненной культуры. Жизнь, регулируясь автономными целями и ценностями, при всех починах становится лучше. Дан-

⁴⁹ Толстой А.К. Собр. соч. Т. 3. М., 1980. С. 480.

⁵ Там же. ⁵¹ Там же.

198

ный редкий случай достигает синхронизации малой и большой социальности, обмирщаемой активности лица и совокупного результата истории. Здесь:

Деяния и помыслы людей

Совсем не бег слепой морского вала.

Мир внутренний — и мыслей, и страстей

Глубокое извечное начало.

Как дерева необходимый плод,

Они не будут случаю подвластны.

Чье я узнал зерно, знаком мне тот,

Его стремленья и дела мне ясны.

(Шиллер)

Не о жалкой апатичной венценосности, не о кротком постничестве на троне, а о выверенном творении жизни по ее внутренним целям и ценностям, подводимым под описываемый случай, должна учить аксиология, историософия, метафизика государственности.

ЦЕННОСТНЫЙ АКТ

1. Чистый и практический разум. Практический разум (желание, воление, побуждение) в отличие от чистого "имеет дело не с предметами с целью их познания, а со своей собственной способностью осуществлять эти предметы"¹. Со способностью какой именно? Со способностью полагать бытие, разворачивать формообразование сообразно целям, проявлениям свободы. В морфо-генетических актах, подчеркивалось, мы уподобляемся богам, выражая потенциал креативности. Помните:

Так господь

Избраннику передает свое Старинное и благостное право Творить миры и в созданную плоть Вдыхать мгновенно дух неповторимый.

Продуктивное самодействие, творчество — шиболет человека — в гуманитарном отношении, однако, не определено, не выверено. Выход за границы наличного (создание возможностей, воплощение их) со многих сторон амбивалентен: взрываются стандарты, перекрываются порядки, перекраиваются установления; возникает возмущение, и в познании, и в общении, и в деятельности выказывающее себя как турбулентия. Главное — утрачивается общественная устойчивость и независимость "от простого случая или произвола" (Маркс).

В науке заявление новации (парадигматическая теория) влечет оппозицию (борьба с гелиоцентризмом, эволюционизмом, релятивизмом); в политике заявление новации (программа социального устройства) влечет фронт (борьба с социализмом, либерализмом, демократизмом). Дело не в косности мысли (технические сложности восприятия нововведений того же Галуа, Гамильтона и т.д.), опыта (враждебность прогрессу, охранительность повадок — консерватизм), а в элементарной утрате гарантий.

¹ Кант И. Соч. Т. 4 (1). М., 1965. С. 418.

200

Морфогенетические (вызывающие ревизию, эрозию) акты дают серьезный разлад лица и мира. Поле боя — в нас. Что противостоит самоуверенной заносчивости, титанизму Номо hereticus, в трансформационных порывах дезорганизующему законы, опоры культуры?

Абстрактно "права на бытие" в техноморфизме может иметь все. Конкретно же — гуманитарно легализуемое. Как добиться торжества логики гуманизма над логикой экспансионизма? Построением особой логики.

Аристотель развивал логику доказательства; Бэкон, Декарт, систематики Пороя — логику открытия; доктринеры Просвещения — логику преобразующего насилия.

Нужна же логика поддержания, сохранения жизни, логика санирующего человеколюбия.

2. Полагание бытия. Человек как существо самоутверждающееся вопрошает не о том, что есть, а о том, что может быть². По этой причине способом полагания бытия выступает преследование целей. Будучи "пограничным понятием" (Наторп), цель

- концентрирует образы потребного, чаемого, вожденного;
- играет роль регулятивного принципа;
- выражает требования безусловного;
- сообщает значимое априори содержанию деятельности.

Расцветившая цветами целей человеческая реальность не бесцельна; применительно к ней неправомерно спрягать фигуру "бесцельная онтология". Человекоразмерность сущего достигается инкорпорацией целей, заимствуемых не из телеологии (Лейбниц), а из жизни. Предельной питательной средой целей, смыслов, значимостей для человека выступает жизнь — мир *Leben-swelt*.

Последнее существенно редактирует техноморфную продуктивность. Динамика ее достаточно сложна.

Первая фаза — отягощение целью.

Вторая фаза — воображение как особый вид интеллектуального осуществления реальности.

Третья фаза — координация схемы чаемого с наличными возможностями.

Четвертая цель — обмирщение цели.

Круг замыкается. Цель инспирируется тщанием усовершенствовать жизнь и возвращается в жизнь в инспирации пребывать в совершенном. Интерпретация движения в данном кругу как изначально положительного, гарантийного, конечно, беспочвен-

² См.: *Schelling F. Samtliche Werke. Bd. 2. Abt. III. B., 1856. S. 89.*

20)

на. Человек — дикообраз, подчеркивает Шопенгауэр, колет, кто ближе и чем ближе — сильнее. Цель может быть любой. Потому воплощение цели (мечты) требует не только труда, но и ощущений вечного масштаба. Вникнем в суть непреходящего: "Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними"³. О чем речь? О "бесконечных ценностях", золотых правилах, реперах культуры (фиксируемых и в фольклорно-эпической, и в притчевой форме: "бог долго ждет, но больно бьет"; "людям сила бесполезна, если богу не по нраву"; "Безумец служит счастью. Как вода // Оно уйдет — неведомо куда. // Лишь в правде и добре ищи отраду //Ив мире вечном обретишь награду"), внутренних высоких побуждениях, имеющих целесообразную природу.

3. Ценность и цель. Генетически ценности отвлечены от целей. Операционально постановка, преследование целей осуществляется по ценностям. В силу своеобразного оборачивания складывается чувствительная органическая система "универсальных начал, объединяющих мысль и жизнь человечества" (В.Соловьев). Цели в блоке с ценностями организуют поведение, сообщая ему генеральные интенции, "связывая" свободу, предопределяя движение на достижительность с позиций идеологичности.

Действия лиц не механистичны, они аксиологичны. Филантропия декабристов провалила революцию сверху. Мизантропия большевиков искажила революцию снизу.

История есть созидание того, чего нет в природе. Как оно протекает? По впитанным личностью, отстаиваемым ею идеалам. Всякая частная правда, замечает Голсуорси, "плоска как блин". Но она вынуждает некую бытийственную конструкцию.

Риккерт, Виндельбанд, Шелер, Гартман разрывали мир и идеал, помещая ценности в надвременное трансцендентное царство. На деле ценности совмещены с действительностью за счет встроенности в деятельность.

Бытие и мышление не тождественны. Должное и сущее не совпадают. Преодоление разобщенности одного и другого происходит в реальном преображении мира в актах позитивного жизне-творчества.

Ценности (идеалы) вторгаются не извне. Через мотивацию, стимуляцию,

инициацию поведения, генерацию превентивных образов, антиципирующих схем — изнутри — они регулируют созидание сущего.

³ Мф. 7, 12.

202

Дайте мне ценности, и я сотворю мир. Сотворю, объективируя понятие, идеальное.

Ценностная экипировка актантов опыта оранжирует природное и гражданское зодчество. Тот же коммунизм — в зависимости от характера его воплощающих — принимает разные формы: от полной свободы до полного рабства.

Поскольку созидание, продуктивная деятельность есть работа, заставляющая жить то, чего нет, постольку встает аналитическая задача самокритики наставляющих опыт ценностей. Суть в том, что для опыта, как такового, нет ничего невозможного.

Крик вырывается скорее, чем его издают. "Я" является *causa efficiens* бытия, неся в себе повышенную опасность неоднозначности обмирщаемых ценностей (идеалов). Дали идентифицировал жизнь с "умывальниками", Сатре — с "великими темами". Если идеи правят миром, возникает проблема качества идей: ложные идеи имеют то неудобство, что долго изживаются.

Опыт выстраивает существование по ценностям (идеалам) конкретным отображательным формам. Но часто в руках того, "кто дерзает, кто хочет, кто ищет", средство превращается в цель. Как тут не вспомнить, скажем, "мировую революцию", по поводу которой Ленин уточнял: "Никакого острова утопии здесь нет. Дело идет о создании социалистического государства... Дело не в России, на нее... мне наплевать — это только этап, через который мы проходим к Мировой революции"⁴.

Итак, наплевать на реальное во имя мнимого... Искажённые отражения персональных душ, непрочность, иллюзорность даже высочайших субъективных порывов, обостряя сюжет "в чьих руках молния", обязывают прибегать к ресурсу аксиометрии — введению оценок ценностей в зависимости от практических предпочтений.

4. Ценность и оценка. Назначение ценности — вводить регламенты конструирования бытия. Назначение оценок как "коренного факта" (Виндельбанд) удостоверяет качество ценностей. В среде специалистов нет единства по вопросу статуса оценочных суждений, являются ли они дескриптивными или нормативными. Сюжет тонкий. Не входя в логические нюансы и представляя всю полноту изъяснений о действительности в пределах триады: аскрипция (приписывание) — дескрипция (описание) — пре-скрипция (предписывание), примем, что оценочные (квалифицирующие) суждения включают все указанные моменты. Сужде-

Цит. по: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Париж, 1984. С. 246.

203

ния "как нужно", "как должно" *quantum salis* не могут не опираться на базальные схемы "как есть". По этой причине противопоставление презскрипции дескрипции (как правило, с игнорированием аскрипции) неправомерно.

Главные функции аксиометрии — конституировать отношение предпочтения, вводить ранги удовлетворительности посредством развертывания преференциальных шкал, налаживающих ориентационно-поисковые акты, акты "принятия — отвержения" (Н. Гартман).

Базовыми качественными показателями преференциальных шкал являются ценности, роль которых играют деонтологические предложения. При этом любой предрассудок, выступая не более, чем полуправдой, может стать принципом. Скажем: социал-демократия Германии противостояла войне, но в 1914 г., выказав патриотизм, отказалась от превращения войны империалистической в гражданскую, активизировала борьбу за победу отечества. Как констатировала Р. Люксембург, "организационная мощь и хорошо известная дисциплина социал-демократии привели к блестящему результату. Было достаточно приказа кучки парламентариев, чтобы в течение двадцати четырех

часов... масса из четырех миллионов человек повернула назад и позволила впрячь себя в тележку империализма, разрушение которого еще вчера было смыслом ее существования".

Базовыми количественными показателями преференциальных шкал являются величины, учитывающие множества людей, совершающих свободные и принудительные действия.

Формулировку, интерпретацию закона свободных действий людей дает А.А. Давыдов⁵. Им начатый проникновенный разговор о параметраже человеческой материи ограничим такими фиксациями.

Закон свободных действий выражается равенством

$$FA = N * P/N * W/P,$$

где FA — множество людей, совершивших свободное действие; N — размер генеральной совокупности; $P \sim$ множество людей, потенциально совершающих свободные действия $0 < P/N < 1$; W — множество людей, склонных совершать *свободное* действие, среди P , $0 < W/P < 1$ ⁶.

См.: Давыдов А.А. Системный подход в социологии. Законы социальных систем. М., 2004.

" Там же. С. 109.

204

Из(1) получается равенство (2), демонстрирующее суммарную ограниченность возможностей и склонностей в свободных действиях людей (показатель C)

$$C = (1 - P/N) + (1 - W/P) = \text{const} \text{ при } FA = \text{const}.$$

На основе (1) и (2) приходим к третьему равенству

$$A = FA + CA,$$

где A — множество действующих людей; FA — множество свободно действующих, CA — множество вынужденно действующих людей⁷.

При наложении соответствующих рассчитываемых по данным формулам величин на показатели структурной гармонии и дисгармонии социальных систем, фундируемых числовой пропорциональностью общественных связей, возникает крайне инспирирующая модель социально-исторических оптимумов (универсалий). В который раз убеждаешься, что ценности (в регуляризации обмена деятельностью) становятся действенными регулятивами весьма продолжительных, ответственных периодов человеческого самоутверждения.

5. Ценность и идеал. Столкновение "высоких требований с реальной немощью" (В. Соловьев) преодолевается объективацией ценностей, обмирщением идеалов. Идеалы — высшие ценности, "конечные смыслы" бытия, "категории, расширенные до безусловного" (Кант) — есть мерило того, что "в своем роде совершенно"⁸. Идеалы не дают, а требуют. Не от жизни, не от бытия, не от сущего — от человека.

Имея сверхчувственное наполнение, концентрируя человеко-козначимые отношения, идеалы удовлетворяют не "природе разума", но "природе человека" как носителя ценностного. В подобном своем качестве они "влияют".

Традиционный и мнимо острый вопрос: как идеальная реальность воздействует на бытие, как должное влияет на сущее, получает лишь один приемлемый ответ: 1) через целеполагание деятельности; 2) через внутреннее возвышение, экзистенциальный рост.

Главное при этом — не превращать умеренность в крайность, предотвращать этатизацию ценностей. Разительный контраст по обозначенному являют обстоятельства Запада и России. На Западе

⁷ Там же. С. 111-114.

⁸ Кант И. Соч. Т. 3. С. 502.

205

вопросы ценностей вследствие атомарности сосредоточены в частной сфере, в России вследствие синкретичности — во властно-государственной. Развитие

социальности здесь подчинено правилу монополизации властью ценностных аспектов жизни. Апофеозом такой монополизации стал тоталитаризм, всецело определявший углы, градиенты аксиологических дрейфов. На Западе приватизация ценностных отношений влекла, с одной стороны, универсализацию единой и единственной ценности в лице национального интереса, а с другой — стимулировала политико-социальную консенсуальность (ввиду легитимности гражданского плюрализма). В России этакратизация ценностных отношений умножала раскол, усиливала расслоение на адептов и "внутренних врагов", увеличивала напряженность, репрессивность, исключала преемственность.

Новая ценность — новый курс. Не продолжение старого на основе улучшения, а тшание нововведений на базе разрушения. С неременной ликвидацией апологов прошлого.

Владимир дал Руси ценности. Петр начал их изничтоживать. Ударил по церкви (обмирщение, отмена патриаршьяго духоводи-тельства, замена предстоятеля национальной веры светским лицом — оберпрокурором Синода, индульгенция на нарушение тайны исповеди в случае подрыва интересов государства (характерная деталь — на Западе нарушение этого таинства — трагедия для представителя культа (фабула "Овода"), тогда как в России — моральный долг)), старомосковской старине, домостроевской святой Руси (подавление стрелецкого бунта — кульминация и финал борьбы с традицией), принялся за европеизацию, перенес столицу (географический раскол державы). Взяли власть большевики — огнем и мечом стали внедрять антизападничество, что потребовало новой духовной апологии, а значит, интеллигенции. Отечественная интеллигенция в массе была уничтожена (вырезана, выслана). В ийвилизационной пустыне развернулось возведение рукотворного памятника новым порядкам.

Столь неорганический стиль реформирования — от идеокра-тичности. Он будет воспроизводиться до тех пор, пока страна, государство, народ пребывают в заложниках у носителей очередных, а то и внеочередных ценностей. Социальные ценности и частная жизнь должны быть правовым способом надежно разведены, разграничены. Тогда Россия приобретет гарантии от коловращения по тлетворному циклу, имеющему фазы: самоневерие — самоиспытание — самоистязание. Мы более не в силах начинать сначала, как Ромул, на пустом месте; огладываясь назад, пони-

206

мать, что сделано нечто не то, и посему, точно китайский болванчик, падать в обморок.

Всё знают только все. Развенчание дефектной практики вы-ступания от абсолютных истин обязывает принять: начальная ступень истины — справедливость, высшая же — милосердие, и руководствоваться этим в социальных починах.

6. Ценность и власть. "Всемирная история, — утверждал Шпенглер, — это всемирный суд, и он всегда решает в пользу более сильной, полной, более уверенной в себе жизни... Он всегда приносит истину и справедливость в жертву могуществу и расе и обрекает смерти людей и народы, которым истина важнее действительности и справедливость важнее власти"⁹. Предпочтения Шпенглера, обостряющего оппозицию "истина, справедливость" — "могущество, власть", очевидны: они на стороне последних. Для Локка — диаметрально противоположная система исходных презумпций. Так как ложь подрывает доверительность, искренность, непредвзятость, разрушая устои цивилизованного человеческого общения и ретардируя к преодоленному естественному состоянию, она представляет угрозу единственно приемлемой практике общественного договора и не пригодна в политике.

Итак, налицо дилемма "мораль — власть", навеваемая сомнениями, совместима ли власть с благочестием, возможно ли быть политиком с "чистыми руками". Перспектива снятия дилеммы, освобождения образа властителя от неблагоприятных и неременных криминальных коннотаций видится в следующем.

Верно, не все сферы общественно полезной занятости изначально моральны. Такова, к слову сказать, экономика, крепящаяся на трудно совместимой с моральностью меркантильности: не нравственные каноны, а деньги здесь — базис коммуникации. По аналогии с этим возникает иску́с расценить и рабу молвы, расчета и страстей политику, фундируемую конъюнктурностью, эффективностью, выгодностью.

При всем том, однако, спрашивается: грозит ли смещение акцентов деятельности с моральности к практицизму утверждением вседозволенности? Никакой предзаложенности этого при вдумчивом рассмотрении не обнаруживается. Лишь на поверхности власть — immoralная игра без правил. Свой регулятивный, ценностный этос у власти есть (и Аттила ведь богам поклонялся): он обеспечен архизначимой логикой предсказуемого функционирования власти как облеченного колоссальной ответственностью за социальное благополучие компетентного институ-

⁹ *Spengler O. The Decline of the West. N.Y., 1933. P. 507.*

207

та, опирающегося на высокие начала долга и гуманитарного величия. Отсюда убежденность: а priori во власти дефицита морали нет; справедливость и власть не взаимоисключающи; властный реализм и морализм не противоположаемы.

Сказанное позволяет развеять некогда пользовавшиеся кредитом, но бесперспективные, догматические доктрины в философии политики, связанные с именами Макиавелли и Канта.

Проводимая Макиавелли (Штирнером, Ницше) идея морального нигилизма в политике крайне отрешенная. Достаточно принять во внимание, что деятельность политических лидеров, предводителей отечества вся на виду: она прозрачна и строга, поддаваясь обозрению и управляясь своим неписанным кодексом чести, за соблюдением коего надзирают многочисленные правомочные инстанции — парламентские комитеты и комиссии, располагающие мощными рычагами официального и неофициального воздействия (вплоть до импичмента).

Спекулятивна и искусственна и линия Канта, сталкивающего принципы гсударственно-политической и моральной сферы (важная для первой сферы свобода воли, инспирирующая правовой принцип, якобы аналитична, тогда как основоположения добродетели, вмещающие цели и не следующие из свободы воли, синтетичны). Откуда вытекает, что политико-государственная активность держится на разведении права (компетенция светских структур) и морали (компетенция церкви).

Сшибка политики с этикой утрачивает смысл при понимании того, что вершат судьбы мира не просто венценосные, а достойные люди. Человек властвующий одновременно и моральный человек, погружен в стихию гуманитарности: данное обстоятельство, отмеченное в древнем "Зеркале князей", послужило основанием демаркации между досточтимым властителем и ничтожным властолюбцем.

Требование моральности в политике свято, но гибко. Стратегически оно нацеливает на радикальное исключение из активности неблагоприятных действий. Тактически же во избежание коллизий от соприкосновения абстрактных норм с конкретной реальностью (вспомним бесконечный и нерешимый спор ригористов с утилитаристами) оно ориентирует на принцип наименьшего зла: слепое следование моральному кодексу (платформа Канта) неразумно и нерационально; нарушение его допустимо, если допущение зла позволяет избежать большего зла (теория легитимного ущемления прав). Как видно, политическая этика распадается на два фрагмента: этику ответственности (понимание неоднозначности моральной регуляции деятельности при приня-

208

тии судьбоносных решений) и этику убеждений (понимание необходимости исключения — в идеале — из политики неблагоприятных действий).

И все же. Все же. Все же.

Как, спросим мы вслед за Оруэллом, человек утверждает свою власть над другим человеком? И ответим: заставляя его страдать. Иначе, если человек не страдает, как можно удостовериться, что он выполняет вашу волю, а не свою собственную? Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать; в том, чтобы разрывать сознание людей на куски и составлять снова в таком виде, в каком вам угодно. При действующих структурах власти противоядия этому не дано. Взывания к внутреннему чувству, гуманитарному величию правителей недостаточно. Гарантия от издержек власти — уничтожение власти.

7. Деонтология: "есть" и "должен". Хорошо известен выражающий автономию морали принцип Юма ("гильотина" Юма), запрещающий переход от "есть" к "должен": "Я заметил, — повествует Юм, — что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* и *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это *должно* или *не должно* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него... Я уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом"¹⁰.

Принцип Юма, в современной редакции являющийся принципом запрета, отрицает возможность логического моста от фактов к императивам, от прецедентов к принципам, от дескрипции к прескрипции. Он жестко разделяет индикативное и императивное наклонение, утверждая, что с помощью логического вывода

Юм. Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 618.

209

из индикативных предложений обоснованно вытекают лишь индикативные, но не императивные предложения. Поскольку строгого доказательства невозможности логического перехода от "есть"-утверждений к "должен"-утверждениям не существует, равно как не существует доказательства обратного, перед нами типичный случай независимого тезиса, который не может быть ни доказан, ни опровергнут в наличной системе знания. Уточним — какой? Именно — формально-логической. Прямой, непосредственной дедукции императивов из индикативов нет.

Тем не менее императивы откуда-то берутся, как-то вводятся. Откуда? Как? Вернемся к положениям юмовского "Трактата". Проблему генеалогии императивов проясняет сам Юм, высказывая убеждение: "различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом". О чем, собственно, речь? О том, что:

1. Деонтологические отношения не конституируются дедуктивно-логически;
2. Деонтологические отношения не конституируются в границах одного лишь разума.

Иными словами, от рационально-логических удостоверений и связей надлежит перейти к смысловым. В этой плоскости никакого запрета, устанавливаемого принципом Юма, не обнаруживается.

В духовной сфере (знание) в специальной теории относительности постулируется $c = \text{const}$. Это уникальный случай, когда эмпирическое свидетельство возводится в ранг закона (эвристическая схема СТО как фундаментальной теории закладывает базисную доктринацию явлений в современном естествознании).

В практически-духовной сфере (юриспруденция) есть прецедентная система права, систематизирующая казусы и придающая им характер норм.

Дилеммы "прецедент — принцип", "индикатив — императив", "аргумент — функция" снимаются в жизни путем свободного выбора за счет а) жертвования персональными реализациями, гиперболизацией статусов; б) трансформации статусов, гиперболизации персональных реализаций. Первый случай — перипетии Вашингтона, Александра III, Сталина, поступавшихся личностным для социального (Вашингтон любил Салли, но подвизался на ниве державостроения, Александр III не женился на любимой Мещерской, Сталин пренебрег судьбой сына). Второй случай — эпизод Эдуарда VI, во имя боготворимой им Уоллес сошедшего с публичной стези в партикулярную тень.

210

Служить интересам целого — значит убивать в себе человека. Решаться на что-то в движении в створе обозначенных дилемм возможно контекстуально, производя судьбоносный выбор. Памятуя, однако, что как бы там ни было, но — "чем жизнь сознательней, тем она несчастней" (Гартман). На склоне лет тот же Вашингтон готов был обменять достигнутое на мгновение жгучей, но, увы, не состоявшейся любви к своей Салли.

8. Деонтология: "должен" и "способен". Наряду с принципом Юма деонтология комбинирует принципом Монтеня, увязывающего "должен" со "способен": "мы не можем отвечать за то, что сверх наших сил и возможностей".¹¹ Оптовая деонтология невозможна. Отношения долженствования лежат в границах возможностей человека; обязывающие нормы не могут требовать невозможного. Откуда вытекает:

1. Есть правила долга, устанавливаемые в пределах стандартных способностей (к примеру, нельзя требовать создания шедевров);
2. Есть правила идеала, формулируемые как интенции на развитие способностей (свобода самоопределения в границах побуждения).

9. Структура ценностного акта. Символическое — предпосылка человеческого. Одно пропитывает другое через генеральные целеполагающие интенции, вводящие образцы — не формальные образы, но содержания, "открытые для вещей, отношений и личностей, которые к ним стремятся"¹².

Устремленность деятельности опосредуется двояко

1. Отнесением к целям — шлейфы теленций;
2. Отнесением к ценностям — шлейфы преференции.

Блок (1) со (2) мостит путь созидания. Мы антиципируем свойства потребного бытия, расценивая его через призму чаемого. Мы целесообразно действуем согласно чаемому, дабы добиться его воплощения.

Теленций обеспечивают присутствие в деятельности момента достижительности. Преференции обеспечивают там присутствие момента предпочтительности.

¹¹ Монтень М. Опыты. Т. I. М.; Л., 1958. С. 38. "Hartman N. Ethik. B., 1926. S. 109.

211

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1. Боги сброшены с пьедесталов, развенчаны. Святынь более нет. Остался выбор. Однако человек не свободен и в выборе, как Адам и Ева в раю. Мир потенциалов сузился, истощился. Движимые гордыней, своеволием, своекорыстием люди, дабы выйти из юдоли порока и зла, должны распрощаться с самомистификацией.

2. Плача по Солнцу, не замечают звезд. Угрозы чрезмерных амбиций не исчезли. То, что настоятельно требует покаяния, состоит в отказе от заносчивости в социальных преобразованиях.

"Человеку надо есть хотя бы для того, чтобы у него было время для раскаяния", — указывает Вийон. Такого времени у человека уже нет. Вопросом, по отношению к которому все прочие вопросы являются следствием, оказывается вопрос: возможно ли далее потворствовать общественному насилию, переходя от принуждения природы к

социальному рабству?

3. Краеугольный камень безумцев — спотыкаться от усердия воплощать идеалы. Возвышенное возбуждает восторг, поднимает чувства, одухотворяет, наполняет обещанием жизнь и... ввергает в тенета мутной политики.

Деятельность от идеалов вызывает неожиданные, нежелательные результаты — все итоги революций не соответствуют высотам заявленных целей. Люфт между идеалами, целями и инкарнациями, объективациями, люфт между теорией и историей, доктриной и бытием — устраним ли?

Чтобы увидеть ангелов, надо, подобно Дали, со всей силой, до боли, надавливать на глазницы, вызывая ощущение фосфе-нов. На что может претендовать идеал (регулятивная сфера)? На инициирование. Но стратегией не принуждения, а ассюрирования воли, поведения, действия.

4. Вымысел жизнезначим. Как брожение возможностей, открытость влияниям. "Если бы все мои грезы воплотились в действительность, — отмечает Руссо, — я бы не был удовлетворен; я продолжал бы грезить, воображать, желать. В себе нахожу я

212

необъяснимую бездну, которую не заполнит ничто; томление сердца по иному типу полноты, который я не мог постичь, но к которому я, тем не менее, чувствовал привязанность".

"Томление сердца по иному типу полноты" располагается в плоскости внутренней — никак не внешней; никакой идеал вовсе не "должен" обнаруживаться в действительности.

5. Мир создается от лица идеала. Однако не по расчету. В "минуты роковые" расчеты, рациональные схемы пасуют. Я считаю, признается Гегель, что мировой дух командует времени вперед: "Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевая и сметаая на своем пути"¹³.

Доктринальный фатализм, провиденциализм, дирижизм, конечно же, передержка. В позитивном историческом жизне-ке всегда преследуются частные интересы, общий смысл которых высвечивается задним числом. С этих позиций, хотя подчас и бушует стихия тьмы, ночь не беспредельна: в устроении жизни отлагается инвариантное, абсорбируется общезначимое — оно-то в дальнейшем играет роль "должного", "идеального", регулирующего продуктивную деятельность.

6. Достоинство человека в свободе, являющейся залогом того, что, как утверждает в письмах Гегеля к Шеллингу бернского периода, "исчезает ореол, окружающий головы земных угнетателей и богов". Философы доказывают это достоинство, народы же покуда не научились его ощущать. Когда же случится обратное, они уже "не станут требовать свое растоптанное в грязи право, а просто возьмут его обратно, присвоят его".

Давление ценностей демократии, свободы разрушило политическую организацию Восточной Европы, вызвало коллапс социалистической системы. Что означает "ценностное давление"? Как ценности подрывают общественные устои? Опосредованно. Через целеориентацию, мотивацию, разложение лояльности лиц, взявших и присвоивших себе право свободы.

7. Суть кризисности нашей эпохи в том, что мы лишены адекватной философии выбора. Идеология Просвещения знала, как выбирать: панацею от всех зол и бед она видела в разумном расчете, *ratio*. "Никакой цинизм не может превзойти жизни", — указывает Чехов. Когда выяснилось, что разумный расчет жизни — исток заблуждений, химер, цинизма, гримас, ничтожества дел

¹³ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 357.

213

человеческих, идеология Просвещения потерпела крах. Скажем больше: потерпел

крах опыт душевной темноты, помноженной на социальную агрессию. С одной стороны, он высветил слабость оснований, на которых стоит общество, с другой стороны, он способствовал формированию отрадной бдительности, озаряющей оптимистическим пониманием: отчаяние в будущем необоснованно, если дело жизни берет в свои руки сама жизнь.

Научное издание

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ИЛЬИН

АКСИОЛОГИЯ

Зав. редакцией *И.Е. Новикова*

Редактор *Е.А. Пермякова*

Художественный редактор *Г.Д. Колоскова*

Технический редактор *НИИ. Смирнова*

Корректоры *Г.Л. Семенова, В.А. Ветров*

Обложка художника *А.А. Умуркулова*

Подписано в печать 23.11.2004. Формат 60 x 90 ¹/₆. Бумага офс. № 1. Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 12,38. Тираж 2000 экз. Заказ № 6138. Изд. № 7959

Ордена "Знак Почета" Издательство Московского университета. 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел.: 229-50-91, Факс: 203-66-71, 939-33-23 (отдел реализации). E-mail: kd_mgu@rambler.ru

В Издательстве МГУ

работает служба «КНИГА—ПОЧТОЙ».

Тел.: 229-75-41.

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

В Издательстве Московского

университета имеются в продаже

книги:

Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 384 с.

Работа является шестой после «Философии власти», «Россия: опыт национально-государственной идеологии», «Философии политики», «Политической антропологии», «Реформ и контрреформ в России» книгой серии «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире». Распад СССР, набирающие и доходящие до критической отметки центробежные отечественные процессы обостряют вопрос судьбы России, ее грядущего. Что такое Россия? Чем она была и стала? Где она? Куда стремится? Ответам на эти жизне-значимые вопросы с тщательной оценкой корней и условий российской государственности, геостратегического державного самоопределения, типа оптимального странового устройства посвящена книга.

Для обществоведов, широкого круга читателей.